

Августъ Стриндбергъ.

Августъ Стриндбергъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ.

Томъ ІХ.

Изданіе В. М. Саблина.

Августъ Стриндбергъ.

ДѢТСКАЯ СКАЗКА.
ИГРА СЪ ОГНЕМЪ.
СЕРЕБРЯНОЕ ОЗЕРО.
ЭРИКЪ XIV.

XI-23817

Москва—1911.

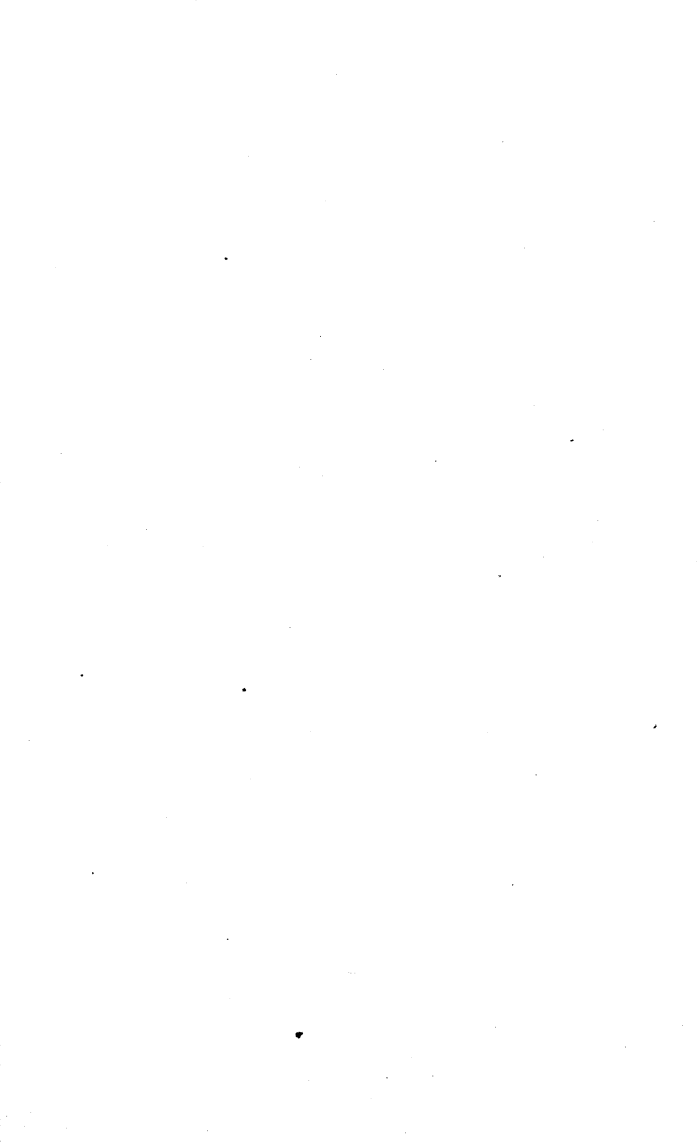
2007085851

ТИПОГРАФИЯ В. М. САВЛИНА.
Петровка, домъ Обидной. Телефонъ 131-84.
Москва.—1911.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Дѣтская сказка	1
Игра съ огнемъ	53
Серебряное озеро	97
Эрикъ XIV	113

Дѣтская сказка.

Перев. Ю. Балтрушайтисъ.

На задней сторонѣ Скамсунда въ числѣ другихъ потерѣвшихъ крушеніе ютился и отставной лоцманъ Эманъ. Онъ прослужилъ до тридцати семи лѣтъ своей жизни и вдругъ въ свѣтлую ночь потопилъ финскую шхуну. Какъ это случилось, онъ не могъ понять; онъ направилъ судно строго по сигнальнымъ огнямъ, зналъ, гдѣ суша, и руль былъ въ исправности... Такъ все и осталось невыясненнымъ! Передъ военнымъ судомъ онъ клялся, что спиртного цѣлыя сутки и въ ротъ не бралъ, но такъ какъ онъ вообще выпивалъ, то рѣшили, что онъ былъ пьянъ,—и вотъ его выгнали со службы и въ уплату за судно и грузъ приговорили къ штрафу въ пятьдесятъ тысячъ кронъ.

Упомянуть въ судебномъ приговорѣ о спиртныхъ напиткахъ, когда человѣкъ былъ, несомнѣнно, трезвъ въ день несчастія, было неосторожно; благодаря этому на сторонѣ Эмана оказалось, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что формально съ нимъ поступили несправедливо.

Когда, съ лоцманскимъ значкомъ въ карманѣ и безъ галуновъ, онъ вышелъ изъ суда на пристань, ему показалось, что городъ измѣнился. Морское училище стояло, конечно, на своемъ обычномъ мѣстѣ, но казалось ему маленькимъ и чужимъ. До этого дня оно внушало ему ува-

женіе, являлось недостижимымъ, самымъ высокимъ въ его маленькомъ мірѣ, гдѣ онъ стоялъ такъ низко, почтительно, въ слѣпомъ благоговѣніи, преклоняясь предъ властью и высшимъ знаніемъ. Когда же его выбросили изъ круга, это уваженіе сразу исчезло. Теперь имъ нечего было сказать ему, — вѣра исполнилась, и онъ былъ уже не въ ихъ власти; онъ очутился въ сторонѣ, получилъ возможность не сравнивать себя съ ними, былъ свободенъ и чувствовалъ, что несчастіе возвысило его.

Такимъ образомъ, онъ снова вернулся на Скамсундъ. Когда пароходъ подошелъ къ пристани, было уже за-полдень. Лоцмана бродили поблизости, — одни съ искреннимъ желаніемъ выразить товарищу свое участіе, другіе же просто взглянуть, каковъ онъ изъ себя. Стоявшими на берегу овладѣло глубокое раздумье, такъ какъ каждый сознавалъ, что такое же несчастіе можетъ обрушиться на любого изъ нихъ и въ любое мгновеніе, тѣмъ болѣе, что крушеніе судна врядъ ли могло быть объяснено правильно.

Пока подавали трапъ, Эманъ стоялъ и выдергивалъ концы нитокъ изъ отворота рукава, гдѣ были галуны. Всю дорогу онъ придумывалъ, что ему сказать, и приготовился, какъ ему смотрѣть въ глаза; вѣдь онъ могъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза, такъ какъ совѣсть у него была чиста.

Онъ снялъ со скамейки ручной мѣшокъ и, чтобы освободить руки, сунулъ свой билетъ въ ротъ; вступивъ на трапъ, онъ широко расправилъ грудь, но при этомъ совершенно позабылъ о билетѣ; такъ что штурману пришлось самому, съ шуткой, вытаскивать его изо рта. Это разстроило заранѣе составленную программу его пріѣзда домой,

торжественное перешло въ смѣшное, а исправлять промахъ уже не стоило.

Встрѣча приняла, такимъ образомъ, совершенно буднич- ный характеръ.

— Не унывай, братья!—привѣтствовалъ старшій лоцманъ. Этимъ было все сказано, такъ какъ остальные лоцмана ограничились одними одобрительными кивками, довольные, что все это случилось не съ ними.

Эманъ сумрачно направился вверхъ по холму, за кото- рымъ стояла его избушка. Жена не ждала его, потому что онъ былъ вдовецъ, но у него былъ десятилѣтній сынъ. Онъ, конечно, не смѣлъ ворчать, но у него было же лицо которое могло корчить гримасы, и были глаза, которые могли выражать свои упреки. Чтобы оградить себя съ этой стороны, отецъ однимъ рѣзкимъ движеніемъ распах- нулъ дверь и крикнулъ ребенку, сидѣвшему у печки и возившемуся съ ящикомъ: — Ступай, Торкель, и займись, сѣтями! Надо рыбу ловить!

Торкель ушелъ радостнѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ, потому что онъ увидѣлъ отца свободнымъ и бодрымъ.

Три дня подъ рядъ Эманъ только и дѣлалъ, что обхо- дилъ избушки своихъ товарищей и жаловался на свалив- шуюся на него несправедливость. Въ первый день онъ встрѣчалъ поддержку, но на второй—сочувствіе уже не высказывалось, и онъ встрѣчалъ опущенные глаза, которые говорили, что между нимъ и ими упала завѣса. И, чтобы устранить ее, приходилось дѣлать нѣкоторое усиліе

«Да развѣ же я не былъ трезвъ въ этотъ день? Если бы я въ этотъ день выпилъ хоть каплю, я бы и не заикнул- ся!— Онъ повторялъ это столько разъ, что надоѣлъ и

сталъ нестерпимъ. Замѣтивъ это, онъ сталъ прибѣгать къ большимъ цифрамъ. «Я бы могъ зарабатывать по двѣ тысячи кронъ въ годъ, а теперь вотъ онѣ брошены въ море! Меня приговорили къ штрафу въ пять-де-сять тысячъ кронъ! Пять-де-сять тысячъ!.. (Пережевывать тикую внушительную цифру было дѣйствительно вкусно). Любопытно знать, откуда я возьму ихъ!» На это никто не могъ отвѣтить, но то, что у него были такіе большіе долги, внушало извѣстное почтеніе. „Пять-де-сять ты-сячъ! Разумѣется, они возьмутъ избу, и мнѣ придется объявить себя несостоятельнымъ должникомъ“.

На третій день весь блескъ Эмана померкъ, и онъ встрѣчалъ однѣ спины и торопливые шаги. Тогда онъ отправлялся въ лоцманскую будку, гдѣ заставалъ въ сборѣ всѣхъ этихъ молодцовъ, и снова начиналъ свое. Наступало уклончивое молчаніе, прерываемое лишь отдѣльными табачными плевокми, которые шлепались на полъ.

Чтобы дать дѣлу другой оборотъ, онъ начиналъ съ пятидесяти тысячъ, какъ съ предисловія, а то что излагалось за этимъ, сводилось къ слующему: «Вѣдь выпей я хоть одну рюмку въ этотъ день!» Когда онъ завелъ рѣчь объ этомъ въ третій разъ, то старшій лоцманъ поднималъ голову и заговорилъ прямо: — Послушай, Викторъ, ты братъ, старый пьяница, а тебѣ извѣстно, что если пьяница забудетъ выпить одинъ разъ, то въ головѣ у него ерунда. Стало быть, суду безразлично, былъ ли ты въ хмелю или въ похмельи. Ты потопилъ шхуну въ ясную погоду, а по-сему и подвергся должному взысканію. Ступай домой, займись хозяйствомъ и постарайся приняться за что-нибудь, чтобыне угодить въ богадѣльню. Ясно?

Эрманъ тщетно старался найти слово. Узыкъ отнялся у него и, говоря одними глазами, онъ сталъ пятиться къ двери, чтобы не подумали, что онъ поворачивается къ нимъ спиной. Въ дверяхъ рѣчь вернулась къ нему, но сознание отказывалось служдать...

— Будьте здоровы, черти, — сказалъ онъ.

Когда онъ проходилъ мимо избышки старшины, хозяинъ, стоя на крыльцѣ, дружески кивнулъ ему головой и крикнулъ: — Зайди, Викторъ, поболтаемъ! — Но Эрманъ не отвѣтилъ на привѣтствіе и пошелъ дальше. «Что мнѣ съ нимъ дѣлать?» пробормоталъ онъ и почувствовалъ въ себѣ приливъ бодрости.

Онъ вернулся домой и, не входя въ избу, снялъ со стѣны топоръ и отправился бродить по острову. При всякомъ припадкѣ волненія онъ бралъ топоръ, уходилъ въ лѣсъ и рубилъ. Къ тому же у него былъ небольшой участокъ лѣса, который при данныхъ обстоятельствахъ получилъ для него новое значеніе, такъ какъ и ему предстояло пойти съ молотка вмѣстѣ съ избой.

Очутившись въ лѣсу, онъ замѣтилъ, что все имѣло совершенно другой видъ. Онъ хорошо зналъ свои деревья, но теперь они стали какъ бы чужими. Въ одномъ мѣстѣ тутъ у него были сложены дрова; это были наличныя деньги, потому что онъ могъ продавать ихъ каждую осень, когда приходилъ большой пароходъ. Въ другомъ мѣстѣ оставалось нѣсколько прямыхъ досокъ для корабельныхъ бортовъ. Оставалось—для кого? Вотъ здѣсь стояло нѣсколько, какъ нарочно искривленныхъ, березъ, выросшихъ прямо для лодочныхъ дугъ. А вотъ здѣсь — шесть великолѣпныхъ мачтъ, которыя онъ берегъ ко дню

кнофирмаціи мальчика, такъ какъ, по его расчету, онѣ должны были достигнуть своего полнаго роста какъ разъ къ этому сроку

Все это теперь принадлежало не ему, а пошло въ обезпеченіе долга. О-б-с-з-п-е-ч-е-н-і-е? Да, но не сейчасъ. Сперва долженъ явиться староста и описать, потомъ долженъ быть ихъ аукціонъ, гдѣ-нибудь внутри острова, у церкви, въ зданія суда. Имъ бы слѣдовало быть поосторожнѣе...

Въ этотъ день ему доставляло особенное удовольствіе вонзать топоръ въ древесные стволы. Онъ накинута не на дрова и строевой лѣсъ, а на самыя цѣнныя деревья, и вотъ всѣ эти мечты, борты, весла валились, какъ солома, и тутъ же разрубались въ щепки. Отъ напряженія и злобы его бросило въ жаръ, а когда съ трескомъ упала громадная сосна, онъ улыбнулся. Прозрачный, какъ стекло, сокъ лился, точно бѣлая кровь, а верхушка сломалась при паденіи. Это было настоящее поле битвы, и по мѣрѣ того, какъ топоръ разрушалъ, рубилъ, мстилъ, въ лѣсу и въ головѣ становилось яснѣе. Здѣсь дѣло шло о врагахъ, невидимыхъ, даже неизвѣстныхъ. Если бы кто спросилъ, что это за враги, онъ могъ бы отвѣтить только то, что онъ ненавидѣлъ всѣхъ и все, потому что въ опредѣленномъ смыслѣ его никто не обидѣлъ и несчастіе нагрянуло тѣмъ же таинственнымъ путемъ, какъ вѣтеръ, какъ волны.

Когда онъ усталъ и уже не было силъ рубить, онъ довольствовался тѣмъ, что надрубалъ кору на стволахъ; къ тому же онъ прошелъ весь свой лѣсъ и добрался до холма, гдѣ начиналась гора. Съ топоромъ въ одной рукѣ онъ взялъ приступомъ отвѣсную скалу и скоро очутился наверху. Здѣсь стояла столѣтняя сосна, которая уже давно

лишилась вершины, потомъ выросла кривыми изгибами и теперь имѣла только двѣ громадыхъ вѣтви, протянутыхъ по обѣ стороны, какъ двѣ старческихъ, подававшихъ знаки руки. Эта сосна служила морякамъ указателемъ суши, а лоцманы окружили ее ореоломъ святости, что защищало не отъ поврежденій. До этого же она была наблюдательнымъ пунктомъ и даже сохранила полусгнившую лѣстницу.

Лоцманъ вскарабкался вверхъ и имѣлъ теперь море подъ собой. Тамъ на днѣ лежала шкуна и указывала своими обнаженными мачтами, тѣмъ особеннымъ образомъ, какииъ обыкновенно указываетъ разбитое судно,—не внизъ или вверхъ и не въ одну опредѣленную сторону, какъ это бываетъ у накренившагося корабля, но бессмысленнымъ образомъ, неопредѣленно, искалеченно, туда и сюда, съ утраченнымъ направлениемъ, какъ мертвая вещь.—Ну, и лежи себѣ!—сказалъ онъ про себя, безъ всякаго чувства состраданія или сожалѣнія. Его простое лицо скорѣе выражало своего рода удовлетворенность и гордость тѣмъ, что онъ былъ орудіемъ довольно необычнаго и надѣлавшаго столько шума дѣйствія.

Онъ слѣзъ съ дерева, какъ бы охваченный внезапнымъ вдохновеніемъ. Отъ тотчасъ же очутился у корней.

— Это моя сосна! — сказалъ онъ. — А если отъ этого произойдетъ кораблекрушеніе?—Тѣмъ лучше: мнѣ-то что до этого?

— Это моя сосна! — отчеканивалъ онъ, сопровождая каждый слогъ ударомъ топора.

Мирнаго священнаго дерева, указывавшаго морякамъ дорогу съ юга і съ сѣвера, протягивавшаго свои руки и

раскрывавшаго свои объятія передъ тѣми, кто приходилъ съ востока, не стало. Эманъ почувствовалъ успокоеніе и удовлетвореніе.—Теперь они пойдутъ писать,—правительству придется разослать циркуляръ, что указатель суши на островѣ Скамундѣ упраздненъ. Ха-ха!—Онъ закрылъ рукою ротъ, чтобы скрыть свой смѣхъ.

Послѣ этого дня лоцмана бродили кругомъ съ видомъ особеннаго превосходства, какъ школьники, не получившіе пинка. Они называли Эмана негодяемъ и перестали съ нимъ здороваться. Но такъ какъ грѣхи водились и за ними, то они собирались въ лоцманской будкѣ и все жаловались на Эмана, такъ что сосна оказалась для нихъ тѣмъ же, чѣмъ для Эмана невыпитая рюмка водки.—«Если бы онъ сосну-то оставилъ въ покоѣ?»—Но Эманъ былъ и козломъ отпущенія и искупительной жертвой. Если между двумя лоцманами возникала ссора, то стоило только завести рѣчь объ Эманѣ, какъ они тотчасъ же мирились; они тутъ же набрасывались на Эмана, переносили свою размолвку на него и старались винить его при всякой возможности. Эта наклонность «сваливать все на Эмана» достигла прямо невѣроятныхъ размѣровъ, когда чья-то лукавая голова выдумала, что у Эмана дурной глазъ. Это началось съ легкой руки какого-то цыгана. Секта же «чтецовъ» повернула дѣло такъ, что преступленіе Эмана будто бы носилось кругомъ, тяготѣло надъ всѣми и навлекало на нихъ несчастіе, подобно тому, какъ Иона былъ причиной бури на морѣ.

Самъ Эманъ держался въ сторонѣ и жилъ въ глубокой замкнутости, вызванной враждою другихъ. Хуже было дѣло съ сыномъ, потому что уныніе ребенка было глубже, чѣмъ у старика. Если онъ не ѣздилъ въ море и не помогаль

отцу ловить рыбу, то ему приходилось бродить одному. Когда же они оставались съ глазу на глазъ, отецъ былъ крутъ, повидимому чувствовалъ неловкость, тяготился имъ. Къ тому же десятилѣтній ребенокъ и не могъ составить общества взрослому.

* * *

Отецъ и сынъ привели въ порядокъ будку на морѣ, гдѣ былъ очагъ, и превратили ее въ жилье, такъ какъ изба должна была пойти съ молотка. Торкель думалъ, что все дѣло въ томъ, чтобы сдать избу дачникамъ, и все время жилъ безъ всякихъ заботъ. Если не нужно было уѣзжать въ море и ловить рыбу, онъ уходилъ на берегъ, всегда со стороны открытаго моря, потому что другой берегъ, къ Фагервику, частью питалъ къ нему вражду, частью же былъ закрытъ для него.

Напротивъ, здѣсь, съ наружной стороны, въ глубокомъ одиночествѣ, онъ имѣлъ передъ собой свободный просторъ. Вся площадь Скамсунда, собственно говоря, состояла изъ большого острова, около мили въ длину. До сихъ поръ мальчикъ изслѣдовалъ берегъ всего на какую-нибудь четверть мили, но по мѣрѣ того, какъ онъ подрасталъ, онъ сталъ расширять свои странствованія.

Здѣсь, на берегу, было такъ много любопытнаго и съ каждымъ новымъ вѣтромъ появлялась не та, такъ другая новинка. Самую богатую жатву пожалъ онъ тамъ, гдѣ двѣ каменныхъ плиты образовали своего рода жолобъ; это былъ настоящій мусорный ящикъ. Большею частью тутъ была солома, камышъ, потомъ поплавки изъ бересты, пробки. Когда онъ выучился грамотѣ, онъ сталъ съ чувствомъ

новизны разбирать мѣтки владѣльцевъ, выжженные на черпакахъ или сломанныхъ уключинахъ, имена заводчиковъ на пробкахъ. Пробки вносили больше всего разнообразія въ особенности лѣтомъ, когда лодки у Фагервика оставляли самую большую дань. При южномъ вѣтрѣ ихъ уносило въ море, а при ближайшемъ сѣверномъ онѣ появлялись сзади Скамунда. Когда въ первый разъ ему попалась пробка отъ шампанскаго, то это было событiемъ въ его жизни. Цѣлый часъ онъ удивлялся тому, какъ такая громадная пробка могла войти въ горлышко бутылки. Онъ сталъ жевать ее, какъ дѣлалъ его отецъ, но она стала еще больше. Имя заводчика было не менѣ загадочно:—Moet-et-Chandon Reims; къ тому же на пробкѣ попадались сплошь да рядомъ слѣды золота или серебра.

Больше всего ему нравились вытянутыя въ длину, ровныя бухты съ мельчайшимъ пескомъ. Здѣсь были кучи водорослей въ видѣ парника, гдѣ росли темно-красныя цвѣты, залотисто-желтый вербейникъ, свѣтло фіолетовыя астры, бѣлый хрѣнъ. Здѣсь же попадались раковины, скелеты рыбъ, а иногда и кости птицъ.

Во многихъ мѣстахъ, благодаря обломкамъ скалъ, берегъ былъ недоступенъ. Тамъ лежали ящерицы, подъ свѣтло-зеленымъ навѣсомъ изъ вьющихся растеній, и туда же часто прятались и морскія птицы.

Крутой выступъ порою пересѣкалъ дорогу, и тогда приходилось подниматься въ лѣсъ.

Такой выступъ до сихъ поръ былъ цѣлью его путешествій. Конечно, можно было итти и дальше, но горный отвѣсъ вставалъ такой убѣдительною преградой, что онъ не рѣшался продолжать путь. Кромѣ того здѣсь было

столько развлеченій, что онъ могъ наполнить ими цѣлые часы. Подъ отвѣсной скалой собирались и рѣзвились рыбы, а если было жарко, онъ могъ ловить маленькимъ неводомъ сонныхъ шукъ, т.-е. если выпадалъ счастливый случай. На горѣ стояла сосна, и на самой вершинѣ было гнѣздо, ровное и открытое, какъ горшокъ. Попытка бросить въ гнѣздо камень отнимала всегда часть или два времени, и, когда потомъ громадная птица взлетала въ воздухъ, онъ чувствовалъ свое превосходство надъ этими господами и хищниками богатыхъ рыбою водъ.

Послѣ всѣхъ нсобычайныхъ происшествій этого дня онъ почувствовалъ потребность уйти подальше и увидѣть что-нибудь новое и ознакомиться съ міромъ на островѣ. Онъ зналъ, что тамъ стоятъ крестьянскіе дворы, виллы, лавки, а по воскресеньямъ онъ слышалъ колокольный звонъ въ церкви, которой онъ не видѣлъ никогда. Тамъ долженъ былъ жить пасторъ, старшина; но сначала нужно было пробираться черезъ лѣсъ, гдѣ водились лоси, а они-то и могли напугать человѣка, хотя и не были опасны. Хуже было дѣло съ быками. Ему уже случилось слышать пыхтѣніе въ кустахъ, а это предвѣщало больше бѣды, чѣмъ мычаніе. Все же любопытство взяло верхъ надъ опасеніемъ, и онъ вошелъ въ полумракъ. Но тутъ онъ еще разъ вернулся назадъ, чтобы набраться храбрости у свѣтлаго простора безконечнаго открытаго моря.

Въ лѣсу было темно и пахло сыростью. Здѣсь росли грибы; они напоминали то медузъ, то морскихъ ежей, и онъ ждалъ, что рыжики начнутъ втягивать и выпячивать свои животы и поплывутъ вверхъ среди стволовъ; ели превратились въ мачты и вѣтеръ свистѣлъ въ нихъ, какъ

въ снастяхъ, а гибкія рей качались на зеленыхъ перекладинахъ... онъ все еще былъ на морѣ со всѣми его воспоминаніями и представленіями.

Но вотъ онъ вошелъ въ сосновый боръ; здѣсь было свѣтлѣе, и желтовато-красная кора на стволахъ какъ бы пропиталась солнечнымъ свѣтомъ. Деревья поднимались изъ покрытой короткой травой земли, гдѣ среди пней, въ особенности среди выжженныхъ, росла земляника.

Онъ взялъ направленіе по солнцу и зналъ, что его путь лежитъ во всякомъ случаѣ не къ дому, хотя солнце и сворачивало на западъ. Онъ шелъ все впередъ, пока не остановился у впадины съ бѣлыми берегами, такъ какъ маленькое озеро образовалось въ углубленіи, гдѣ когда-то добывался известнякъ. Направляясь вдоль берега, онъ вышелъ къ болоту, которое своими мшистыми, поросшими черникой буграми напоминало кладбище; затѣмъ, прыгая по кочкамъ, онъ выбрался на болѣе высокую лужайку съ можжевельникомъ и боярышникомъ. Здѣсь онъ былъ какъ въ паркѣ и могъ двигаться спокойно, безъ препятствій. Вдругъ онъ замѣтилъ заборъ и надъ нимъ красную крышу. Это прежде всего вызвало чувство успокоенія, но тотчасъ же пришла въ голову такая мысль: «Тамъ должны быть собаки и должны быть люди, люди, что станутъ спрашивать, куда я иду и чего я ищу.» Поэтому онъ повернулъ назадъ и бросился бѣжать въ лѣсъ. «Они къ тому же спросили бы, какъ меня зовутъ,—говорилъ онъ про себя,—и если бы я отвѣтилъ—Эманомъ, они сказали бы:—Ахъ да, тотъ самый!..»

Онъ сталъ пробираться вдоль забора, мимо поля съ рожью, и достигъ горной площадки; отсюда, по пластамъ

мха, которые отваливались и скатывались внизъ, хватаясь за толстые и гибкіе, какъ кабель, сосновые корни, онъ сталъ карабкаться вверхъ и, наконецъ, очутился на горѣ, гдѣ былъ выкрашенный известкой землемѣрный камень и гдѣ ястребы и коршуны оставили послѣ себя цѣлую грудку костей. Здѣсь же оказались уголья и пепель отъ костровъ Ивановой ночи.

Съ этого мѣста передъ нимъ сразу открылся видъ на весь островъ, на проливъ и на Фагервикъ съ другой стороны. Казалось, міръ впервые раскрылся передъ нимъ. Скамундъ тянулся длинной бесплодной полосой до самой церкви, суровый, мрачный, бѣдный; и онъ безъ малѣйшаго сожалѣнія отвернулся отъ своей родной земли и сталъ всматриваться въ мягкія очертанія зеленѣющаго Фагервика съ его лиственными лѣсами и лугами. Это былъ сплошной увеселительный садъ, гдѣ въ этотъ день всѣ виллы были расукрашены флагами. Въ проливѣ сновали катеры и шлюпки, съ бѣлоснѣжными, какъ прозрачная сорочка, парусами, а на пристани прогуливались молодыя дѣвушки въ свѣтлыхъ пестрыхъ платьяхъ и морскіе кадеты... Новый, болѣе радостный міръ, гдѣ жизнь съ утра до ночи трепетала весельемъ, такой близкій міръ и въ то же время такой недоступный. Онъ сѣлъ на камень и смотрѣлъ, смотрѣлъ... Всего одинъ проливъ между его сумракомъ и этимъ свѣтомъ! И вотъ онъ перенесся на бѣлый катеръ, сидѣлъ возлѣ рулевого, слѣдилъ за маневрами и чувствовалъ безпокойство всякій разъ, когда лодку слишкомъ закидывало вѣтромъ направо... Онъ первый упалъ бы въ воду и утонулъ бы, пока успѣли бы повернуть... Ну вотъ, такъ, — теперь мы плывемъ на канатъ, такъ... Садись на другую

сторону, нельзя плыть въ лодкѣ стоя.. Посмотримъ, могутъ ли они направиться къ пристани и причалить, какъ слѣдуетъ.

Отлично, онъ слишкомъ приблизился къ берегу, толчокъ, большой парусъ на штовы, натянуть боумъ,—фок-мачту... Вонъ легли въ дрейфъ, паруса убраны и завернуты. Всѣ выходятъ на берегъ; онъ за ними; они поднимаются на террасу ресторана, усаживаются въ диванъ,—весь столъ уставленъ бутылками и стаканами... Тамъ можно жить, тамъ можно зарабатывать денежки. Выѣзжать на катерѣ въ качествѣ лоцмановъ мальчишки могутъ только въ томъ случаѣ, если у нихъ платье получше, но вѣдь господка катаются и въ лодкахъ. Первые гроши обыкновенно зарабатываются въ кегельбанѣ, и если бы только удалось начать съ этого, то все остальное сложилось бы само собой.

— Ну, паренекъ,—раздался голосъ изъ-за сосны,—что ты такъ смотришь на землю Геваль? Она влечетъ тебя, какъ грѣхъ... А знаешь, что такое Геваль? Развѣ ты не читалъ въ Писаніи о Геваліи и Гаризимѣ? О горѣ проклятія и горѣ благословенія? Мы съ тобой стоимъ здѣсь на Гаризимѣ, это гора благословенія, а тамъ, гдѣ по-твоему обѣтованная земля, тамъ—гора проклятія, потому что тамъ ведутъ разгульную жизнь такъ, какъ если бы завтрашняго дня во все и не существовало. Вотъ что, братъ!

Это говорилъ бывший таможенный вахмистръ Викбергъ, «бывшій», какъ большинство изъ тѣхъ, кто ютился на задней сторонѣ Скамунда. Одинъ промахъ по службѣ или два, и его выбило изъ колеи, и онъ былъ отправленъ на заднюю сторону. Благодаря бѣдственному положенію своей семьи, онъ каждый день и каждый часъ долженъ

былъ помнить послѣдствія своей ошибки: чтобы возстановить равновѣсіе въ жизненныхъ счетахъ, онъ сталъ искать противовѣса своему долгу. Онъ поступилъ дурно, поэтому и самъ долженъ былъ претерпѣть зло. И вотъ онъ сталъ во всемъ ограничивать себя, истязалъ себя, началъ ходить въ молельню, и тамъ-то онъ и услышалъ въ ясныхъ выраженіяхъ, въ какомъ положеніи его дѣла. Молитвенный домъ былъ карой и утѣшеніемъ. «Тотъ, кто на землѣ потерялъ изъ виду берега, долженъ поступать, какъ морякъ въ открытомъ морѣ: взять направленіе по небесамъ и плыть по звѣздамъ». Это было его постояннымъ разсужденіемъ, за которое его вѣра подвергалась осмѣянію.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ самоистязанія онъ рѣшилъ, что счета кончены; продолжая вести безукоризненную жизнь, онъ считалъ себя стоящимъ на другой сторонѣ долговой книги и имѣющимъ право настаивать на своихъ личныхъ требованіяхъ. Теперь онъ дошелъ до того, что простилъ себя. Прегрѣшенія больше не было, и въ его совѣсти созрѣло такое чувство, будто онъ никогда и не совершалъ его. «Чудо совершилось,»—думалъ онъ и хотѣлъ внушить это и другимъ. Но другіе-то вовсе не забыли его промахъ и называли его человѣкомъ, потакающимъ самому себѣ, и святошей; этого онъ не могъ понять, такъ какъ онъ любилъ забытый грѣхъ за то, что онъ былъ его спасеніемъ; вѣдь и Павелъ утверждаетъ, что нужно радоваться несчастію, ибо въ немъ орудія и пути Господни. И то, что люди считали зломъ или порожденіемъ зла: нисходило прямо отъ Бога,—по его собственному слову «Азъ, дающій свѣтъ и созидающій тьму, Азъ, ниспосылающій миръ и созидающій зло».

Все это у него было развито послѣдовательно, и услышавъ, что кто-нибудь совершилъ прегрѣшеніе, онъ улыбался и утѣшалъ.—Это только къ добру! Теперь онъ спасенъ! Намъ нечего печалиться о такихъ пустякахъ! Онъ еще возродится!

Замѣтивъ сына прегрѣшившаго Эмана и его долгіе взгляды на соблазнительный Фагервикъ, онъ воспользовался случаемъ посѣять это сѣмя, но оно упало не на настоящую почву, такъ какъ былоброшено въ молодую душу.

Торкель не сталъ дожидаться продолженія, но скользнулъ внизъ съ горы, которую проповѣдникъ называлъ Гаризимомъ, и исчезъ въ кустахъ; имѣя солнце позади себя, онъ большими шагами спѣшилъ домой.

Онъ видѣлъ обѣтованную землю съ высокой горы, онъ теперь не могъ не чувствовать, что люди на этой сторонѣ живутъ въ пустынѣ,—вахмистръ Викбергъ могъ думать и говорить, что ему угодно.

Вернувшись домой, Торкель увидѣлъ дверь въ избу раскрытой, рѣшилъ, что отецъ дома, и вошелъ. На дверяхъ была приклеена сѣрая марка, и онъ сталъ ковырять ее.

— Не тронь!—крикнулъ голосъ изъ избы. Внутри стоялъ желтовато-сѣрый человекъ со впалыми щеками, какъ если бы всѣ коренные зубы были у него выбиты.

Онъ лизалъ большую сѣрую марку, держа ее прямо передъ собой, тогда какъ его глаза были обращены въ сторону; это придавало ему видъ собаки, когда она лежитъ и ѣсть.

— Это, видишь ли, казенная печать, парсенекъ, а я, видишь ли, староста!—Съ этими словами онъ налѣпилъ марку на шкафъ.

— Завтра, видишь ли, будетъ распродажа.—Онъ лизнулъ еще разъ, продолжая попрежнему ворочать своими глазами.

Насколько понялъ Торкель, здѣсь нечего было дѣлать, и онъ ушелъ.—Но онъ еще долго помнилъ челоуѣка безъ коренныхъ зубовъ, который лизалъ своимъ языкомъ и проглотилъ домъ его дѣтства, избу и мебель.

Отецъ былъ внизу у моря и возился съ лодкой.

— Гдѣ ты былъ?—спросилъ онъ тономъ, не требовавшимъ никакого отвѣта.—Полѣзай въ лодку, мы отправимся въ море.

Торкель поднялъ парусъ, отецъ же сѣлъ къ рулю.

Подъ скамейкой лежали якорь и топоръ; тутъ же было и одѣяло съ подушками. Это предвѣщало далекое путешествіе. Здѣсь же оказалась винтовка, леса и снасти, но не было ни сѣти, ни невода.

Вѣтеръ дулъ прямо въ море, и отецъ закурилъ трубку. И тутъ онъ началъ говорить, не поднимая глазъ на мальчика.

— Сволочь!—сказалъ онъ,—неводъ тоже забрали, не оставили... Знаешь ты, сколько тысячъ петель въ неводѣ? Можешь ли ты угадать, сколько зимъ мать и я плели нашъ неводъ? Ты это знаешь, мальчикъ...

Торкель привыкъ къ этимъ обращеніямъ къ мальчику, онъ отлично зналъ, что все это относится не къ нему, а къ какому-то другому «мальчику», къ кому угодно, только не къ нему. Поэтому онъ не отвѣчалъ, такъ какъ, отвѣтъ онъ, отецъ, вѣрный своей привычкѣ, сталъ бы искать глазами на горизонтѣ того неизвѣстнаго, незримаго слушателя, который никогда не возражалъ, а только позволялъ обращаться къ себѣ.

— Подлецы, всё наперечегъ! Я шлѣ, да, но я никогда не крадѣ, а я знаю, кто крадетъ, отъ правительства до послѣдняго пшца!

Торкель почувствовалъ пробуждающееся желаніе возражать, но удержался. Потому что, пока отецъ говорилъ, онъ могъ оставаться въ покоѣ. Но стоило только воцариться молчанію, какъ отецъ начиналъ грызть его; онъ словно обладалъ способностью слышать, что думалъ сынъ, и перѣдко внезапно проникалъ въ его сокровеннѣйшія тайны и отвѣчалъ на его нѣмые вопросы самому себѣ.

Въ данную минуту Торкель какъ разъ сидѣлъ и строилъ планы своего переселенія въ Фагервикъ и службы въ кегельбанѣ; онъ считалъ тѣ 25 эръ, которыя онъ могъ бы зарабатывать... но отецъ вдругъ прервалъ молчаніе...

— Тамъ въ ресторанѣ, другъ мой, только баклуши бить!.. Ставить кегли часъ, а шататься безъ дѣла цѣлыхъ шесть. Нѣтъ, надо бы съ большой лодкой отправиться къ Оландскимъ островамъ и заняться рыбной ловлей, вотъ это — дѣло, это могло бы...

На этомъ онъ замолчалъ; и Торкель почувствовалъ чудовищный гнетъ этого человѣка, при которомъ онъ не могъ думать про себя,—гнетъ этого грознаго суди, который видѣлъ его насквозь...

— Держи крѣпче веревку,—командовалъ лопманъ. Потомъ онъ продолжалъ: Ты вотъ сидишь и думаешь, какъ тебѣ уйти отъ меня и жить на свой собственный страхъ! Но ты это брось, ты и мнѣ нуженъ... Твоя мать была вся въ тебя, на нее ни въ чемъ нельзя было положиться; говорила одно, а думала другое!

Тутъ онъ сдѣлалъ изрядный глотокъ и черезъ нѣсколько минутъ весь ушелъ въ назойливыя нареканія и ворчливость. Необузданный въ своемъ пьяномъ видѣ, онъ набросился на душу этого бѣднаго грѣшника, крѣпко присосался къ ней, искалъ безъ всякаго основанія ссоры, все рылся и рылся въ своемъ противникѣ, такъ какъ онъ долженъ былъ имѣть противника, чтобы бороться, приписывалъ ему свои дурныя мысли, отвѣчалъ на сомнѣнія, которыхъ никто и никогда не высказывалъ.

— Ты все думаешь, что твой отецъ — нищій, да? Что его пустили по міру? Да? Ты видѣлъ тамъ, въ избѣ, старосту съ печатями? Если ты лжешь, то тебя драть надо...

Торкель не отвѣчалъ.

— Ты ничего не говоришь, потому что ты — лиса, но я-то по твоимъ глазамъ вижу, что ты думаешь, я всѣхъ людей вижу насквозь... Такъ-то! Ты, конечно, думаешь, что я, молъ, пьянъ; но я-то не пьянъ! Вотъ что! Да я весь свой вѣкъ ни разу не былъ пьянъ, потому что я не могу напиться допьяна; и я долженъ тебѣ сказать, что осудить-то меня осудили, да только неправильно...

Когда мальчикъ слышалъ, что отецъ унижался до откровенности, наступала самая жалкая стадія, потому что въ нетрезвомъ видѣ онъ никогда не говорилъ о своихъ дѣлахъ. Хотя Торкель обладалъ сильнымъ и гибкимъ характеромъ, онъ все-таки не могъ скоро привыкнуть къ подобнаго рода выходкамъ. Отъ своей матери онъ научился быть глухимъ и слѣпымъ, дѣлать надъ собой усиліе и стряхивать съ себя все это, а это еще больше раздражало отца. Онъ чувствовалъ въ глубинѣ, что его слова не достигаютъ цѣли.

— Слышишь, что я говорю? — закричал онъ.

Весь вопросъ былъ въ томъ, — отвѣчать Торкелю или не отвѣчать. Онъ молчалъ и крикъ возобновился:

— Что жъ ты, болванъ, не отвѣчаешь? Слышишь?

Если бы Торкелю вздумалось отвѣчать, то нужно было бы подыскать настоящій покорный тонъ, такъ какъ про звучи отвѣтъ не попадъ или угловато, ударъ былъ бы неизбѣженъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ было одинаково некстати отвѣчать или не отвѣчать, и, зная, что удара не миновать, онъ доставлялъ себѣ удовольствіе бросить въ отвѣтъ безстыдное: — «Разумѣется, слышу!» При этомъ онъ по уши уходилъ въ воротникъ своей куртки.

На этотъ разъ дѣло дошло до того, что ударъ былъ неизбѣженъ. Торкель посматривалъ во всѣ стороны, нѣтъ ли гдѣ спасенія, и изъ-за мачты увидѣлъ на водѣ стаю птицъ.

— Вонъ дичь, съ той стороны, — замѣтилъ онъ. Отецъ перекинулъ черезъ голову веревку отъ руля, удостовѣрился въ положеніи вешей и приложилъ винтовку къ щекѣ. Торкель сотворилъ тихую молитву за удачный выстрѣлъ, такъ какъ въ случаѣ промаха пришлось бы...

Раздался выстрѣлъ, и пара птицъ осталась на мѣстѣ.

— Поворачивай! — скомандовалъ лоцманъ. И вскорѣ послѣ этого вытащилъ добычу изъ воды; порылся большимъ пальцемъ въ перьяхъ на груди и крикнулъ отъ удовольствія.

Буря прошла, кровь пролилась, ударъ раздался, и опять наступило затишье.

Когда они пристали къ шхерѣ, лодка была вытащена

на берегъ, поставлена выше возможнаго уровня воды, и Эманъ отправился открывать свою морскую будку.

Казалось, что всѣ эти шхеры стояли въ морѣ, какъ флотъ на якорѣ, и наружная цѣпь ихъ на западѣ была совсѣмъ похожа на плавающие кольца или брусья.

Здѣсь, въ морѣ, Торкелю было всегда хорошо; онъ чувствовалъ себя какъ бы на кораблѣ или на воздушномъ шарѣ; въ особенности въ тихую погоду, когда воздухъ и вода незамѣтно переходили другъ въ друга, а шхеры плавали въ чемъ-то разрѣженномъ и свѣтломъ и были покрыты куполомъ; этотъ куполъ днемъ былъ молочно-бѣлый или голубой, иногда пушистый, а ночью былъ усыпанъ бѣлыми драгоценными камнями, сверкавшими подобно тому, который онъ видѣлъ въ перстнѣ жены старшины.

Людей здѣсь не было, зато можно было наблюдать столько другихъ вещей. Даже камни на берегу были не такіе, какъ на сушѣ, кусты и травы были новые, птицы другой породы, чѣмъ тамъ, на Скамсундѣ; черные морскіе вороны, дикіе гуси, морскіе орлы, перелетныя гагары, поморники и острохвостки смѣнили крохалей, утокъ и чаекъ. Все было крупнѣе и пестрѣе. И то, что случайно попадалось на берегу, могло имѣть значительную цѣну, явиться такою же неожиданностью, какъ рождественскій подарокъ.

Торкель еще не былъ здѣсь въ этомъ году; онъ отправился навѣстить старыя знакомыя мѣста своихъ игръ. На самомъ верху шхеры у него была груда камней съ флагштокомъ, гдѣ онъ обыкновенно игралъ въ корабли, при чемъ шесть служилъ для него grosмачтой. И, когда

онъ лежалъ здѣсь на спинѣ, а въ небѣ проносились тучи, ему дѣйствительно казалось, что островокъ на всѣхъ парусахъ убѣгаетъ впередъ.

Прежнія игры не доставили ему никакого удовольствія въ этотъ день; къ тому же все такъ измѣнилось, выглядело иначе, утратило свое значеніе, — и то, что случилось съ отцомъ, очевидно стало раздѣльнымъ камнемъ въ жизни ихъ обоихъ. — Здѣсь Торкель чувствовалъ себя взаперти, какъ агнецъ съ волкомъ, и его тянуло къ людямъ, которые если и не очень беспокоились о немъ, то по крайней мѣрѣ оставляли въ покоѣ его мысли. И теперь его тоска получила опредѣленную цѣль уйти туда, на тотъ берегъ пролива, гдѣ жизнь была свѣтлѣе.

Къ вечеру онъ вернулся назадъ на берегъ, гдѣ нашелъ отца стоящимъ съ подозрительной трубой и, не отрываясь, все въ одномъ и томъ же направленіи смотрящимъ въ море.

— Ступай разведи огонь! — крикнулъ онъ.

Торкель быстро повернулся назадъ и успѣлъ замѣтить красный буи съ бѣлымъ флагомъ, какъ разъ со стороны открытаго моря. Это было мѣсто разбитаго судна, и онъ понялъ, что именно здѣсь и утонула шхуна съ грузомъ.

Когда сварился картофель, лоцманъ вошелъ въ будку. Онъ ѣлъ долго, не говоря ни слова. Когда онъ кончилъ, начинало темнѣть.

— Ложись спать! — приказалъ онъ, — мнѣ нужно на охоту. — Затѣмъ, захвативъ съ собой топоръ и якорь, онъ вышелъ. Спустя нѣсколько минутъ, Торкель слышалъ, какъ лодка стлкнулась въ море, какъ весла стукнули въ уключинахъ, — и все замолкло.

Мальчику пришлось провести долгую мучительную ночь;

онъ часто выходилъ на порогъ взглянуть на море. Иногда ему казалось, что большое судно крейсировало вокругъ буя. Онъ, конечно, догадывался, что тамъ происходило нѣчто непозволительное, но онъ же ничего не зналъ и собственно былъ радъ не ввязываться въ предпріятіе, которое легко могло кончиться тюрьмой.

На разсвѣтѣ отецъ вернулся домой и тотчасъ же легъ спать, повидимому довольный своей охотой.

* * *

Однажды утромъ Торкель проснулся очень рано, чтобы разузнать что-нибудь объ охотѣ, тѣмъ болѣе что отецъ необыкновенно долго не возвращался домой.

Сквозь туманъ ему удалось замѣтить, что у буя стоитъ рыбацье судно, и темная фигура, перегнувшись черезъ край, возится надъ водой. Вскорѣ послѣ этого онъ замѣтилъ другое судно съ большими парусами. Но паруса были болѣе обыкновеннаго и лучше укрѣплены. Дулъ слабый вѣтеръ съ сѣвера, и море едва рябило.

Вдругъ большое судно подняло марсели и кливера, потомъ повернуло по вѣтру и направилось прямо къ бую. Рыбачья лодка начинаетъ двигаться; онъ видитъ, что отецъ сначала изо всѣхъ силъ гребетъ къ берегу, но тотчасъ же поднимаетъ парусъ и держитъ въ открытое море, прямо на востокъ.

Тогда большое судно тоже повернуло, взвился таможенный флагъ, и мальчикъ понялъ, въ чемъ тутъ все дѣло. Доносятся голоса и крики, послѣ чего оба судна исчезаютъ въ туманѣ.

И вотъ онъ одинъ на шхерѣ, безъ лодки и, стало быть,

безъ возможности возвратиться домой. Онъ не былъ плаксою, особенной опасности въ этомъ тоже не представлялось, — не тотъ, такъ другой долженъ былъ поплыть сюда, хотя бы пришлось прождать однѣ или двое сутокъ.

Онъ пошелъ къ флагштоку и поднялъ сигналъ о помощи.

Когда взошло солнце, съ попутнымъ вѣтромъ показалась таможенная яхта. Передъ самой серединой островка она повернула; была спущена шлюпка, подошла къ берегу и посадила мальчика.

— Теперь твоему отцу конецъ! — сказалъ надсмотрщикъ. — Теперь твой чередъ, — ты долженъ быть честнымъ, тогда твои дѣла пойдутъ хорошо.

Мальчикъ не сталъ плакать — онъ это уже давно оставилъ — и всякая перемена въ его судьбѣ была только желательна.

Чтобы быть полезнымъ и избѣжать брани, онъ тотчасъ же отошелъ въ сторону и сталъ натягивать парусъ; затѣмъ яхта направилась ближе къ Скамсунду, а спустя нѣкоторое время взяла курсъ къ карантинной пристани.

* * *

Въ восточной Европѣ свирѣпствовала эпидемія на скотъ, и на Скамсундѣ былъ открытъ карантинъ для осмотра кожи и кожаныхъ товаровъ.

Туда-то и былъ опредѣленъ на службу Торкель Эманъ, послѣ того какъ комунна взяла его на свое попеченіе.

Подъ карантинъ была отведена старая винокурня, большое трехъ-этажное зданіе съ ржавой отъ столѣтней грязи штукатуркой. Отъ пыли и паутины окна въ немъ были

всѣ черныя. Все имѣло жалкій видъ. и все это зданіе набрасывало тѣнь скорби на нѣсколько десятинъ земли и отражалось въ мадѣнкой бухтѣ, гдѣ, по словамъ мѣстныхъ жителей, не было ни одной рыбы и не росло даже камыша. Высокій мысъ закрывалъ отъ него проливъ, и Фагервикъ былъ не виденъ. Вдоль бухты росли тощія ольхи, гдѣ никогда не раздавалось пѣнье птички, какъ никогда не было видно мотылька, порхающаго по цвѣтамъ, такъ какъ они зачахли отъ сѣрныхъ испареній и карболки и лепестки ихъ были обрызганы красною краскою и смолою. Сохранилось еще преданіе изъ временъ казенной винокурни, когда весь Скамундъ былъ сплошнымъ кабакомъ, а все населеніе спилось съ круга. Сохранилось также воспоминаніе о домашнемъ винокуреніи, когда цѣлыя семьи переставали ѣсть, когда весь заработокъ прислуги уходилъ на водку, когда дѣти засыпали въ людькахъ съ водочными сосками. Когда же затѣмъ котлы были конфискованы, вспыхнулъ мятежъ, и казенное зданіе послѣ восьмидневной осады было взято штурмомъ, такъ что пришлось вызвать канонерку и выпустить нѣсколько боевыхъ зарядовъ.

Дѣти избѣгали играть возлѣ этого проклятаго гнѣзда, и много лѣтъ оно оставалось пустымъ. Уже первое поколѣніе выбило камнями окна и расхитило все до послѣдняго гвоздя, такъ что для послѣдующаго уже не осталось ни малѣйшаго соблазна.

Торкель Эманъ какъ-то предпринялъ путешествіе въ карантинную бухту, такъ какъ она манила его своей неизвѣстностью; но тамъ ему пришлось увидѣть нѣчто такое, что напугало его разъ навсегда.

Въ высокой травѣ, которую никогда не косили, онъ

случайно наткнулся на извивавшийся сѣрымъ ужомъ кусокъ веревки. «Отличная веревка», подумалъ онъ, нагнулся и хотѣлъ поднять. Но тутъ онъ ухватился за лошадиныя нуты, перерѣзанныя и еще въ крови. И затѣмъ увидѣлъ четыре куска веревки и на каждомъ изъ нихъ по отрубленной конской ногѣ. Встрѣтивъ подобное впервые, онъ испугался и никакъ не могъ понять, что это могло значить, пока не увидѣлъ отрубленной головы съ оскаленными зубами и, такими ясными до этого, закрытыми глазами. Тутъ онъ понималъ, что была убита Рута, единственная на всемъ островѣ лошадь, единственная и послѣдняя, которой теперь могло быть за тридцать лѣтъ. Онъ вспомнилъ исторію Руты и то, какъ въ своей молодости эта лошадь была единственнымъ трезвымъ существомъ на Скамсундѣ и какъ она заставила быть трезвымъ самаго отчаяннаго пьяницу. Вотъ какъ это было.

Отецъ Викберга, лоцманъ, предававшійся чудовищному пьянству, въ одно воскресенье былъ совершенно пьянъ. Пьянство шло по всему острову, такъ что всѣ ходили съ тусклыми, налитыми кровью, слезящимися глазами. Если бы кому захотѣлось найти глазъ, гдѣ могло еще отразиться голубое небо и гдѣ могъ еще вспыхнуть свѣтъ разума, то пришлось бы итти къ животнымъ. У коровъ, собакъ, даже у свиней были ясные глаза, но яснѣе всего были глаза у Руты. Какъ-то разъ они хотѣли дать ей солода, но лошадь отвернулась отъ ведра и такъ ударила его копытомъ, что остались однѣ щепки. У Руты оказалось такое отвращеніе къ запаху водки, что она не прикоснулась бы къ травѣ возлѣ винокурни, если бы трава даже росла въ этомъ мѣстѣ.

Такъ вотъ отецъ Викберга хватилъ въ это утро лишнее, вышелъ и свалился тутъ же на берегу. Рута была поблизости и шипала травку, но дѣлала видъ, что не замѣчаетъ Викберга. Шагъ за шагомъ она подвигалась впередъ по настбишу, пока не подошла къ мертвецки пьяному. Сначала она понюхала его, но быстро отвела голову, закинула ее назадъ, раскрыла свой зѣвъ такъ, что обнажилась вся челюсть, и затѣмъ, чтобы показать свое отвращеніе, фыркнула. Потомъ она собралась съ духомъ, ухватила передними зубами за его куртку, посрединѣ груди, отнесла къ берегу и трижды окунула его въ воду—ровно трижды—насколько онъ могъ сосчитать, затѣмъ осторожно опустила его на траву и ушла своей дорогой, ни слова не сказавъ. Это рассказывалъ отецъ Викберга И вотъ прибавила отъ себя молва, все зависѣло не отъ счета,—потому что курица можетъ сосчитать до пяти,—а все зависѣло отъ свѣтлыхъ глазъ, которыми Рута взглянула на меня. На меня смотрѣло само здоровье, разумъ, кротость, и когда я вынулъ табакерку и взглянулъ на себя въ зеркальце на крышкѣ, я увидѣлъ свои собственные глаза, какъ мертвые горящіе угли или какъ окровавленные внутренности только что выпотрошенной рыбы.

Съ этого дня отецъ Викберга никогда не пилъ сверхъ мѣры, и стоило ему выпить лишнее, онъ всегда могъ провѣрить это въ зеркалѣ, потому что глаза становились тогда заплывшими и злыми.

Такъ вотъ встрѣча Торкеля Эмана съ бренными останками Руты оставила въ немъ рѣшительное омерзеніе къ карантинному зданію, но тѣмъ не менѣе ему пришлось очутиться именно въ немъ; кромѣ того, онъ долженъ былъ

находиться подъ опекой завѣдующаго карантиномъ, а это было худшее, что его могло встрѣтить.

Этотъ забіяка на Скамундѣ былъ старый провинціальный врачъ; его сослали сюда, чтобы только отдѣлаться отъ него, такъ какъ это былъ притѣснитель и буянь, который ни съ кѣмъ не могъ ужиться и еще меньше слушаться кого-нибудь. Поэтому, когда старшій лоцманъ захотѣлъ занять для своей лодки мѣсто на прилежащей къ карантину землѣ, онъ сейчасъ же затѣялъ съ нимъ ссору. Послѣ длиннаго похода въ видѣ переписки по начальству, завѣдующій получилъ предостереженіе, отступилъ съ поля сраженія, потерявъ воинскую честь, замкнулся на своемъ мысу и направилъ свою силу на помощниковъ и несчастныхъ моряковъ, которымъ приходилось стоять въ карантинѣ для осмотра и распоряженій.

Когда корабельный надзиратель привелъ Торкеля въ темный домъ, то при видѣ страшнаго доктора онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Но или мальчицъ поправился доктору раньше или онъ былъ тронутъ тѣмъ, что его такъ боятся, во всякомъ случаѣ онъ встрѣтилъ его дружжелюбно, выразилъ свое соболѣзнованіе несчастьемъ Торкеля и поздравилъ его съ приходомъ. Затѣмъ они отправились въ лабораторію.

Докторъ указалъ новичку мѣсто у безконечно длиннаго прилавка, гдѣ ему предстояло принимать кожи и считать ихъ, послѣ чего помощники должны были окуривать карболкой. За эту работу ему обѣщали столъ и квартиру, а въ случаѣ старанія и немного денегъ при окончаніи занятій.

Имъ овладѣло гордое сознаніе, что онъ будетъ кормить себя самъ. И онъ впервые въ жизни почувствовалъ это.

мужское довѣріе къ себѣ и къ своему будущему, какого подѣ опекой отца онъ не знавалъ никогда.

Недѣльные рабочіе часы проходили сами собой, и занятія сокращали время. По воскресеньямъ онъ вмѣстѣ съ другими ходилъ въ церковь и сидѣлъ тамъ до полудня; послѣ обѣда онъ бродилъ по острову, но никогда не заглядывалъ на заднюю сторону, гдѣ онъ пережилъ всѣ свои горькіе часы. Охотнѣе всего онъ сиживалъ съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей на лоцманской горѣ и всматривался въ даль, на Фагервикъ, со всѣмъ его великолѣпіемъ. Взять лодку и грести туда, что было бы такъ просто, онъ не рѣшался, потому что далъ завѣдующему обѣщаніе не дѣлать этого. Зато товарищъ называлъ ему виллы и имена лѣтнихъ гостей. Онъ зналъ, что въ этомъ домѣ — ресторанъ, въ этомъ — театръ и т. д. Онъ близко познакомился съ каждымъ мѣстомъ и ставилъ его въ связь съ своими планами и намѣреніями, которые, въ концѣ - концовъ, выросли въ цѣлый планъ завоеванія Фагервика, когда часъ настанетъ.

Если бы кто-нибудь спросилъ мальчика, чего онъ больше всего хочетъ, то онъ врядъ ли отвѣтилъ бы, что ему хочется поступить во флотъ, такъ какъ эта мечта казалась ему слишкомъ возвышенной, чтобы высказывать ее вслухъ.

Къ концу іюня Торкель услышалъ слѣдующій разговоръ: — «Это уже не долго протянется!» — «Что же именно?» спрашивалъ другой. — «Да вотъ возня съ кожами; осталось не больше ста...»

И вотъ проснулась надежда, возможность освободиться отъ вонючей грязной работы, а вмѣстѣ съ нею появилась тоска по тому неизвѣстному и новому, что должно было явиться на смѣну. И желаніе отправиться туда, на тотъ бе-

регъ было такъ велико, что онъ даже началъ составлять планъ бѣгства, если бы коммуна въздумалось удерживать его. Въдь коммуна замѣняла ему отца и опекуновъ, а голосъ председателя въ коммунальномъ совѣтѣ принадлежалъ надзирателю и имѣлъ въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе.

Между тѣмъ, эпидемія кончилась, кожи всѣ вышли, и оставалось только очистить заведеніе и закрыть. Мальчику никто не счелъ нужнымъ сказать объ этомъ хоть слово, потому что каждый былъ занятъ мыслью о себѣ самомъ. И когда, въ одно прекрасное утро, онъ нашелъ карантинъ закрытымъ, онъ отправился къ начальнику узнать, какъ ему быть. По обыкновенію, докторъ былъ хорошо расположенъ къ мальчику.

— Да, паренекъ, теперь ты свободенъ.—Это было все, что онъ сказалъ. Но, видя, что малышъ медлитъ, прибавилъ:—Деньги поступаютъ въ распоряженіе коммуны.

Тогда Торкель отправился на чердакъ, надѣлъ свое праздничное платье и пошелъ за лодкой, такъ какъ теперь онъ твердо рѣшилъ искать счастья по ту сторону пролива; онъ былъ такъ увѣренъ, что на всякую просьбу ему отвѣтятъ «нѣтъ», что спрашиваться у коммуны онъ не посмѣлъ. Коммуна вообще питала нѣкоторое отвращеніе къ нему, какъ и ко всему его существу, мѣшала ему во всемъ и говорила «нѣтъ». Просить разрѣшенія нанять лодку тоже не стоило, такъ какъ стали бы спрашивать, куда онъ намѣренъ ѣхать. Въ концѣ-концовъ, онъ вспомнилъ, что отецъ бросилъ на берегу старый челнокъ, который разсѣлся по всѣмъ пазамъ и имѣлъ дырявое дно. И вотъ онъ отправился на заднюю сторону, пошелъ прямо къ челну и началъ изслѣдовать его. Глазомъ знатока онъ скоро убѣдился,

что дѣло поправимо, и въ этой увѣренности тотчасъ же принялся за работу. Спусти шесть часовъ, при помощи мха и пакли, ему удалось законопатить лодку и спустить ее на воду. Сначала она, конечно, протекала, но мохъ скоро разбухъ и, трижды выливъ воду, Торкель окончательно столкнулъ челнокъ въ море. Работать черпакомъ приходилось и дальше, но подулъ благопріятный вѣтеръ и, приладивъ вмѣсто паруса большую вѣтку съ листвою, онъ поплылъ.—Дѣло шло не быстро, но его воодушевляло гордое чувство сидѣть въ собственной лодкѣ и плыть навстрѣчу будущему, имѣя все время въ сторонѣ открытое море.

Когда послѣ четырехчасового плаванія онъ обогнулъ сѣверный выступ Скамунда и увидѣлъ Фагервикъ въ волшебномъ вечернемъ освѣщеніи, онъ почувствовалъ свое мрачное прошлое позади себя. При мысли, что онъ бѣжалъ, имъ овладѣло чувство собственнаго достоинства, а страхъ, что его могутъ вернуть, торопилъ его впередъ. Чтобы успокоить себя на случай такой опасности, онъ старался представить себя въ томъ положеніи, когда его поймаютъ и приведутъ назадъ. Онъ рѣшилъ мужественно сносить все, пока не представится новый случай, и упорно стоять на своемъ, пока не достигнетъ цѣли своего стремленія.

Вѣтеръ затихъ, и онъ сѣлъ на весла; но теперь онъ имѣлъ Скамундъ прямо передъ собой; видѣлъ бѣлую выжженную гору, красный свиной хлѣвъ и черное зданіе карантина, и, какъ сильно онъ ни гребъ, они слѣдовали за нимъ въ кильватерѣ. Въ одно мгновеніе ему почудилось, что надзиратель стоитъ на лоцманской горѣ и слѣдитъ за нимъ въ подзорную трубку. Тогда онъ изо всѣхъ

силъ сталъ грести къ берегу; замѣтилъ, что здѣсь мысъ, обогнулъ его подъ прикрытiемъ деревьевъ и скоро почувствовалъ, что киль задѣваетъ песокъ.

Онъ сошелъ на берегъ, вытащилъ челнокъ и вздохнулъ. Здѣсь былъ лѣсъ, но тщательно оберегаемый лѣсъ, гдѣ каждое дерево стояло для украшенiя, а не для пользы; среди высокихъ елей подымался высокiй шиповникъ съ такими тонкими вѣтками, что, казалось, цвѣты парили въ воздухъ, какъ бабочки. На сосѣдномъ кустѣ пѣли яблоки а въ темной чащѣ ворковали гулуби.

По ровному мягкому, какъ коверъ, спуску онъ двинулся впередъ. Здѣсь стояли скамейки и столы, словно тутъ былъ сплошной громаднiй залъ, гдѣ всѣ составляли одно общество и были въ гостяхъ другъ у друга... Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ толпу людей, идущихъ съ пѣнiемъ и музыкой. Были будни, но всѣ были одѣты въ праздничныя свѣтлыя платья. Они шли толпою и старшiе держали другъ друга за талии, дѣти же вели другъ друга за руки. И у всѣхъ былъ прiятный, радостный и счастливый видъ, тонкiя красивыя лица и бѣлыя руки.

Мальчикъ сошелъ съ дороги; здѣсь росла черника, но онъ не чувствовалъ страха, такъ какъ помнилъ, что змѣй, которыми кишѣлъ весь Скамсундъ, здѣсь совсѣмъ не водится.

Господа улыгнулись ему, отнюдь не смѣясь надъ его изумленiемъ, и, въ превосходномъ настроенiи духа, онъ пошелъ дальше.

Лѣсъ перешелъ въ лужайку со множествомъ неизвѣстныхъ ему цвѣтовъ по краямъ... Посрединѣ лужайки

молодые люди и дѣвочки играли въ мячъ. Они тоже были въ своихъ лучшихъ платьяхъ и, кромѣ того, въ разноцвѣтныхъ шапочкахъ, которымъ соответствовали такихъ же цвѣтовъ мячики. Во время игры дѣти не ссорились и не дрались. Это больше всего поражало его, такъ какъ дома на Скамсундѣ дѣти всегда дрались за игру и разрывали другъ у друга платья...

Онъ пошелъ дальше, все время по ровнымъ, какъ коверъ, дорожкамъ, такъ не похожимъ на усѣянные камнями холмы на томъ берегу пролива. Когда же онъ подошелъ къ дубовой рощѣ и увидѣлъ исполинскія столѣтнія деревья, какихъ онъ раньше никогда не видѣлъ, то передъ подобнымъ чудомъ природы его прямо бросило въ дрожь. Зеленые своды были просторны, какъ церкви; они смыкались свободно висячими арками, вздымавшимися въ воздухъ безъ столбовъ... Подъ этими сводами разстилались зеленые ковры короткой травы, настолько короткой, что можно было ходить по ней босымъ и лежать, не боясь могущихъ скрываться тамъ змѣй. Здѣсь же росли невѣдомые цвѣты, красивѣе и ярче цвѣтовъ на томъ берегу.

Тутъ онъ подошелъ къ забору, за которымъ росла высокая, на цѣлый аршинъ отъ земли, трава, такъ хорошо засѣянная и взращенная, что всѣ стебельки были одинаковой высоты и оканчивались на верхушкѣ кисточкой. Онъ никогда не видѣлъ поля, но, сорвавъ одинъ колосъ и понюхавъ, онъ почувствовалъ запахъ свѣже-испеченнаго ржаного хлѣба, и тогда-то онъ понялъ все. Легкій вѣтерокъ колебалъ рожь, какъ небольшія волны въ морѣ. Что-то убѣгало въ даль, тогда какъ растенія оставались на своемъ мѣстѣ, словно кто-то незримый тепло дышалъ

на это поле, и по стебелькамъ пробѣгали шопоть и шелестъ. Маленькая желтоватая птичка пыталась, было, сѣсть на одинъ изъ стеблей и поклевать зеренъ, но соломинка согнулась, и птичка утонула въ этомъ зеленомъ морѣ.

Вдругъ раздался странный звукъ, точно пролетѣла стая утокъ... «арпъ-снарпъ, арпъ-снарпъ», но это была во всякомъ случаѣ не морская птица, да ничего и не взлетало вверхъ. Торкель и не подумалъ испугаться, ему было только любопытно; но, такъ какъ онъ любилъ животныхъ, то, чтобы не сдѣлать больно, выбралъ маленькій камешекъ и бросилъ въ то мѣсто, откуда раздавался звукъ. Но птица не поднималась; стало тихо.

Онъ пошелъ дальше, по дорожкѣ въ поле, и вдругъ опять услышалъ тотъ же звукъ, но уже съ другой стороны. Онъ захопалъ руками и свистнулъ, но все опять затихло, и даже стебелекъ ве вздрогнулъ...

Но только онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ снова раздался все тотъ же звукъ, совсѣмъ сзади, словно кто-то хотѣлъ надъ нимъ пошутить. Это было положительное колдовство, но было и забавно, такъ какъ было ново и безопасно.

Теперь онъ сталъ замѣчать изъ-за березъ строенія и, прибавилъ шагу, добрался до ручья. Черезъ него перекинулся мостикъ съ выпиленными и раскрашенными перилами, а дальше начиналась дорога по берегу. Налѣво разстилался проливъ съ зеленѣющими, покрытыми ольхой выступами суши. Здѣсь же тянулись избушка за избушкой, одна похожая на другую, но всѣ чистенькія, нарядныя, съ открытыми верандами, развѣвающимися занавѣсками, флаг-

штѣками и кустами розъ. Было время розъ, и цвѣты высыпали изъ кустовъ; выливались одни за другимъ, какъ вода изъ переполненнаго горнаго ручья.

Отъ нѣкоторыхъ зданій протянулись въ проливъ мосты, гдѣ стояли бѣлыя лодочки, шлюпки, катеры.

Онъ могъ заглядывать въ окна, внутрь зданій, гдѣ сидѣли празднично разодѣтые люди и отдыхали; на заднихъ крыльцахъ сидѣли молодыя дѣвушки, скрестивъ руки и ничего не дѣлая. Иногда изъ оконъ вылетали очаровательные звуки, музыка и пѣніе, красивые звуки и затѣшливые, порою торжественные, но совсѣмъ не такіе, какъ музыка въ церкви. Все это заставляло его дрожать отъ восхищенія, и новыя чувства овладѣли имъ. Все это было какъ въ сказкахъ или какъ въ прекрасныхъ снахъ. Здѣсь былъ другой, лучшій міръ, здѣсь былъ Фагервикъ... но вдругъ передъ нимъ мелькнуло зданіе карантина на Скамсундѣ, который лежалъ какъ разъ напротивъ; тамъ раскинулась другая, темная земля со своими мрачными, горемычными обитателями.

* * *

Онъ разыскалъ ресторанъ, гдѣ за столомъ сидѣло много народу и пирило подъ звуки невидимой нѣжной музыки. У буфета стояло общество господъ и дамъ, разговаривая съ рестораторомъ.

— Къ сожалѣнію, сегодня у меня некому ставить, потому что мальчикъ выѣхалъ въ море!

— Ахъ, какая досада!—раздалось со стороны общества.

Въ это время рестораторъ замѣтилъ Торкеля и сейчасъ же спросилъ его:

— Можетъ быть, ты хочешь ставить кегли?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.

Молодые дамы изъ компаніи стали гладить его по головѣ, подхватили подъ руки и побѣждали съ нимъ, называя своимъ спасителемъ и прочее.

Черезъ нѣсколько минутъ Торкель уже ставилъ кегли, былъ расторопнѣе, внимателнѣе, почтителнѣе и обнаружилъ достаточную воспитанность, чтобы не отвѣчать на дружеское движеніе тѣмъ же и на шутку шуткой; каждое проявленіе расположенія къ нему онъ принималъ съ застѣнчивостью и благодарностью, а каждую шутку—молчаливой улыбкой. Онъ прислуживалъ цѣлыхъ два часа; во время перерывовъ, по разговорамъ за стаканомъ вина, онъ понималъ, что это — родственники, которые встрѣтились спустя много лѣтъ разлуки, а можетъ быть, и размолвки, и теперь вотъ не могутъ нарадоваться встрѣчѣ, а можетъ быть, и примиренію. Пожилые становились снова молодыми, а молодые пылали безумной радостью.

Когда игра кончилась, Торкель сталъ служить при умывальникѣ и, замѣтивъ, что тазъ весь черенъ внутри, вышелъ съ нимъ на дворъ и сталъ чистить его пескомъ.

Какой-то пожилой господинъ стоялъ въ дверяхъ и наблюдалъ за нимъ, и, когда мальчикъ, съ шапкой въ рукахъ, принесъ тазъ обратно, пожилой господинъ взялъ его дружески за ухо и спросилъ съ изумленіемъ:

— Гдѣ ты научился этому?—А я вотъ тридцать лѣтъ никакъ не выучу своихъ служанокъ!

— Я этому научился у завѣдующаго карантинномъ!—отвѣтилъ Торкель.

— Хорошій учитель былъ у тебя, да и самъ ты славный мальчуганъ!

При этомъ господинъ сунулъ мальчику въ руки цѣлую крону. Одна изъ молодыхъ дамъ, услышавъ этотъ разговоръ, взяла Торкеля за руку и хотѣла предложить ему стаканъ содовой воды со стола, потому что онъ весь былъ въ поту и имѣлъ усталый видъ; но у мальчика оказался достаточно здоровый инстинктъ, подсказавшій ему, что это можетъ вызвать неудовольствіе со стороны остальныхъ, и съ поклономъ и такимъ выраженіемъ, которое не могло показаться обиднымъ, онъ отклонилъ предложеніе.

Послѣдняя сцена рѣшила будущность Торкеля; его начали спрашивать, какъ его зовутъ, сколько ему лѣтъ и прочее.

Затѣмъ компанія ушла, и Торкель остался одинъ. Онъ взялся отнести въ буфетъ поднось съ тарелками и сталъ прибирать на столѣ. Замѣтивъ остатки въ стаканахъ и въ особенности что-то красное, привлекавшее его вниманіе своимъ вкусомъ и запахомъ, по всей вѣроятности вино, онъ поднесъ стаканъ ко рту, но въ то же мгновеніе ему пришло въ голову, что лизать стаканы стыдно; онъ выплеснулъ содержимое въ дверь, взялъ поднось и ушелъ. И тутъ ему показалось, что сзади него мелькнуло что-то свѣтлое, похожее на человѣческое лицо, которое отошло отъ открытаго окна и направилось дальше по коридору.

Когда онъ спустился внизъ, то пожилой господинъ стоялъ и разговаривалъ съ хозяиномъ. Голоса тотчасъ же притихли. Мальчикъ понялъ, что рѣчь шла о немъ, и сейчасъ же отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Послушай, Торкель, — сказалъ хозяинъ, — хочешь остаться у меня?

— Хочетъ ли онъ? Но весь вопросъ въ томъ, согласна ли комунна.

— Это я беру на себя! — отвѣтилъ хозяинъ, и дѣло было улажено.

Никогда въ жизни у него не было желанія, которое могло бы исполниться такъ легко, и онъ считалъ это положительно чудомъ. Все, чего онъ боялся, исчезло.

Вечеромъ его опредѣлили въ «казачки» и нарядили въ темно-зеленое платье со свѣтлыми пуговицами, которыя сидѣли въ три ряда, какъ у гусара. И, когда ему нужно было войти съ газетами въ залъ, гдѣ происходили танцы, онъ чувствовалъ себя важнымъ господиномъ, передъ которымъ всѣ разступались и маленькія одолженія котораго принимались не иначе, какъ съ предварительной просьбой, не будетъ ли ему угодно сдѣлать ихъ.

День завершился цѣлымъ оркестромъ музыки въ саду, разноцвѣтными фонарями и фейерверкомъ.—Совсѣмъ какъ въ сказкахъ!

Дни проходили сплошнымъ праздникомъ. Плясали, пѣли, играли, наряжались, устраивали шествія, что обыкновенно кончалось театромъ. Торкель ходилъ какъ въ лихорадкѣ, не теряя, однако, головы, и удивлялся только тому, что мѣръ на этой сторонѣ пролива былъ такой свѣтлый и что люди здѣсь были способны веселиться цѣлый Божій день и всѣ дни.

Объ отцѣ не было слуховъ; рѣшили, что онъ либо погибъ, либо уѣхалъ въ Финляндію. А что онъ ни за что не вернется, чтобы угодить въ тюрьму, было для всѣхъ очевидно. Торкель не скучалъ по немъ, но боялся его

возвращенія, такъ же какъ и страхъ передъ коммуной не пощадилъ его, несмотря на увѣренія хозяина, что все улажено. Иногда ему снилось по ночамъ, что пришли и взяли его и что онъ опять возится съ кожами въ карантинѣ. Но, проснувшись на своемъ чердакѣ и видя солнечный свѣтъ на громадныхъ липахъ и слыша щебетаніе птицъ и жужжаніе пчелъ, онъ вспоминалъ слова вахмистра Викберга, что на этомъ берегу стоитъ Геваль, гора проклятія, обитель грѣха и несчастныхъ... онъ тутъ ужъ не зналъ чему вѣрить. Здѣшніе люди были рѣшительно лучше и привѣтливѣе, чѣмъ тамъ: темныя стороны, какъ онъ успѣлъ замѣтить, были у нихъ, но онъ держался въ сторонѣ отъ всего этого, равно какъ былъ глухъ и слѣпъ ко всѣмъ рассказамъ товарищей о хозяинѣ. У него была твердо намѣченная цѣль, заключавшаяся въ томъ, чтобы добиться независимости отъ коммуны, получить мѣсто, гдѣ бы можно было прокормиться собственнымъ трудомъ, лучше въ морѣ, куда его такъ влекло, а лучше всего въ королевскомъ флотѣ. Поэтому онъ приучалъ себя къ самоограниченію и самообладанію, откладывалъ каждый перепадавшій ему грошъ; онъ любилъ деньги, какъ путь къ свободѣ, но ему хотѣлось, чтобы его сбереженія росли нѣсколько быстрѣе. Было способъ и наживать деньги, какъ его учили товарищи, но его преступный отецъ привилъ ему такія твердыя понятія о честности, что онъ никогда не поддавался искушенію. Безчестный по природѣ, отецъ тщетно старался подавить дурныя влеченія въ самомъ себѣ; зато онъ сдѣлалъ все, чтобы хоть въ сынѣ искоренить эту опасную наклонность, злосчастныя послѣдствія которой онъ видѣлъ воочию. Народъ на Скамсундѣ называлъ отца ханжой, по-

тому что онъ всегда внушалъ сыну нравственность, тогда какъ самъ жилъ негодяемъ.

— Вы не понимаете,—говорилъ какъ-то лоцманъ,—вы не понимаете, что я хочу сдѣлать ребенка лучше своего отца!

— Сперва исправься самъ!—отвѣчалъ вахмистръ Шестремъ.

— Нѣтъ, это не въ моихъ силахъ,—говорилъ Эманъ,—но если мнѣ удастся поставить на лучшую дорогу мальчишку, то я буду счастливъ... и онъ еще не разъ будетъ мнѣ благодаренъ.

Завѣдующій карантинномъ, который слышалъ этотъ разговоръ и самъ былъ большой пройдоха, замѣтилъ въ заключеніе:

— Имѣя предъ собой ужасающій примѣръ Эмана, Торкель долженъ стать чудовищемъ честности и трезвости!

И то, что онъ разумѣлъ въ обратномъ смыслѣ, на этотъ разъ сбылось.

* * *

Лѣто проходило, каникулы кончились, и Торкелю пришлось какъ-то отлучиться съ порученіемъ на другой конецъ острова. Утромъ этого дня съ нимъ произошла первая маленькая неприятность въ гостиницѣ, и онъ совершенно палъ духомъ. Человѣкъ, смотрѣвшій за будильникомъ, по которому Торкель долженъ былъ вставать, какъ разъ забылъ завести часы, и мальчикъ проспалъ. Чтобы бѣготня по коридору не беспокоила гостей, прислугѣ было запрещено вставать слишкомъ рано, а съ другой стороны, слишкомъ позднее вставаніе считалось преступленіемъ, по-

тому что разстраивалась вся утренняя служба, и нетерпеливые гости ворчали изъ-за своего кофе, своего платья, обуви и воды. Мальчицъ былъ не виноватъ въ своей небрежности, но ярость хозяина все-таки разразилась надъ нимъ. Онъ оправдывался оплошностью приказчика, но когда того потребовали къ объясненію, онъ сталъ отпираться. Торкель, такимъ образомъ, оказался еще легчецомъ. Вся его душа возмущилась на обонихъ лживыхъ обвинителей и на людскую несправедливость, и онъ забылся. Онъ получилъ двѣ пощечины, одну отъ хозяина, другую отъ приказчика, и вдобавокъ хозяинъ бросилъ еще угрозу, что ему придется уйти и вернуться домой, въ свой свиной хлѣвъъ на томъ берегу.

Оставленные безъ услуженія гости стали бранить его, а это еще больше огорчало его, потому что онъ привыкъ видѣть одни лишь привѣтливыя лица.

Это былъ положительно злополучный день, и, когда его послали по дѣлу въ другой конецъ острова, онъ почувствовалъ облегченіе остаться наединѣ. И тутъ - то онъ впервые заплакалъ надъ жизнью и ея несправедливостями и впервые же замѣтилъ, что одинокъ на свѣтѣ.

Все вокругъ него померкло, все стало горькимъ и гадкимъ; все, что онъ видѣлъ и слышалъ дурного и отъ чего держался въ сторонѣ, теперь сразу обрушилось на него. И онъ увидалъ, что люди здѣсь, на островѣ, нисколько не лучше другихъ; они только носили болѣе нарядныя платья, подъ которыми скрывалась грязь, и вотъ они явились сюда смыть ее. Онъ вспомнилъ слова Викберга, сказанныя тогда на горѣ, что здѣсь Геваль, пристанище грѣха. Это была правда, потому что никто изъ господъ не работаль, а всѣ

вели разгульную жизнь блуднаго сына; они ложились пьяные въ постель, а вставали съ красными глазами, когда солнце было уже высоко на небѣ. А дамы бродили по лѣсу съ молодыми людьми, и тамъ-то совершалось много вещей, которыя, конечно, не могли быть красивыми.

Онъ добрался до поля съ рожью, которое теперь пожелтѣло, какъ корка сдобнаго хлѣба; васильки и маргаритки еще продолжали цвѣсти, беззаботные, точно они не знали, что на нихъ скоро нагрянетъ коса. На Скамсундѣ не было цвѣтовъ, а здѣсь у него никогда не было времени сорвать хотя бы нѣсколько. Онъ тотчасъ же перескочилъ черезъ ровъ и только хотѣлъ протянуть руку за василькомъ, какъ снова услышалъ передъ собою странный трескъ. Это звучало какъ бы предостереженіемъ, но мальчикъ принялъ все въ шутку; онъ сталъ шикать и вторично потянулся за своимъ цвѣткомъ, но все время оставался на междѣ, въ здоровомъ разсужденіи, что топтать поле не слѣдуетъ.

Трескъ продолжалъ свое предостереженіе, но мальчикъ считалъ это простой шуткой и продолжалъ свою невинную забаву. Но тутъ онъ услышалъ сердитый крикъ позади:

— Ты что поле топчешь! Я тебѣ покажу!

— Да я же не полемъ хожу, я хожу междой,—успѣлъ отвѣтить онъ, но не больше, потому что арендаторъ не замедлил накинуться на него.

Торкель бросился бѣжать, перескочилъ черезъ заборъ и бѣжалъ лѣсомъ, пока не выбился изъ силъ и не споткнулся о корень.

Онъ такъ изнемогъ отъ усталости и такъ запыхался, что продолжалъ лежать на землѣ, и тутъ-то онъ сталъ

плакать надъ жизнью и надъ всѣмъ; но самое большое горе заключалось въ томъ, что онъ утратилъ вѣру въ этотъ рай и въ этихъ добрыхъ людей, которые должны были жить въ немъ. Вѣдь если здѣсь было такъ красиво и такъ дурно, то какъ же не быть этому тамъ, въ другомъ мѣрѣ!

Наконецъ, слезы утились, онъ всталъ и побрелъ дальше, безъ цѣли, лишь бы идти. Изъ-за стволовъ мелькнуло передъ нимъ длинное красное зданіе, длинное, какъ корабль съ осѣвшей кормой. Это было ново и незнакомо; отъ зданія доносилось жужжаніе, точно козодой возился на горѣ. Онъ подошелъ ближе и увидѣлъ нѣчто, еще болѣе странное. Два человѣка пятились назадъ и что-то тащили за собой. Изъ любопытства онъ подошелъ къ таинственному дому и тотчасъ же догадался, что здѣсь крутили веревки. Уступая чувству любознательности, онъ остановился у забора и сталъ смотрѣть, какъ выдѣлываютъ снасти. Рабочіе либо нашли свое хожденіе задомъ смѣшнымъ, либо подумали, что мальчикъ смотрѣлъ на нихъ свысока, потому что онъ стоялъ безъ дѣла и «наблюдалъ» за ихъ работой, только вдругъ въ Торкеля полетѣло полѣно и ударилось въ заборъ у самого его лица, при чемъ ударъ сопровождался крикомъ: «Чего глаза тарачишь?»

Это случилось такъ неожиданно и безъ всякой причины, что мальчику стало горько вдвойнѣ, тѣмъ болѣе что онъ удивлялся искусству рабочихъ превращать паклю въ совершенно гладкую веревку. Онъ молча пошелъ дальше съ такимъ чувствомъ, точно вся природа заодно съ людьми была къ нему враждебна въ этотъ день.

Теперь онъ предпочелъ бы быть подалше отъ строеній, но дорога вела прямо къ нимъ, и ему предстояло

пройти мимо. Одинъ изъ домиковъ, со стеклянной верандой, стоялъ у самаго лѣса. Онъ узналъ его по веселымъ занавѣскамъ и пышнымъ цвѣточнымъ клумбамъ. Здѣсь жили молодые славные новобрачные, которымъ онъ обыкновенно прислуживалъ за столомъ. Ихъ лица всегда выражали счастье, благополучіе и радость, и, когда они входили въ столовую, то, казалось, зажигали свѣтъ или поднимали занавѣски, и врывалось солнце. Мальчикъ даже ѣздилъ съ ними на рыбную ловлю и въ своемъ дѣтскомъ незнаніи считалъ ихъ ангелами, а не людьми.

Но вотъ онъ подошелъ къ верандѣ, окна которой были раскрыты, и изъ-за ея донесся мужской голосъ, то рычавшій какъ разъяренный быкъ, то переходившій въ шипѣніе; въ промежуткахъ же доносился пронзительный рѣжушій звукъ, то отрывистый, то воющій. По неподвижнымъ кроткимъ деревьямъ и тихимъ благоухающимъ цвѣтамъ, казалось ему, пробѣжала дрожь, и его собственная грудь сжалась отъ боли, потому что онъ узналъ голоса и увидѣлъ, какъ прекрасныя знакомыя лица вытянулись другъ передъ другомъ съ искаженными чертами. Онъ взглянулъ на небо, не собираются ли тучи, но оно было голубое, какъ прежде; это поразило его, такъ какъ, будь онъ Царемъ Небеснымъ, онъ набросилъ бы на подобное зрѣлищѣ завѣсу изъ самыхъ черныхъ тучъ.

Несомнѣнно, это были не ангелы, а просто люди. И, сожальтя, что увидѣлъ, какъ прекрасное можетъ быть гадкимъ, онъ снова убѣждалъ въ лѣсъ.

Тамъ стояли рядомъ два дерева, старый дубъ и старая осина. Осина, въ своей молодости, слишкомъ близко подошла къ могучему дубу, и они цѣлыми десятилѣтіями

спорили о мѣстѣ. Наконецъ, дубъ взялъ верхъ, а болѣе слабая осина вытянулась въ воздухъ, созсѣмъ рядомъ со своимъ страшнымъ сосѣдомъ, — такъ близко, что отъ тренія на немъ образовался желобъ, куда она и вошла всѣмъ своимъ стволомъ. Въ этотъ день было вѣтрено, и оба соперника со крипомъ и скрежетомъ терлись другъ о друга. Торкель зналъ хорошо брата и сестру, какъ ихъ называли, и еще издали слышалъ отзвукъ ихъ ласкъ. Подходя къ нимъ, онъ вспомнилъ книгу с дикаряхъ, которые обыкновенно добываютъ огонь треніемъ твердаго кусочка дерева о мягкій. Было очень сухое лѣто, и изъ опасенія лѣсного пожара было запрещено даже курить табакъ въ лѣсу. И тѣмъ не мѣнѣе это чудовищное огниво работало въ самой чашѣ сухого лѣса.

Странныя мысли приходили ему въ голову.

Почему же именно сегодня шла эта гибельная для острова работа? Ужъ не разиѣванъ ли Господь на Фагервикъ и не хочетъ ли Онъ сжечь его, какъ Содомъ и Гоморру? Потому что стоитъ только вспыхнуть огню, и на островѣ запылаютъ всѣ дома, а людямъ придется бѣжать, бросаться отъ пепла и дыма въ море. Вѣдь не мало лѣсныхъ пожаровъ возникло отъ такого вотъ тренія дерева о дерево.

Онъ сѣлъ на пень и сталъ наблюдать. Сначала у него было желаніе увидѣть дымъ и огонь, потому что Фагервику не мѣшало бы сгорѣть, потому что все оказалось явнымъ сатанинскимъ наважденіемъ; и если бы онъ выгорѣлъ дотла, какъ Скамсундъ, то можно было бы жить и тамъ и сносить жизнь, такъ какъ обѣтованная земля на этомъ берегу исчезла бы, не манила бы къ себѣ, не смущала бы.

Въ ближайшее мгновеніе онъ счелъ эту мысль безбож-
ной и даже испугался, точно онъ былъ свидѣтелемъ пре-
ступнаго поджога, къ чему онъ вовсе не хотѣлъ быть при-
частнымъ; и вотъ онъ быстро удалился.

Онъ прошелъ мимо источника, гдѣ нѣкогда были цѣ-
лебныя воды, и мелькомъ взглянулъ на костыли, висѣвшіе
здѣсь въ память обо всѣхъ исцѣвленныхъ въ болѣзняхъ.
Онъ взобрался на холмъ, гдѣ стоялъ храмъ съ бюстомъ,
по всей вѣроятности, какого-нибудь короля. Затѣмъ всту-
пилъ на узкую лужайку подъ дубами, которые бросали
зеленныя, качавшіяся отъ вѣтра, тѣни. Взошелъ еще на
холмъ, гдѣ стояла отслужившая свой вѣкъ мельница, и
вскрабкался по лѣстницѣ вверхъ. Здѣсь передъ нимъ раз-
стирался Фагервикъ во всей своей красотѣ и богатствѣ,
а повенувшись, онъ увидалъ Скамсундъ съ карантиномъ,
церковью и далеко-далеко открытое море съ маякомъ. Вотъ
куда влекла его тоска, и теперь онъ понялъ, что сбился
съ пути, хотя ему казалось, что такъ или иначе онъ при-
ведетъ его къ цѣли.

Онъ продолжалъ стоять здѣсь, въ дѣтскомъ волненіи
передъ тѣмъ великимъ неизвѣстнымъ, которое зовутъ бу-
душимъ, и тутъ онъ увидѣлъ въ заливѣ бѣлый учебный
бригъ, на полномъ ходу, подъ военнымъ флагомъ, съ кли-
веромъ на бугшпритѣ и цѣлымъ рядомъ сигналовъ.

По реямъ стояли мальчики въ бѣломъ, готовые къ
уборкѣ парусовъ. Вотъ гдѣ была мечта его.

Онъ слѣдилъ за маневрами судна, думая, что бригъ ля-
жетъ въ дрейфъ и станетъ на якорь. И вотъ онъ уже
принялъ твердое рѣшеніе подстеречь одного изъ офице-

ровъ, которые посѣщали ресторанъ, и совершенно открыто просить мѣсто юнги.

Онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ на палубѣ, за положеніемъ парусовъ, за малѣйшимъ движеніемъ рулевого.

Поравнявшись съ купальней, судно должно было бросать бакъ, теперь якорь долженъ былъ лежать на кран-банкѣ, теперь...

Бригъ сначала спустилъ сигналы, потомъ бугшпритъ и, продолжая курсъ... мимо, въ глубь залива, исчезалъ, какъ бѣлый сонъ, унося съ собою его надежду на будущее.

Онъ слѣзъ съ мельницы и пошелъ назадъ въ дубовую рошу. По дорогѣ онъ замѣтилъ на лужайкѣ маленькую дѣвочку, которой можно было дать лѣтъ около пяти; она стояла совсѣмъ одна, не шевелясь, положивъ пальцы въ ротъ и въ отчаяніи озираясь кругомъ, тогда какъ двѣ невысохшихъ слезинки висѣли у нея на щекахъ. Мальчикъ подошелъ и спросилъ:

— Что ты здѣсь дѣлаешь одна въ лѣсу?

— Да вотъ, всѣ ушли отъ меня,—отвѣтила она.

— А какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Алисой.

— Гдѣ же ты живешь?

— Возлѣ купальни.

Торкель приблизительно догадался, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и началъ, было, шагать въ указанномъ направленіи.

— Я хочу, чтобы ты велъ меня, — сказала дѣвочка и подала ему руку.

Мальчикъ взялъ крошечную нѣжную ручонку; она была такъ мала и такъ нѣжна, что онъ съ трудомъ осмѣлился взяться за нее. И онъ думалъ о злыхъ братьяхъ и сестрахъ,

бросившихъ малютку одну въ лѣсу, гдѣ бродятъ лошади животныя, пусть, и не опасныя, но могущія напугать ребенка.

Когда они подошли къ купальнѣ, маленькая дѣвочка указала на одно изъ ближайшихъ зданій и сказала:

— Вотъ здѣсь я живу, прощай!—Затѣмъ шмыгнула въ ворота, а мальчикъ стоялъ и думалъ: «Вотъ она, благодарность!»

Но въ это время показался пожилой господинъ изъ кегельбана и, сдѣлавъ рукою знакъ, чтобы Торкель остался, началъ разговаривать съ дѣвочкой:

— Гдѣ же ты была, дѣтка?

— Да они меня бросили, они такіе гадкіе!

— Я тебѣ говорилъ не сплетничать!—И такимъ тономъ, точно онъ ждалъ Торкеля, сказалъ:

— Заходи, паренекъ, мнѣ нужно съ тобой переговорить.

Торкель вошелъ и только теперь замѣтилъ, что пожилой господинъ былъ во флотской формѣ, хотя ему и нельзя было видѣть погоны.

— Ну, Торкель,—началъ онъ,—что съ тобой сегодня,—у тебя такой разстроенный видъ?

Мальчикомъ овладѣло весьма естественное желаніе жаловаться, но въ его ушахъ еще звучали рѣшительныя слова, только что обращенныя къ ребенку: «Не сплетничать!» И онъ отвѣтилъ коротко и почтительно:

— Ничего.

Но господинъ не выпускалъ его изъ рукъ и спрашивалъ дальше:

— Къ тебѣ были придирчивы?

Это значило положить отвѣтъ прямо на языкъ, но

исное сознание мальчика подсказало ему, что все спасение въ томъ, чтобы удержаться, и онъ совладалъ съ собою.

— Нѣтъ, просто маленькое недоразумѣніе!

Строгое, испытующее выраженіе лица у офицера смягчилось и исчезло, затѣмъ онъ взялъ Торкеля за руку и повелъ его въ садъ. Здѣсь онъ присѣлъ на скамейку и началъ говорить, рисуя на песокѣ:

— Слушай, дружокъ! Когда въ тотъ разъ ты ставилъ кегли, я обратилъ на тебя вниманіе, потому что, видишь ли... ты былъ проворенъ. И я уже тогда рѣшилъ подвергнуть тебя испытанію, узнать, можешь ли ты слушаться, не разсуждая. Ты могъ, такъ же... какъ могъ удержаться и не лизать стаканы. Я, видишь ли, знаю твоего отца, онъ много лѣтъ плавалъ со мною и былъ, какъ тебѣ безызвѣстно, бездѣльникъ. Такъ вотъ, я не выпускалъ тебя изъ виду... и сегодня утромъ я случайно зашелъ въ ресторанъ, сейчасъ же послѣ извѣстной тебѣ сцены. Свидѣтели тогда же подтвердили, что ты невиноватъ въ нерадѣніи. Когда я спрашивалъ, не обидѣлъ ли кто тебя, я хотѣлъ убѣдиться, способенъ ли ты переносить обиду, не сплетничая и не жалуясь. Противъ моего ожиданія, ты выдержалъ испытаніе! Потому что нѣтъ ничего столь тяжелаго, какъ страдать несправедливо, и, съ другой стороны, тотъ, кому это не под силу, никогда не можетъ прожить жизнь — повѣрь мнѣ! (Онъ оглянулся, не подслушиваетъ ли кто). Повѣрь мнѣ всюду однѣ несправедливости! Всюду и во всемъ! (Тутъ онъ стряхнулъ пыль съ галуновъ на рукавѣ, и Торкель замѣтилъ, что старый офицеръ былъ всего въ чинѣ лейтенанта). Но, видишь ли, такова жизнь; жизнь — дѣло спѣшное, и столько вещей должно совершиться въ одно и то

же время, и вотъ въ горячности приходится получить пощечину, а въ другомъ случаѣ и самъ даешь пощечину, безъ всякаго основанія, вотъ одно другое и погашаетъ! А сводить съ людьми счеты не стоитъ... Послушай, управлять парусами ты умѣешь?

— Ну, конечно!

— Хочешь быть юнгой на моемъ суднѣ?

— Это—шхуна?

— Я вижу, что ты хочешь, только тебѣ нужно уладить дѣло съ хозяиномъ и коммуной. Я это уже устроилъ. Ступай къ своему хозяину и простиись. Можешь сказать доброе слово и приказчику за его брань. Потомъ приходи сюда и устраивайся на шканцахъ; катеръ стоитъ у того конца пристани. Благодарить не за что! Такихъ, какъ ты, ищутъ, и если ты будешь старателенъ... то попадешь и во флотъ... Именно, если будешь старателенъ! Такъ вотъ, маршъ! Пстой! Вотъ что! Алиса благодарила тебя за помощь?

Торкель молчалъ; онъ не хотѣлъ сплетничать!

— Такъ, не поблагодарила.—Алиса!—крикнулъ онъ.

Алиса была тутъ же поблизости.

— Иди сюда! Скажи мальчику спасибо за то, что онъ привелъ тебя.

Алиса поднялась на цыпочки и по обыкновенію протянула свой ротикъ, чтобы благодарить поцѣлуемъ.

Отецъ разсмѣялся. Торкель взялъ дѣвочку за обѣ ручки, покраснѣлъ и сказалъ вмѣсто нея:

— Спасибо, спасибо.

Когда онъ вернулся домой, Фагервикъ снова принялъ свой радостный видъ. Торкель опять любилъ людей, не

исключая и приказчика, что поступилъ съ нимъ такъ несправедливо. Но то, что счастье могло быть такъ близко отъ несчастія, что оно какъ бы выслало впередъ отрядъ невзгодъ, стало для него урокомъ на всю его жизнь; и если, вполсѣдствіи онъ и часто встрѣчалъ горе, онъ всегда думалъ: «ну вотъ, теперь-то счастье не за горами!»

* * *

Подулъ утренній вѣтеръ, и шхуна снялась съ якоря. Торкель стоялъ на своемъ посту. На немъ была синяя куртка, бѣлые брюки, бѣлые легкіе башмаки и круглая шапка съ висячей лентой. Бѣлые, совсѣмъ бальные, башмаки такъ легко скользили по блестящей, какъ сталь, налубѣ; это было выше всего,—тутъ поневолѣ почувствуешь себя господиномъ!

Лейтенантъ стоялъ у руля, и изъ-за бизани было видно, какъ онъ выкрикивалъ команды.

— Якорь!—Кливеръ!—Обѣ стени!

Корабликъ расправилъ крылья; онъ сидѣлъ на водѣ, какъ птица, гордясь своимъ проворнымъ бѣгомъ, и своими мачтами указывалъ направленіе, какъ компасъ.

Съ одной стороны дефилировалъ Фагервикъ, и рестораторъ салютовалъ флагомъ. Скамсундъ былъ закрытъ парусами, но Торкелю захотѣлось взглянуть на него еще разъ, чтобы полнѣе почувствовать свое счастье.

Никто изъ экипажа не зналъ, куда направленъ курсъ но, увидѣвъ, что «старикъ», какъ называли командира, въ полной формѣ, матросы поняли все.

— Мы ѣдемъ въ городъ!—шепнулъ одинъ изъ нихъ.

— Конечно, въ Гольмъ!

Когда, спустя часъ, повернули на другой галсъ, стало очевидно, что путь въ Стокгольмъ.

А мальчикъ стоялъ на своемъ посту и зоркими глазами смотрѣлъ впередъ, туда, гдѣ долженъ былъ лежать городъ, куда плыли всѣ корабли и гдѣ онъ не былъ никогда.

Игра съ огнемъ.

Переводъ

В. Саблина.

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- Отецъ—60 лѣтъ, рантье.
Мать—58 лѣтъ.
Сынъ—27 лѣтъ, художникъ.
Жена сына—24 лѣтъ.
Другъ—26 лѣтъ.
Кузина—дѣвушка, 20 лѣтъ.
-

ДОКРАЦІЯ.

Веранда, замѣняющая гостиную. Двери въ садъ и по бокамъ.
Дѣйствіе происходитъ на водахъ въ наши дни.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Сынъ пишетъ, сидя съ мольбертомъ. Жена входитъ въ капотъ.

Сынъ. Онъ уже всталъ?

Жена. Аксель? А почему я знаю?

Сынъ. Я думалъ... ты посмотрѣла!

Жена. Стыдись! Ты былъ бы у меня на подозрѣннiи, если бы я не считала тебя неспособнымъ къ ревности!..

Сынъ. А я наострилъ бы теперь уши, если бы не былъ увѣренъ въ тебѣ...

Жена. Почему... именно теперь!

Сынъ. Ты слышала, я сказалъ «если бы»... Впрочемъ, что касается Аксея, то вѣдь ты знаешь, что я предпочитаю его обществу всякому другому, и такъ какъ ты, къ счастью, раздѣляешь мои симпатiи къ этой бѣдной, истерзанной душѣ, — то все прекрасно!

Жена. Ты правъ,—это несчастный, но въ то же время странный человѣкъ. Знаешь ли, почему прошлымъ лѣтомъ онъ уѣхалъ отъ насъ такъ внезапно, даже не простясь, и бросилъ всѣ свои вещи?

Сынъ. Это была загадочная исторія! Мнѣ показалось, что онъ влюбился въ кузину Адель!..

Жена. Тебѣ показалось?

Сынъ. Да... Но теперь я этого уже не думаю... Мама, я помню, вообразила, что онъ вернулся къ женѣ и ребенку.

Жена. Какъ, развѣ они не развелись?

Сынъ. Формально—нѣтъ еще, но онъ со дня на день ждетъ приговора суда.

Жена. Такъ ты считалъ его влюбленнымъ въ Адель, а мнѣ—ни звука... Что, если бы ихъ поженить? Вѣдь было бы недурно?!

Сынъ. Какъ знать! Адель такая мечтательница!

Жена. Ну, такъ ты плохо ее знаешь!

Сынъ. Она великолѣпно сложена, это я признаю... что же касается ея страстности, не берусь утверждать!

Жена. Не берешься утверждать?

Сынъ. А ты такъ увѣрена?

Жена. Дай ей только прорваться!..

Сынъ. Да ну? Въ самомъ дѣлѣ?

Жена. Однако, это тебя, кажется, интересуетъ?..

Сынъ. Съ извѣстной точки зрѣнія...

Жена. Съ какой это?

Сынъ. Ты же знаешь, что она служила моделью для моей купальщицы...

Жена. Прекрасно знаю... Впрочемъ, кто только не служилъ тебѣ моделью! Да, пожалуйста, не показывай своихъ этюдовъ всѣмъ и каждому... Старуха идетъ!

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Тѣ же. Мать, одѣта очень плохо, въ большой японской шляпѣ и съ корзиной въ рукѣ.

Сынъ. Ну, право, мама, ты сегодня похожа на чорта!.

Мать. Удивительно любезно...

Жена. Кнутъ невыносимъ!.. Что ты купила намъ хорошенькаго?

Мать. О, я раздобыла рѣдкостную рыбу!

Сынъ шарить въ корзину. Чортъ возьми! Это что такое? Молодая утки?

Жена. Не мѣшало бы имъ быть пожирнѣе! Пощупай-ка грудку!

Сынъ. Что же, грудки прелестныя!

Жена. Фу, безстыдникъ!

Мать. Вчера вечеромъ вернулся вашъ другъ?

Сынъ. Нашъ другъ? Скажи лучше другъ Кристины, она положительно безъ ума отъ него... Честное слово! Вчера вечеромъ на пристани я думалъ, что они бросятся другъ другу на шею!..

Мать. Напрасно ты этимъ шутишь! Никогда не нужно играть съ огнемъ...

Сынъ. Знаю... знаю, но я ужъ слишкомъ старъ, чтобы передѣлать себя... Да неужели у меня видъ ревнивца?

Мать. Наружность обманчива, не такъ ли, Кристина?

Жена. Я не понимаю, что вы хотите сказать!

Мать. Ничего, ничего... только берегись!

Сынъ. Кристина страшно наивна! Ты, старуха, не смѣй ее портить!

Жена. У васъ такая странная манера шутить, что никогда не знаешь, говорите ли вы серьезно или смѣтесъ?

Сынъ. Я всегда говорю серьезно...

Жена. Дѣйствительно, это можно подумать, ты даже не улыбнешься, говоря свои глупости.

Мать. Что съ вами? Вы, кажется, встали съ лѣвой ноги или плохо спали сегодня?

Сынъ. Мы совсѣмъ не спали...

Мать. Фу, какой стыдъ!.. Ну, я бѣгу, а то мнѣ отъ отца достанется...

Сынъ. Да, а гдѣ же отецъ?

Мать. Гуляетъ съ Аделью.

Сынъ. Ты не ревнуешь?

Мать. Ой!

Сынъ. Ну, какъ знаешь, а я такъ ревную.

Мать. Къ кому это, смѣю васъ спросить?

Сынъ. Да къ старику, конечно.

Мать. Ты слышишь, Кристина? Ну, миленькая семейка тебѣ досталась!

Жена. Хорошо, что я знаю Кнута и давно уже рѣшила, что артисты народъ особенный, иначе, пожалуй, совсѣмъ бы потерялась.

Сынъ. Да, я-то артистъ, зато отецъ и мать ужъ настоящіе мелкіе копеечники.

Мать безъ злобы. Въ твои годы ты еще не способенъ заработать кусокъ хлѣба. Вспомни, что твой отецъ построилъ этотъ домъ для тебя, бездѣльника, и тогда ты согласишься, что онъ вовсе ужъ не такой копеечникъ, какъ ты говоришь!

Сынъ. Ну, такъ я вѣдь не на шутку вашъ единствен-

ный сынъ! А теперь бѣги, я вовсе не желаю слушать, какъ тебя будутъ распекаютъ! Торопись! Старикъ идетъ!

Мать. Бѣгу, бѣгу... Уходить.

Сынъ. Что за бѣготня въ этомъ домѣ! Точно мы на вокзалѣ!

Жена. Да, твои родители могли бы насъ оставить хотя бы немного въ покоѣ. Достаточно того, что мы обѣдаемъ вмѣстѣ и не имѣемъ даже права завести отдѣльнаго хозяйства.

Сынъ. Совсѣмъ какъ воробы, которымъ бросаютъ за окно крошки, чтобы полюбоваться, какъ они ихъ клюютъ!

Жена, прислушиваясь. Молчи! Попробуй развлечь старика, чтобы избѣжать его утреннихъ нравоученій!

Сынъ. Если бы я только могъ! Онъ не всегда цѣнитъ мое остроуміе и шутки. .

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Тѣ же. Отецъ — въ легкомъ пиджакѣ и бѣломъ жилетѣ, съ розой въ петлицѣ. Кузина — ходитъ сначала въ глубинѣ сцены, потомъ стираетъ съ мебели пыль.

Отецъ въ шляпѣ. Что за холодъ сегодня.

Сынъ. Это и видно!

Отецъ. Какъ ты можешь это видѣть?

Сынъ. Я замѣтилъ, что твоя голова зябнетъ!

Отецъ бросаетъ ему презрительный взглядъ.

Жена. Ты становишься дерзкимъ, Кнутъ!

Отецъ. Глупецъ догубитъ себя самъ, и отецъ глуша никогда не узнаетъ радости!

Сынъ. Гдѣ ты черпаешь сокровище своихъ изреченій?

Жена кузинѣ. Сегодня уже стирали пыль, моя милая!
Отецъ. «Мудрыя женщины поддерживаютъ семью, безумныя же разбиваютъ ее».

Сынъ. Ты слышишь, Адель?

Кузина. Я?

Сынъ. Да! А вотъ послушай-ка еще одну пословицу: «Прекрасная женщина безъ стыда подобна свинѣ, которой надѣли на носъ золотое кольцо».

Жена. Довольно, Кнутъ!

Отецъ. У васъ вчера поздно вечеромъ были гости?

Сынъ. Ты, можетъ-быть, находишь, что это было слишкомъ поздно?

Отецъ. Ничего я не нахожу... Мнѣ кажется только, что молодой человекъ могъ бы выбрать для своихъ посѣщеній болѣе умѣстный часъ!

Сынъ. Такъ, значить, это все-таки твое мнѣніе?

Отецъ. Да, если только вы его не пригласили заранѣе!

Сынъ. Это настоящая инквизиція! Нѣтъ ли у тебя съ собой орудія пытки?

Отецъ. Ну, стоитъ ли послѣ этого заботиться о васъ! Достаточно мнѣ заикнуться о какомъ-нибудь пустякѣ, какъ мнѣ грозятъ уйти... Вѣдь я выстроилъ этотъ домъ только для того, чтобы жить вмѣстѣ хоть лѣтомъ... Когда состаришься, какъ я, является потребность жить для другихъ!

Сынъ. Ну, положимъ, ты ужъ не такъ старъ. Съ этой розой у тебя видъ настоящаго побѣдителя!

Отецъ. Всему есть мѣра... даже шуткамъ! Не правда ли, Кристина?

Жена. Конечно... Кнутъ невыносимъ! Если бы я не знала, что въ глубинѣ души онъ думаетъ иначе...

Отецъ. Онъ совсѣмъ не думаетъ о томъ, что говоритъ... Это какой-то идиотъ! Смотрить на несовершенный портретъ друга. Кто это здѣсь изображенъ?

Сынъ. Развѣ ты не видишь? Это другъ... Жена знакомъ просить его замолчать... другъ нашей семьи!

Отецъ. Что за пошлое выраженіе лица! У него видъ дурного человѣка... По крайней мѣрѣ, на полотнѣ!

Сынъ. Но не въ дѣйствительности!

Отецъ. Человѣкъ безъ религіи — дурной человѣкъ, какъ равно и тотъ, кто нарушилъ бракъ, — дурной человѣкъ.

Жена. Во-первыхъ, онъ не нарушилъ брака, — онъ развелся юридически!

Отецъ. Было время, когда Кнутъ безъ-устали бранилъ этого самаго друга! Какъ случилось, что онъ такъ полюбилъ его?

Сынъ. Просто я мало зналъ его, а теперь научился цѣнить... Скажи, ты скоро покончишь съ своими вѣчными поученьями?

Отецъ. Ты знаешь пословицу?

Сынъ. Я давно уже знаю всѣ твои пословицы и всѣ анекдоты!

Отецъ, продолжая. «Для любви есть въ жизни свое время, а для ненависти—свое». До свиданья! Уходить.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Тѣ же, кромѣ отца.

Жена кузинѣ, которая хочетъ полить цвѣты. Цвѣты уже политы, моя дорогая!

Кузина. Не называй меня пожалуйста «моя дорогая»: я прекрасно знаю, что ты меня ненавидишь!

Жена. И не думаю... хотя ты вѣчно вносишь раздоръ въ нашу семью!

Сынъ. Ну, вотъ! Теперь начали эти двѣ!

Жена. Если бы я вѣрила, что Адель интересуется нашими домашними мелочами изъ дружбы... Но въ ея услугахъ всегда мелькаетъ упрекъ или выговоръ...

Кузина. Это воображаешь только ты... ты вѣдь совершенно забросила и ребенка и хозяйство... У меня же только одна мысль — быть полезной хоть въ чемъ-нибудь, чтобы не быть даромъ чужой хлѣбъ...

Сынъ подходит къ ней и съ любопытствомъ слѣдить за ней. О! Да ты съ душкомъ! Ужъ не водятся ли у тебя и страсти?

Жена. Что это тебя такъ интересуютъ ея страсти.

Кузина. Ну, конечно! Разъ ты бѣдный, то тебѣ запрещается имѣть свои вкусы, мнѣнія, свою волю, страсти... Но если ты составишь богатую партію, найдешь законнаго супруга... О, тогда ты можешь дѣлать все, что тебѣ вздумается! Можешь пользоваться роскошнымъ столомъ, можешь жить какъ тебѣ угодно... Старая исторія!

Жена. Стыдись!

Кузина. Но берегись! У меня есть глаза, которые видятъ, и уши, которыя слышатъ... Уходить.

ПЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же, кромѣ кузины.

Сынъ. Кажется, сегодня самъ чортъ вмѣшался въ наши дѣла!..

Жена. Пока еще нѣтъ, но погоди—все можетъ быть! Берегись этой дѣвчонки! Ты никогда не думалъ о возможности смерти твоей матери?

Сынъ. Ну... а дальше?

Жена. Дальше?.. Дальше твой отецъ можетъ жениться вторично...

Сынъ. На Адели?

Жена. Разумѣется!

Сынъ. Такъ надо помѣшать этому! Вѣдь, другими словами, она можетъ быть нашей belle mère, можетъ имѣть дѣтей, которыя будутъ участниками въ наслѣдствѣ...

Жена. Очень возможно, что онъ уже сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу Адели!

Сынъ. Что ты думаешь объ ихъ отношеніяхъ?

Жена. Все—и ничего... Ясно только, что онъ въ нее влюбленъ!

Сынъ. Влюбленъ—пожалуй... но ничего больше!

Жена. Онъ такъ ею очарованъ, что еще въ прошломъ году ревновалъ ее къ Акселю!

Сынъ. Тогда... не поженить ли намъ молодыхъ людей?..

Жена. Ну, Аксель не такъ-то легко сдастся.

Сынъ. Аксель? Да онъ воспламенится съ первой же минуты, какъ и всѣ вдовцы!

Жена. Мнѣ будетъ за него обидно... онъ слишкомъ добръ для этого демона!

Сынъ. Не понимаю, что здѣсь творится въ этомъ году... атмосфера мнѣ кажется страшно напряженной... точно надъ нами собирается разразиться гроза!.. У меня является безумное желаніе уѣхать куда-нибудь!

Жена. Да, но картины твои не продаются, а разъ мы

уѣдемъ, отецъ перестанетъ насъ содержать... Самое лучшее было бы переговорить съ Акселемъ! Правда, онъ не умѣлъ устроить свою личную жизнь, но зато у него удивительная способность улаживать чужія дѣла.

Сынъ. Не знаю, благоразумно ли вмѣшивать постороннее лицо въ свои семейныя дѣла?

Жена. Ты называешь нашего единственнаго друга «постороннимъ лицомъ»?

Сынъ. Прекрасно... но семья прежде всего! И потомъ... я право не знаю... старикъ говоритъ всегда: «смотри на твоихъ друзей такъ, какъ-будто они должны сдѣлаться твоими врагами»... Быть можетъ, онъ и правъ?

Жена. О, если ты примешься цитировать всѣ мудрыя изреченія твоего отца, то вспомни, что онъ также говоритъ: «бойся того, кого любишь»... Прелестно.

Сынъ. Да, онъ несносенъ, когда начинаетъ...

Жена, видя входящаго Акселя. А, наконецъ-то! Идетъ ему навстрѣчу. Здравствуте, неисправимый соня!

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же. Другъ—въ свѣтломъ лѣтнемъ костюмѣ, въ синемъ галстукѣ и бѣлыхъ туфляхъ для лаунъ-тенниса.

Сынъ. Здравствуй!

Другъ. Здравствуйте, дорогіе друзья! Надѣюсь вы меня не ждали?

Жена. Какъ знать?

Сынъ. Жена была въ отчаяніи оттого, что тебѣ не удалось заснуть сегодня!

Другъ смущенно. То-есть, какъ это?.. Почему?..

Сынъ женѣ. Посмотри! Онъ сконфузился какъ барышня!

Жена пристально и съ любопытствомъ разглядываетъ друга.

Другъ. Что за чудное утро! Жизнь еще можетъ улыбаться, послѣ того какъ проведешь ночь подъ крышей счастливица!

Сынъ. Это мы тебѣ кажемся счастливыми?

Другъ. Конечно; но кто вдвойнѣ счастливъ, такъ это твой отецъ... Немногимъ выпадаетъ такая счастливая старость!

Сынъ. Никому не завидуй.

Другъ. Это не въ моихъ привычкахъ... Напротивъ, я всегда радуюсь, когда вижу, что жизнь еще хороша для многихъ... Это позволяетъ надѣяться, что когда-нибудь она и для меня станетъ ласковой. Особенно какъ подумаешь о томъ, что перенесъ твой отецъ... потеря состоянія... изгнаніе... борьба съ семьей...

Жена. Зато теперь онъ возстановилъ состояніе, владеетъ домомъ и прекрасно женилъ сына... Не правда ли?

Другъ. Въ этомъ нѣтъ сомнѣній!

Сынъ. Послушай-ка, мнѣ кажется, что прошлымъ лѣтомъ ты былъ чуточку влюбленъ въ жену?

Другъ. Влюбленъ? Нѣтъ... хотя признаюсь, немножко мечталъ о ней... Теперь это все кончено...

Жена. Ваши настроенія такъ измѣнчивы?

Другъ. Да, въ любви... къ счастью, для меня.

Сынъ. А почему ты такъ внезапно тогда уѣхалъ? Не изъ-за другой ли женщины? Не была ли здѣсь причиной Адель?

Другъ. До чего ты скученъ съ своими вопросами!

Сынъ. Ну, конечно, это Адель! Ты слышишь, Кристина?

Жена. Но чѣмъ же могла напугать его Адель?

Другъ. Меня пугаютъ вовсе не женщины, но тѣ чувства, которыя я къ нимъ питаю.

Сынъ. Удивительный талантъ выпутываться! Тебя не поймаешь!

Другъ. А почему меня надо больше понимать, чѣмъ другихъ?..

Сынъ. Знаешь, что сказалъ отецъ о твоёмъ портретѣ?

Жена. Кнутъ!

Сынъ. Онъ сказалъ, что это голова дурного человѣка!

Другъ. Значитъ большое сходство съ оригиналомъ! Есть минуты, когда я дѣйствительно чувствую себя дурнымъ человѣкомъ!

Жена. Вы вездѣ хвастаетесь своими пороками!

Другъ. Чтобы ихъ лучше скрыть!

Жена. Нѣтъ, вы—хорошій... Вы лучше, чѣмъ стараетесь казаться... Не отпугивайте только отъ себя друзей!

Другъ. Вы меня боитесь?

Жена. Да, когда я не могу васъ понять!

Сынъ. Тебѣ бы нужно опять жениться! Въ этомъ весь вопросъ!

Другъ. На комъ?

Сынъ. Да, на примѣръ... на Адели!

Другъ. Прошу тебя, не будемъ говорить объ этомъ!

Сынъ. А, вотъ оно—чувствительное мѣсто! Значитъ, Адель была причиной?

Другъ. Скажите, друзья мои не надѣтъ ли мнѣ къ завтраку сюртукъ?

Жена. Не надо, прекрасно и такъ! Этотъ костюмъ къ вамъ очень идетъ и, повѣрьте, Адель будетъ въ восторгѣ!

Сынъ. Слышишь? Жена находитъ тебя очаровательнымъ?

Жена. Неужели такъ предосудительно сказать чело-вѣку, что онъ хорошо одѣтъ?

Сынъ. Положимъ, не вездѣ принято говорить такъ откровенно комплименты мужчинамъ!.. Но мы вѣдь здѣсь особенные люди!..

Другъ. А пстомъ вы пойдете со мной посмотрѣть комнату?

Жена. Какой вздоръ! Развѣ вы не останетесь у насъ?

Другъ. Да нѣтъ, я не собирался!

Сынъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Жена. Послушайте! Почему вы не хотите остаться у насъ?

Другъ. Право, не знаю... Я боюсь васъ беспокоить... и потомъ, въ концѣ-концовъ, люди всегда надоѣдаютъ другъ другу...

Жена. Мы уже надоѣли вамъ? Слушайте, если вы останетесь не у насъ, то черезъ два дня начнутся сплетни!

Другъ. Но по какому же поводу!

Жена. Ахъ, точно вы не знаете, какъ возникаютъ сплетни!.. Безъ всякаго повода!

Сынъ рѣшительно. Ты останешься здѣсь! Пусть сплетничаютъ сколько угодно... Если ты останешься у насъ, то не замедлятъ сдѣлать тебя любовникомъ жены. Если же ты будешь жить въ городѣ, сдѣлаютъ естественный выводъ, что мы поссорились и я вышвырнулъ тебя за дверь...

Думаю, что для тебя же почетнѣе прослыть любовникомъ? Не такъ ли?

Другъ. Ты выражаешься довольно пикантно! Но въ данномъ случаѣ слѣдуетъ подумать о томъ, что лучше для васъ.

Жена. У васъ есть какая-то скрытая причина, которую вы не хотите высказать?

Другъ. Сказать откровенно, я не смѣю съ вами жить... да, да, да! Такъ легко привыкаешь жить жизнью другихъ, радоваться счастью другихъ, такъ легко переплетасшь свои чувства съ чувствами окружающихъ, что потомъ приходится день, когда нѣтъ уже силъ разстаться!..

Сынъ. Кто же намъ велитъ разставаться? Ты останешься здѣсь! Предложи руку женѣ, и пойдете гулять...

Другъ съ легкимъ замѣшательствомъ предлагаетъ руку женѣ.

Жена, подавая руку. У васъ дрожить рука! Посмотри, Кнутъ, онъ дрожить!

Сынъ. Вотъ славная парочка! Да ты правда дрожишь? Оставайся дома, если ты мерзнешь!

Другъ. Если вы позволите, я лучше останусь... почи- таю газетъ...

Жена. Пожалуйста, не стѣсняйтесь! Я позову Адель, чтобы составить вамъ компанію! Намъ съ Кнутомъ надо кое-что купить. Зоветь. Адель! Адель! Иди сюда скорѣй!

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же. Адель.

Другъ. Вы согласны составить мнѣ компанію, фрѣжень?

Кузина. Составить вамъ компанію? Вы боитесь тем- ноты и одиночества?

Другъ. Ужасно боюсь!

Сынъ и жена улюлять.

Другъ, убѣдись, что они одни. Я не могу пропустить удобнаго случая и не поговорить съ вами откровенно, какъ съ родственницей этой семьи... Вы позволите?

Кузина. Прошу васъ.

Другъ. Вы знаете, какъ я люблю нашу милую парочку... Смѣтаетесь? Я знаю, что вы думаете! Сознаться, что фру Кристина производитъ на меня впечатлѣнiе, какъ интересная, молодая женщина, но, увѣряю васъ, я настолько владѣю собой, что ни минуты не боюсь увлечься...

Кузина. Меня нисколько не удивляетъ, что вы увлечены Кристиной. Я знаю, у нея настоящій даръ плѣнять... но мнѣ кажется страннымъ, что васъ также привлечаетъ общество Кнута! Этого я понять не могу! Вѣдь Кнутъ ничтожество, онъ ниже васъ во всѣхъ отношенiяхъ—и по таланту и по уму!

Другъ. Вы хотите сказать, что онъ еще совсѣмъ ребенокъ, но этимъ-то онъ мнѣ и нравится! Проведя всю зиму въ обществѣ резонеровъ, я нахожу успокоенiе въ его несправедливости.

Кузина. Да, возня съ дѣтьми—это успокоенье, которое, однако, скоро утомляетъ. Вы же никогда съ нимъ не скучаете! Какъ объяснить это?

Другъ. Признаюсь, никогда не задумывался надъ этимъ вопросомъ... Вы же, повидимому, философствовали на эту тему! И что же вы рѣшили?

Кузина. Что вы, сами того не сознавая, влюблены въ Крестину!

Другъ. Ну, а я думаю иначе, такъ какъ люблю ихъ

гораздо больше вмѣстѣ, чѣмъ врознь... я почувствовалъ бы къ нимъ обоимъ равнодушiе, если бы они разошлись... Но предположимъ, что вы правы и я влюбленъ въ фру Кристиину—кому это вредить, пока мои чувства скрыты?

Кузина. Наши чувства имѣютъ свойство разгораться, какъ огонь!

Другъ. Положимъ... но опасности все-таки нѣтъ. Кто испыталъ, какъ я, всю горечь разлуки, тому, вѣрьте, нѣтъ никакой охоты испытать ее вторично или быть ея виновникомъ... Къ тому же фру Кристина обожаетъ своего мужа!

Кузина. Вы думаете? Никогда она его не любила. У нея это просто извѣстная спокойная привычка, но Кнутъ со своей страстной натурой пресытится когда-нибудь этимъ приторнымъ блюдомъ... вѣчной земляничкой со сливками!

Другъ. Я увѣренъ, что вы уже были невѣстой, френкель Адель?

Кузина. Почему?

Другъ. Потому что вы все это слишкомъ хорошо знаете... и вотъ почему мнѣ хотѣлось бы заглянуть еще глубже... я чувствую, что за послѣднiй годъ въ этомъ домѣ произошло столько перемѣнъ...

Кузина. Какихъ?

Другъ. Все настроенiе иное! Здѣсь стали иначе думать, говорить... я ощущаю что-то непонятное, и это меня смущаетъ!

Кузина. И вы это замѣтили? Да, странная семья: отецъ праздный рантье, въ теченiе десяти лѣтъ рѣжетъ свои купоны, сынъ—бездѣльникъ, рожденный для того, чтобы

рѣзать купоны. Пьютъ, ѣдятъ цѣлый день и самымъ приятнымъ образомъ ждуть минуты, когда ихъ успокоитъ смерть... Цѣли въ жизни — никакой, ни тѣни самолюбія, полное отсутствіе страстей, но зато изобиліе изреченій Соломоновыхъ... и замѣтите, — часа не пройдетъ, чтобы не сказали про кого-нибудь: «мерзавецъ», «скверный человѣкъ» — это ихъ хлѣбъ насущный!

Другъ. Удивительно много прелести въ томъ, что вы говорите! Ваши замѣчанія такъ остры и пронизательны...

Кузина. Какъ и моя ненависть!

Другъ. Кто умѣетъ ненавидѣть съ такой силой, тому знакома также сильная любовь?

Кузина. Гм...

Другъ. Фрэнкенъ Адель, позлословивъ относительно нашихъ друзей, мы должны подружиться съ вами во что бы то ни стало!

Кузина. Во что бы то ни стало?

Другъ. Дайте мнѣ вашу руку и общайте не питать ко мнѣ ненависти!

Кузина, беря руки, которыя онъ ей протягиваетъ. Какія у васъ холодныя руки!

Другъ. Тѣмъ горячѣе кажутся ваши.

Кузина. Шт!.. Кристина!

Другъ. Мы продолжимъ разговоръ въ другой разъ...

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Другъ. Кузина. Жена. Молчаніе.

Жена. Что за молчаніе? Я мѣшаю?

Кузина. Нисколько... Скорѣй это я...

Жена, подавая другу письмо. Вотъ вамъ письмо... и, какъ я вижу—отъ женщины! Другъ смотритъ на письмо и блѣднѣетъ.

Жена. Какъ вы блѣдны! Вы все еще мерзнете? Вотъ вамъ мой платокъ! Набрасывасть ему на плечи платокъ.

Другъ. Благодарю, теперь тепло!..

Кузина. Вотъ вамъ подушка подъ ноги!

Жена. Распорядись лучше, чтобы наверху затопили каминъ, а то въ комнатѣ чувствуется сырость послѣ нѣсколькихъ дней дождя...

Кузина. Да, правда.

Другъ. Зачѣмъ столько хлопотъ изъ-за меня! Нѣтъ... пожалуйста...

Кузина. Что вы? Какія же хлопоты... Уходить.

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Другъ. Жена. Молчаніе.

Другъ. Какое молчаніе вдругъ!

Жена. Такое же, какъ и тогда... Что за секретъ у васъ съ ней?

Другъ. Я долженъ былъ облегчить свое сердце...

Жена. Облегчите его со мной... Вы несчастны?

Другъ. Особенно, когда я не могу работать

Жена. Вы не можете работать... Почему?

Другъ. Почему?

Жена. Вы все еще привязаны къ своей женѣ?

Другъ. Нѣтъ, не къ ней, но къ тѣмъ воспоминаніямъ которыя съ ней связаны!

Жена. Воскресите эти воспоминанія.

Другъ. О, нѣтъ! Никогда!

Жена. Скажите... Вы къ ней сбѣжали въ прошломъ году?

Другъ. Нѣтъ, не къ ней... къ другимъ... если вамъ такъ интересно знать.

Жена. Фу!

Другъ. Когда васъ жалятъ слѣпни, то можно съ удовольствіемъ поваляться въ грязи!

Жена. О!

Другъ. Къ тому же я не вижу разницы между законной и незаконной грязью!

Жена. Что вы хотите сказать?

Другъ. Вы замужняя женщина, и вамъ не 16 лѣтъ, такъ слушайте же: въ супружествѣ мы поконимся на священной землѣ, внѣ брака—на землѣ грѣшной. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ это только земля!

Жена. Вы же не можете сравнивать!

Другъ. Именно... я сравниваю!

Жена. На комъ вы были женаты?

Другъ. На приличной молодой дѣвушкѣ изъ хорошей семьи...

Жена. И вы любили ее?

Другъ. Къ несчастью, слишкомъ!

Жена. А потомъ?

Другъ. Мы возненавидѣли другъ друга.

Жена. Но почему же? Почему?

Другъ. Это одна изъ неразрѣшимыхъ загадокъ жизни!

Жена. Но вѣдь должна же быть какая-нибудь причина?

Другъ. И я такъ думалъ, но вскорѣ выяснилось, что причины были просто слѣдствіемъ нашей ненависти. Вѣдь не разладъ заставилъ насъ порвать... Когда умерла наша любовь, начался разладъ... Вотъ почему я считаю счастливыми браками тѣ, которые открыто признають у себя отсутствіе любви.

Жена. Правда, у насъ съ Кнутомъ никогда не было серьезныхъ ссоръ.

Другъ. Вы были сейчасъ слишкомъ откровенны, фру Кристина!

Жена. А что я сказала?

Другъ. Да просто, что вы никогда не любили вашего мужа!

Жена. Не любила? А что такое «любовь»?

Другъ, вставая. Прекрасный вопросъ въ устахъ замужней женщины! Любовь!.. Она принадлежитъ къ числу вещей, которыя можно чувствовать, но не опредѣлять словами...

Жена. Ваша жена была красива?

Другъ. Съ моей точки зрѣнія — да. Она похожа на васъ.

Жена. Значитъ, вы меня находите красивой?

Другъ. Да.

Жена. Мой мужъ замѣтилъ это только въ тотъ день, когда вы ему высказали свое мнѣніе... Но самое забавное въ томъ, что онъ дѣйствительно влюбленъ въ меня только пока вы здѣсь, точно ваше присутствіе его воспламеняетъ!

Другъ. Ну, ну... такъ вотъ почему онъ такъ любитъ видѣть меня у себя... А вы?

Жена. Я?

Другъ. Можетъ быть, мы благоразумно остановимся здѣсь изъ боязни пойти слишкомъ далеко...

Жена, сердясь. Что вы хотите сказать? За кого вы меня принимаете?

Другъ. О, ничего дурного, фру Кристина. Простите если я васъ обидѣлъ...

Жена. Да, обидѣли... и глубоко! Вѣдь я хорошо понимаю, какъ вы смотрите на женщины!

Другъ. Не на васъ... Вы для меня...

Жена. Что?

Другъ. Жена друга... а потому...

Жена. А если бы я ею не была?

Другъ. Поставимъ здѣсь точку. Мнѣ кажется, фру Кристина, вы не привыкли, чтобы за вами ухаживали мужчины.

Жена. Это вѣрно... я не привыкла. Вотъ почему я стараюсь понравиться хоть немножко.

Другъ. Только немножко? У васъ всѣ задатки сдѣлаться счастливой женщиной съ тѣми несложными требованіями, которыя вы предъявляете къ жизни.

Жена. Почему вы знаете мои требованія?

Другъ. Есть ли у васъ честолюбіе, стремленіе, желаніе стать чѣмъ-нибудь?

Жена. Это вѣрно... ничего подобнаго, но эта монотонная, скучная жизнь, жизнь безъ волненій, полная лѣни, невыносима. Знаете ли, подчасъ я бѣшусь до того, что начинаю желать себѣ горя, тяжелаго несчастья! Безразлично какого... эпидемія... пожаръ... Тихе. Я желаю смерти своего ребенка... своей собственной смерти...

Другъ. Знаете ли вы, что это такое? — Бездѣлье... слишкомъ царить у васъ, праздность... если это только не чтонибудь иное!

Жена. Что же?

Другъ. Распущенность!

Жена. Какъ вы сказали?

Другъ. Мнѣ бы не хотѣлось повторять, тѣмъ болѣе, что вы прекрасно поняли. Надѣюсь, вы не обидѣлись: у меня не было злого умысла!

Жена. Право, вы созданы какъ-то иначе... Вы можете свободно давать вашимъ друзьямъ пощечины, и они этого даже не замѣтятъ!

Другъ. Есть женщины, которыя желаютъ, чтобы ихъ били.

Жена. Теперь я васъ боюсь!

Другъ. Ну что жъ! Бойтесь!

Жена. Кто вы? Что вы? Что вы хотите?

Другъ. Не интересуйтесь мною слишкомъ, фру Кристина.

Жена. Еще дерзость?

Другъ. Нѣтъ, просто дружескій совѣтъ. Замѣчаете ли вы, что мы ссоримся каждый разъ, какъ вашего мужа нѣтъ. Это хорошій знакъ!

Жена. Хорошій знакъ!

Другъ. Да, знакъ прочной дружбы. Въ подобномъ случаѣ всегда ощущаешь потребность громоотвода!

Жена. Иногда мнѣ кажется, что я могла бы васъ возненавидѣть!

Другъ. Прекрасный знакъ! А вамъ не кажется, что вы могли бы полюбить меня?

Жена. Да... иногда.

Другъ. Когда же, скажите мнѣ?

Жена. У меня адское желаніе быть такой же откровенной, какъ вы! Такъ вотъ... когда вы говорите съ Аделью!..

Другъ. Это удивительно напоминаетъ порывъ вашего мужа, который пылаетъ къ вамъ только при мнѣ. Итакъ, значить, фрѣкенъ Адель и я исполняемъ роль кузнечныхъ мѣховъ?

Жена. Все, что вы говорите, такъ забавно, что я даже не успѣваю сердиться.

Другъ. Никогда не сердитесь!.. Вамъ это не идетъ!.. А не перемѣнить ли намъ разговоръ... Гдѣ же вашъ мужъ? Встаетъ, подходитъ къ окну. Жена также смотритъ въ окно. Молчаніе.

Другъ. Повѣрьте, что я вовсе не хотѣлъ показать вамъ то, что дѣлается въ саду!

Жена. До сихъ поръ я не знала, что Кнутъ цѣлуетъ съ Аделью...

Другъ. Удивительно! Но фрѣкенъ Адель не удается воспламенить васъ по отношенію къ мужу... Да, здѣсь вообще много удивительнаго! Въ этомъ домѣ чувствуется что-то гнилое...

Жена. Ну, полно, вѣдь это только игра!..

Другъ. Люди часто играютъ огнемъ и порохомъ, не сознавая опасности!

ДЕСЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Тѣ же. Отецъ, въ шляпѣ.

Отецъ. Кнута здѣсь нѣтъ?

Жена. Онъ вышелъ. Ты хотѣлъ его видѣть?

Отецъ. Очевидно, если спрашиваю о немъ! Ты не видала Адель?

Жена. Она ушла.

Отецъ, замѣтивъ друга. Ахъ, извините! я васъ не замѣтилъ... Какъ поживаете?

Другъ. Благодарю, ничего. А вы?

Жена. Могу я тебѣ услужить въ чемъ-нибудь?

Отецъ. Да, но я не хочу вамъ мѣшать!.. Это не къ спѣху... я вернусь еще!

Жена. Какъ можешь ты намъ мѣшать?

Отецъ. Видишь ли, меня до того кусаютъ внизу комары, что я хотѣлъ перебраться въ верхнюю комнату...

Жена. Какъ досадно! Мы ее ужъ отдали гостю...

Отецъ. Ахъ, да! Вѣдь онъ ночуетъ здѣсь! Я забылъ... иначе, конечно, не сталъ бы беспокоить тебя...

Другъ. То-есть, я не принялъ бы гостепріимства Кнута, если бы могъ думать, что вы...

Отецъ. Помилуйте... я не могу никого стѣснять... «никогда не нужно совать пальцы между корою и деревомъ»... Молчаніе. Кнутъ взялся за свою картину?

Жена. Онъ не расположенъ!

Отецъ! Это вѣчная исторія, когда дѣло касается работы... тѣмъ болѣе теперь!..

Жена. Тебѣ ничего больше не надо?

Отецъ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Вѣдь все равно!.. Послушай... насчетъ комнаты ни слова Кнуту!..

Жена. Ни слова—будь покоенъ.

Отецъ. Ты понимаешь! Досадно потревожить изъ-за пустяка... Конечно, если бы комната была свободна... другое дѣло... я могъ бы въ ней поселиться... но такъ какъ она

занята... Вообще не будемъ говорить объ этомъ... До свиданія! Уходитъ.

ОДИННАДЦАТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Другъ. Жена.

Другъ. Извините, фру, я васъ оставлю на минуту!

Жена. Куда вы бѣжите?

Другъ. Я предпочитаю вамъ этого не говорить.

Жена. Вы хотите снять комнату?

Другъ. А вы думаете, что я способенъ оставаться въ домѣ, когда меня гонять?

Жена. Оставайтесь... Никто васъ не гонить... и чтобы помѣшать вамъ... Береть его шляпу.

ДВѢНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же. Сынъ.

Сынъ. Что это? Драка или объясненіе въ любви?

Жена. Это только легкій флиртъ! Подумай, Кнутъ, эта горячка Аксель хочетъ опять бѣжать изъ дому только потому, что папа пожелалъ поселиться наверху...

Сынъ. Ахъ, да? Отличный способъ наблюдать за нами... Другу. И ты хочешь сбѣжать?.. Ну, живо—на колѣни передъ женой... проси же прощенья. Другъ становится на колѣни. Цѣлуй же ножку мадамъ! Кстати у нея прелестныя ножки... Можешь повѣрить!..

Другъ цѣлуетъ ногу и встаетъ. Ну, я теперь испросилъ прощенья... прощайте! Я бѣгу снять комнату и моментально вернусь... Быстро уходитъ.

Жена раздраженно. Аксель:

ТРИНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Сынъ. Жена.

Жена. Это невыносимо, что старикъ мѣшается во все!.. Только портитъ намъ настроеніе... Скоро, кажется, у насъ не будетъ свободной минуты ни днемъ, ни ночью!

Сынъ. Что же дѣлать? Надо покориться! Но ты тоже могла бы постараться хоть немножко скрывать свои чувства.

Жена. Какія чувства? Что ты говоришь? Ужъ не ревнуешь ли ты?

Сынъ. Ну, теперь я ничего не понимаю! Я говорю о твоей неприязни къ отцу...

Жена, мѣняя разговоръ. Лучше совсѣмъ не говорить о чувствахъ! Вынимаетъ свертокъ изъ кармана. Надѣнь этотъ галстукъ... Повязываетъ ему галстукъ.

Сынъ. Опять галстукъ! Да еще синій! Какъ вамъ это нравится!

Жена. Не ходитъ же тебѣ вѣчно растрепой! Подвей-ка усы... вотъ такъ!

Сынъ. Гм!.. Довольно опредѣленно!..

Жена. Что?

Сынъ. Теперь мнѣ только недостаетъ сѣраго костюма и туфель для лаунъ-тенниса?

Жена. Ну, что жъ! Было бы отлично, а то ты распустился и толстѣешь.

Сынъ. Можетъ быть, прикажешь мнѣ лѣчиться отъ толщины и приобрести разочарованный видъ? Или просто развестись?

Жена. Кнутъ... ты ревнуешь?

Сынъ. Всему есть предѣлы... Но странно! Я ревную безъ злобы, безъ ненависти... Я такъ люблю этого чело-вѣка, что ни въ чемъ не сумѣю ему отказать... Рѣши-тельно ни въ чемъ!

Жена. Ну, это сильно сказано!

Сынъ. Увѣряю тебя... можетъ быть, ты найдешь чу-довищнымъ то, что я скажу, можетъ быть, это безумно, пре-ступно... Но если онъ попроситъ уступить тебя—пусть беретъ!

Жена. Да, это чудовишно! Я многое отъ тебя вы-слушивала, многое переносила, но это... это...

Сынъ. Я говорю то, что чувствую! Знаешь... часто во снѣ, а и иногда и наяву, меня преслѣдуютъ видѣнія... я вижу васъ вмѣстѣ... И это зрѣлище не только не терзаетъ меня, но напротивъ... даетъ мнѣ наслажденіе! Мнѣ ка-жется, будто я вижу что-то прекрасное...

Жена. Это ужасно!

Сынъ. Случай дѣйствительно невѣроятный! Но согла-сись, все это чертовски интересно!

Жена. Знаешь, я часто думаю, что ты былъ бы радъ отдѣлаться отъ меня!

Сынъ. Ты этого не думаешь!

Жена. Увѣряю тебя... иногда! Мнѣ кажется, что ты зовешь Акселя, желая толкнуть меня въ его объятія, чтобы имѣть поводъ къ разводу!

Сынъ. Неправдоподобно!.. Скажи правду, Кристина, вы, никогда не цѣловались?

Жена. Клянусь тебѣ, никогда!

Сынъ. Такъ обѣщай мнѣ признаться во всемъ, когда этотъ день настанетъ!

Жена. Нѣтъ, Кнутъ, я положительно начинаю бояться за твой разсудокъ!

Сынъ. Вотъ потому-то я и прошу тебя! Видишь, обманутымъ я быть не хочу... Уступлю не охотно... Но предпочту все-таки уступить!

Жена. Надѣюсь, ты кончилъ, а потому я начинаю: скажи, пожалуйста, что у тебя за отношенія съ Аделью?

Сынъ. Отношенія, которыя ты знаешь и признаешь...

Жена. Я никогда не признавала адюльтера!

Сынъ. Кажется, вѣтеръ перемѣнился! То, что вчера представлялось невиннымъ, сегодня кажется адюльтеромъ!

Жена. Какъ и мои отношенія къ Акселю! Ты считаешь ихъ тоже невинными?

Сынъ. Да, до сихъ поръ... но завтра, кто знаетъ?

Жена. Подожди, чтобы это завтра настало.

Сынъ. Я не хочу ждать... Можетъ быть, будетъ поздно!..

Жена. Чего ты хочешь?

Сынъ. Не знаю... Только бы конецъ всему!.. Если только существуетъ конецъ... Запутавшись въ своихъ сѣтяхъ, мы стали плѣнниками!.. О, какъ я его ненавижу... когда его нѣтъ! Но стоитъ мнѣ увидать взглядъ его большихъ глазъ, и я снова люблю его... Люблю его, какъ брата, какъ сестру, какъ жену... Я понимаю теперь, что ты могла подпасть подъ его вліяніе... Но я не понимаю себя! Благодаря этой жизни среди однѣхъ женщинъ... я сталъ женоподобнымъ... Мнѣ кажется, что твоя любовь, все разрастаясь и разрастаясь, заразила и меня... Ты должна его безумно любить... Можетъ-быть, даже безсознательно!..

Жена. Это ложь! Ты все это придумалъ, чтобы оправдать себя...

Сынъ. Какъ и ты?

Жена. Нѣтъ, это ты.

Сынъ. Нѣтъ, какъ ты! Какъ ты! О, я съ ума сойду!

Жена. Не удивительно!

Сынъ. И ты не жалѣешь меня?

Жена. Могу ли я жалѣть, когда ты мучаешь меня?

Сынъ. Ты никогда меня не любила!

Жена. Нѣтъ, это ты меня не любилъ!

Сынъ. Мы можемъ такъ ссориться до самой смерти!

Жена. Не лучше ли прекратить это сейчасъ же! Прими душъ — это тебя успокоитъ!

Сынъ. Понимаю! Ты хочешь остаться одна!

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Тѣ же. Другъ.

Другъ весело. Ну и везетъ же мнѣ! Представьте, уходя отсюда, я встрѣчаю фрекенъ Адель, и она мнѣ предлагаетъ комнату!

Жена. Ахъ, она сдаетъ комнаты?

Другъ. Нѣтъ, она слышала объ одной комнатѣ.

Жена. Эта дѣвица все знаетъ...

Другъ, протягивая Кнуту портсигаръ. Папироску!

Сынъ сердито. Нѣтъ, благодарю.

Другъ. Чортъ возьми! Что за галстукъ! Прелестъ!

Сынъ. Ты находишь?

Другъ. Вы что-нибудь дурное говорили обо мнѣ? Признайтесь? Я вижу по лицамъ!

Сынъ. Извиняюсь! Мнѣ надо брать ванну! Быстроуходить.

ПЯТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Тѣ же, кромѣ сына.

Другъ. Что это?

Жена. Ревности!

Другъ. Такъ... Но вѣдь у него нѣтъ повода!

Жена. Кнутъ утверждаетъ, что есть. Гдѣ комната, которую вамъ нашла Адель?

Другъ разсѣянно. Адель? Да... какъ разъ напротивъ, у лощмана.

Жена. Ловко придумано!.. Изъ вашего окна вы можете смотрѣть прямо къ ней въ комнату... Что за интриганка!

Другъ. Не думаю, чтобы Адель имѣла это въ виду.

Жена. Адель!.. Адель!.. Вы стали ужъ такъ близки?

Другъ. Прошу васъ, фру Кристина, не вызывайте призраковъ, способныхъ разбудить во мнѣ чувства, невидимыя при свѣтѣ дня!.. Не дѣлайте этого, иначе...

Жена. Ну такъ уходите... Нѣтъ, теперь вы не смѣете уйти! У васъ нѣтъ на это права...

Другъ, закуривая. Но, можетъ быть, есть долгъ?..

Жена. Если вы другъ, не покидайте меня беззащитной въ этомъ домѣ, гдѣ честь моя въ опасности, гдѣ мой преступный мужъ, подъ защитой родителей, можетъ позволить себѣ какую угодно низость! Можете себѣ представить, что онъ такъ далеко зашелъ въ своей пошлости, что хотѣлъ, въ случаѣ надобности, уступить меня вамъ!

Другъ. Любезная форма ревности! А что же вы отвѣтили?

Жена истерично. Вы играете мной, какъ кошка своей добычей... Вы видите, что я запуталась въ вашихъ сѣтяхъ... что я страдаю, борюсь, хочу вырваться... и не могу! Сжальтесь надо мной! Подкрѣпите меня дружескимъ участіемъ! не оставайтесь неподвижнымъ и холоднымъ, какъ статуя божества, которая ждетъ обоженья и требуетъ жертвъ! Падаетъ на колѣни. Вы сильны, вы можете повелѣвать своими страстями! У васъ есть и гордость и честь; но все это только потому, что вы никогда не любили; слышите ли, никогда не любили такъ, какъ я люблю васъ!

Другъ. Я не любилъ? Встаньте, фру Кристина! Подните и сядьте опять въ то кресло... тамъ, совсѣмъ въ глубинѣ... Такъ вотъ! Теперь я буду говорить. Онъ остается на прежнемъ мѣстѣ съ папирской въ рукахъ. Я полюбилъ васъ — что называется — съ перваго взгляда! Помните ли вы тотъ закатъ въ прошломъ году, когда мы познакомились? Вашъ мужъ стоялъ внизу, въ долині, и что-то писалъ, когда я проходилъ мимо... Я былъ вамъ представленъ, и мы долго говорили, пока вы не устали и не опустились на траву, пригласивъ и меня сѣсть рядомъ... Была сильная роса, и я боялся сырости... тогда вы разстегнули ваше манто и предложили мнѣ сѣсть на край его... Мнѣ казалось, что это ваши руки протянулись ко мнѣ, чтобы обнять меня и успокоить на вашихъ колѣняхъ! Я былъ очень несчастенъ, усталый и покннутый... Ваше манто казалось такимъ мягкимъ и теплымъ, что я, правда, хотѣлъ бы въ него завернуться и спрятаться на вашей молодой дѣвической груди... но я сконфузился, замѣтивъ въ вашихъ глазахъ легкую улыбку надъ смущеніемъ такого взрослога мужчины, какъ я! Мы часто встрѣчались съ тѣхъ поръ.

Вашъ мужъ былъ очень доволенъ моимъ восхищеніемъ передъ вами... Казалось, будто я открылъ ему жену... Я попался къ вамъ въ плѣнъ, и вы стали мной играть. Вашъ мужъ не стѣснялся открыто смѣяться надо мной даже въ большомъ обществѣ! Какъ оскорбляли меня иногда его самоувѣренность и эгоизмъ!.. Бывали минуты, когда я чувствовалъ искушеніе столкнуть его и занять его мѣсто! Помните то утро, когда я пригласилъ васъ обоихъ на день своего рожденія? Вы хотѣли притти позднѣе... и, наконецъ, послѣ того, какъ мы прождали цѣлый часъ, вы вошли въ залу... Помню въ юбокѣ цвѣта *rensée* и въ свѣтлой блузкѣ съ цвѣтами... На васъ была шляпа желтой соломы золоти-стаго цвѣта. Отблескъ ея пронизывалъ васъ свѣтомъ и казался лучомъ солнца... Когда вы съ робкимъ задоромъ четырнадцатилѣтней дѣвочки протянули мнѣ букетъ розъ, вы показались мнѣ такъ нечеловѣчески прекрасны, что у меня не хватило силъ привѣтствовать васъ и поблагодарить за цвѣты! Я убѣждалъ къ себѣ въ комнату и плакалъ тамъ, какъ ребенокъ!

Жена. Вы, по крайней мѣрѣ, прекрасно умѣете скрывать свои чувства.

Другъ. А помните?.. Позже... Тотъ вечеръ послѣ ужина? Долгіе часы, полные нѣжнаго обмѣна мыслей, въ которыхъ сливались наши души... Тогда Кнутъ, съ вашего согласія, торжественно пригласилъ меня къ себѣ на всю зиму. Помните ли вы мой отвѣтъ?

Жена. Вы отвѣтили: «я не смѣю!»

Другъ. На другой день я уѣхалъ.

Жена. А я весь день плакала! И Кнутъ тоже плакалъ.

Другъ. Подумайте, сколько слезъ придется намъ пролить теперь!

Жена. Теперь?

Другъ. Сидите спокойно! Теперь, когда все сказано, намъ остается только разстаться!

Жена. Нѣтъ, нѣтъ! Только не разставаться! Почему все не можетъ остаться по-старому? Вы владѣете собой, я вовсе не волнуюсь... Кнуту нѣтъ дѣла до нашихъ чувствъ, разъ мы умѣемъ владѣть собой... Смотрите, мы такъ мирно здѣсь сидимъ и разсуждаемъ о прошломъ, какъ старые супруги, которые говорятъ о своей молодой любви!

Другъ. Ахъ, вы—дитя! Не понимаю, какъ вы, замужняя женщина, можете еще думать о дружбѣ послѣ объясненія въ любви! Я спокоенъ! Да... приблизительно такъ же, какъ бочка пороху, у которой уже зажженъ фитиль... Я холоденъ, какъ паровая машина на своей поверхности. Да, я долго боролся, страдалъ, но теперь я не отвѣчаю за себя!

Жена. Зато я отвѣчаю за себя!

Другъ. Вы! Еще бы! Вы всегда можете затушить разгорающійся пожаръ, а я живу одинъ.. О, какія адскія мысли! И вы думаете, что послѣ всего этого я останусь здѣсь, соглашусь, какъ нищій, питаться крохами со стола богача... вдыхать упоительный запахъ цвѣтовъ, но тотчасъ же съ упрекомъ бѣжать прочь.

Жена. Зачѣмъ упрекать себя, когда онъ не стѣсняется имѣть въ домѣ любовницу, которую цѣлуетъ!

Другъ. Не будемъ сваливать свою вину на другихъ! Не будемъ такъ дѣлать! Мы идемъ по крутизнѣ и рискуемъ свалиться въ бездну... Будемъ хоть разъ оригинальны и

покажемъ свѣту примѣръ честныхъ людей! Какъ только Кнутъ войдетъ сюда, мы сейчасъ же скажемъ ему вотъ что: «Мы любимъ другъ друга. Подай намъ добрый совѣтъ, какъ себя вести!»

Жена. Это прекрасно!.. Благородно!.. Да, мы поступимъ именно такъ! Будь, что будетъ!.. И мы можемъ это сдѣлать, смотря ему прямо въ глаза, такъ какъ не совершили еще преступленія!

Другъ. А потомъ? Онъ, конечно, попросить меня удалиться...

Жена. А можетъ быть остаться!

Другъ. На какихъ условіяхъ? Вѣдь все остается по-прежнему... Нѣтъ, нѣтъ, я не могу! Можете ли вы думать, что послѣ этой минуты я могу видѣть ваши нѣжности, слышать, какъ по вечерамъ захлопывается дверь вашей комнаты?.. Нѣтъ! Я не вижу выхода! Но онъ долженъ все знать, иначе я не смогу смотрѣть ему въ глаза, не смогу пожать его руку! Мы должны ему все сказать, а дальше посмотримъ.

Жена. О, какъ хотѣла бы я, чтобы эта минута была уже пережита! Скажите вы ему, что любите меня,—у меня не хватить духу вонзить ножъ! Скажите вы, что любите меня!

Другъ, оставаясь такъ же, какъ и она, на прежнемъ мѣстѣ. Да, я люблю тебя всѣмъ существомъ, всей душой моей! Люблю твои маленькія ножки, которыя видны изъ-подъ платья; люблю твои маленькіе бѣлые зубы, твой ротъ, созданный для поцѣлуевъ; твои уши и твои глаза, полные нѣги и любви... Люблю весь твой воздушный, легкій обликъ, который я могъ бы поднять къ себѣ на плечи, чтобы умчать

его потихоньку въ лѣсъ... Когда я былъ молодъ, какъ-то разъ поднялъ я на руки уличную дѣвцу и взбѣжалъ съ ней на четвертый этажъ... Я былъ тогда молодъ, подумайте, теперь я зрѣлый человѣкъ!

Жена. Люби также и мою душу.

Другъ. Я люблю также и душу твою, потому что она слабѣй моей, но такая же пламенная, такая же вѣроломная, какъ и моя...

Жена. Позволь мнѣ подойти къ тебѣ...

Другъ. Нѣтъ, не смѣй!

Жена. Вотъ Кнутъ, я слышу его шаги... У меня не хватитъ мужества, если я тебя не поцѣлую въ лобъ...

Другъ. Онъ идетъ?

Жена. Молчи!

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Тѣ же. Отецъ входитъ въ шляпѣ, идетъ прямо къ другу, который вздрагиваетъ и поднимается.

Отецъ беретъ газету со стола, стоящаго возлѣ друга. Простите, что я мѣшаю! Я хотѣлъ только взять газету. Женѣ. Ты не видѣла Адель?

Жена. Ты спрашиваешь ее сегодня въ пятый разъ!

Отецъ. Ты считала? Развѣ ты не будешь брать ванну передъ завтракомъ?

Жена. Сегодня нѣтъ.

Отецъ. Напрасно ты пропускаешь ванны, твое здоровье такъ нѣжно. Молчаніе. Отецъ уходитъ.

СЕМНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Другъ. Жена.

Другъ. Нѣтъ, я больше не могу здѣсь оставаться! Я не выдержу!

Жена подходит и смотритъ на него страстными глазами. Бѣжимъ вмѣстѣ! Хочешь?

Другъ. Нѣтъ, но я убѣгу...

Жена. Такъ и я убѣгу съ тобой, и мы умремъ вмѣстѣ...

Другъ сжимаетъ ее въ объятія и цѣлуетъ. Теперь мы пропали! Зачѣмъ я это сдѣлалъ? Прощай, честь! Простите вѣра, дружба!.. Прощай, душевный миръ!.. Адскій огонь сжегъ все, что цвѣло и зеленѣло! Они расходятся и садятся на прежнія мѣста.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Тѣ же. Сынъ быстро входитъ.

Сынъ. Почему вы сидите такъ далеко другъ отъ друга?

Жена. Потому что..

Сынъ. Почему вы такъ возбуждены?

Жена. Потому что... длинная пауза. Мы любимъ другъ друга!..

Сынъ нѣкоторое время смотритъ на обоихъ, потомъ другу. Это правда?

Другъ. Это правда.

Сынъ садится на стулъ, подавленный. Зачѣмъ говорите вы это мнѣ сами?

Жена. Зачѣмъ, что мы честные люди!

Сынъ. Правда, это оригинально, но это цинично!

Жена. Ты самъ просилъ меня, когда настанетъ минута...

Сынъ. Правда! И минута настала! Мнѣ кажется, что я давно все знаю, и въ то же время это такъ ново для меня, что я все еще не могу понять... Кто виноватъ? Никто и всѣ! Что теперь будетъ съ нами?!

Другъ. Можешь ли ты въ чемъ-нибудь упрекнуть меня?

Сынъ. Рѣшительно ни въ чемъ! Ты скрылся, какъ только замѣтилъ опасность. Ты отклонилъ предложеніе жить съ нами! Ты такъ хорошо скрывалъ свои чувства, что Кристина думала, будто ты ее ненавидишь... Но зачѣмъ ты вернулся?

Другъ. Я думалъ, что мои чувства умерли.

Сынъ. Это возможно. Я тебѣ вѣрю. Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ актомъ, котораго не призывали, но которому не сумѣли помѣшать! Напускной искренностью мы хотѣли избѣжать опасности, шутили съ ней, а она все приближалась и приближалась, и, наконецъ, гроза разразилась надъ нами... Что дѣлать? Постараемся говорить спокойно, оставаясь друзьями до конца! Что дѣлать? Молчаніе. Отвѣта нѣтъ? Однако, мы не можемъ спокойно сидѣть и смотрѣть, какъ надъ нами горитъ крыша... Встаетъ. Надо думать о послѣдствіяхъ!

Другъ. Самое лучшее было бы мнѣ уѣхать!

Сынъ. И я такъ думаю!

Жена дико. Нѣтъ, ты не смѣешь уѣзжать... я или уѣду вмѣстѣ съ тобой!..

Сынъ. Это называется спокойнымъ разговоромъ?

Жена. Любовь не знаетъ спокойствія! Подходить къ другу.

Сынъ. Избавьте меня, по крайней мѣрѣ, отъ лицемерія вашей страсти! Пощадите немного мои чувства! Вѣдь я наименѣе виновная и, во всякомъ случаѣ, страдательная сторона!

Жена бросается другу на шею. Слышишь? Ты не смѣешь уѣзжать!

Сынъ хватается ее за руку и отталкиваетъ отъ друга. Ведите же себя, какъ приличные люди; подождите, пока я уйду! Другу. Слушай, другъ мой! Надо предпринять что-нибудь рѣшительное, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ позвонять къ завтраку! Я вижу, что ваша любовь непреодолима, и мое одинокое чувство не въ силахъ ее побороть! Продолжать совмѣстную жизнь съ женщиной, которая любитъ другого, я не могу! Мнѣ всегда это будетъ казаться какой-то полиандріей... А потому я удалюсь, но не прежде, чѣмъ получу гарантію, что ты на ней женишься!

Другъ. Вѣришь ли, твое великодушіе унижаетъ меня больше, чѣмъ унизило бы сознание сдѣланнаго преступленія, если бы я укралъ у тебя жену!

Сынъ. Охотно вѣрю... Но мнѣ пріятнѣе уступить, чѣмъ думать, что меня обкрадываютъ. У васъ остается пять минутъ на рѣшеніе этого вопроса. Итакъ, до свиданья! Черезъ нѣсколько минутъ!.. Уходить.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Другъ. Жена.

Жена. Ну, что жъ?

Другъ. Вы не замѣчаете, что я смѣшонъ?

Жена. Я не считаю правдивость смѣшной!

Другъ. Не всегда... Но въ данномъ случаѣ вашъ мужъ мнѣ кажется наименѣ смѣшнымъ изъ всѣхъ насъ! Придетъ день, когда вы станете меня презирать!

Жена. И это все, что ты мнѣ нашель сказать въ такую минуту? Теперь, когда между нами нѣтъ никого и ты можешь съ чистой совѣстью обнять меня, ты начинаешь медлить!

Другъ. Да, я медлю, такъ какъ эта правдивость похожа на наглость, а ваша честность кажется мнѣ простымъ безсердечіемъ!..

Жена. Такъ! Такъ!

Другъ. Я сильно боюсь, что запахъ тлѣнія, который мнѣ слышится въ вашемъ домѣ, исходитъ отъ васъ!

Жена. Вѣрнѣе отъ васъ! Вы соблазнили меня вашими скромными взглядами, вашей рассчитанной холодностью, вашими грубостями, которыя раздражали меня, какъ удары кнута! И вотъ соблазнитель играетъ теперь роль добродѣтели! Ахъ!..

Другъ. Нѣтъ, это были вы...

Жена. Нѣтъ, это вы... вы... вы!.. Бросается на диванъ и кричить. Помогите же мнѣ! Я умираю! Я умираю!

Другъ стоитъ неподвижно.

Жена. Неужели вы не хотите мнѣ помочь! У васъ

нѣтъ ко мнѣ итнит нѣ иллогезвѣрь! Развѣ вы не видите, что я больна? Помогите мнѣ! Помогите!

Другъ стоитъ попрежнему неподвижно.

Жена. Пошлите ко мнѣ врача и окажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, услугу которую вы оказали бы любому постороннему человѣку... Позовите Адель!

Другъ уходитъ.

ДВАДЦАТОЕ ЯВЛЕНИЕ

Жена. Сынъ.

Сынъ женѣ. Ну? Что же? Вы рѣшили?

Жена. Молчи! Ни слова объ этомъ!

Сынъ. Почему оу такъ бѣжалъ черезъ садъ? Я думалъ, онъ опрокинетъ по дорогѣ всѣ деревья! Точно у него горитъ въ заднемъ карманѣ!..

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Тѣ же. Мать, кузина. Позднѣе отецъ.

Мать. Ну, что же, идемте завтракать!

Сынъ. Благодарю, съ великимъ удовольствіемъ.

Мать. А гдѣ же господинъ Аксель? Будемъ мы его ждать или нѣтъ?

Сынъ. Ждать его мы не будемъ!.. Его и слѣдъ простылъ!

Мать. Вотъ чудакъ-то! А я приготовила его любимую рыбу!

Входитъ отецъ.

Сынъ. Можешь занять комнату, если хочешь!

Отецъ. Благодарю, она мнѣ больше не нужна!

Сынъ. Ты удивительно измѣнчивъ!

Отецъ. Что жъ, не я одинъ такъ дѣлаю! «Кто во-
время думаетъ, тотъ счастливѣе, чѣмъ баловни судьбы!»

Сынъ. И вотъ еще: «Никогда не говори другу от-
кровенно: убирайся, а потомъ приходи!»

Отецъ. Прекрасно! Откуда это?

Сынъ. Это Кристина меня научила.

Отецъ. Да, Кристина! А приняла ты сегодня ванну,
дитя мое?

Сынъ. Нѣтъ, сегодня она замѣнила ее холоднымъ
душемъ.

Слышенъ гонгъ.

Мать. Скорѣй къ столу!

Сынъ отцу. Предложи руку моей женѣ, а я возьму
Ада.

Отецъ. Нѣтъ, благодарю. Береги Кристину для себя!

Занавѣсъ.

Серебряное озеро.

Переводъ

А. Владиміровой.

I.

(консерваторъ *) имѣлъ при себѣ ружье, когда онъ въ одно ясное утро, въ началѣ лѣта, отправился въ глубь острова въ поискахъ за новыми красотами природы. Онъ не хотѣлъ говорить о томъ, что ищетъ заколдованное Серебряное озеро, такъ какъ, чтобы его открыть, надо было непремѣнно молчать и одиноко итти своей дорогой

Итакъ, онъ взбирался на Мюльбергъ, вынималъ компасъ и опредѣлялъ направленіе четвертаго озера, достигнуть котораго ему до сихъ поръ все не удавалось, несмотря на всѣ усилія. Люди столько разъ указывали ему туда дорогу и совершенно ясно описывали путь къ озеру, но сколько разъ онъ туда ни отправлялся, онъ всегда, въ концѣ-концовъ, доходилъ не до Серебрянаго озера, а до Хеймусе.

Это озеро Хеймусе очень живописно съ своими камышевыми островками и копошащимися на нихъ болотными воробьями.

Каждый разъ, когда онъ безуспѣшно возвращался домой, старый рыбакъ, хозяинъ дома, въ которомъ онъ жилъ, посмѣивался и говорилъ, что найти туда дорогу легко, лишь бы отыскать болото Мултбэренъ, излюбленное мѣсто-пребываніе бекасовъ.

---

*) Консерваторъ—хранитель научныхъ коллекцій музея.

Путь шелъ по высохшихъ крутымъ горнымъ хребтамъ, по которымъ цѣплялись своими грубыми корнями приморскія сосны. Горная порода тѣхъ мѣстъ не являлась обыкновеннымъ сѣрымъ камнемъ, но представляла изъ себя плотный горный кремень, то зеленого цвѣта фисташекъ, то розовато-красный, расщепленный въ формѣ скамеекъ, стульевъ, дивановъ; по немъ тянулись длинныя бѣлыя полосы известняка, подобно растянутымъ для бѣленья по травѣ полотнамъ.

Вотъ покатый склонъ. Тамъ начинается березовая роща съ растущими въ ней орхидеями; затѣмъ небольшое углубленіе съ возвышающимися на зеленомъ газонѣ ольхами, отличное мѣсто для игръ лосей; и они дѣйствительно танцевали на томъ мѣстѣ. Подъ ихъ ногами даже образовался кругъ помятой травы.

Земля становится сырою. Попадаются богульникъ и медвѣжье ухо, а молодыя сосенки стоятъ, какъ вѣхи. Появляются новыя горныя скамейки, новыя опусканія почвы, на этотъ разъ покрытыя дубомъ и орѣшникомъ. Раздается стукъ, похожій на стукъ въ дверь запоздалаго путника въ ночное время: это дятель. Кто-то стонетъ и ноетъ, какъ роженица: это дикій голубь. Ему знакомы всѣ лѣсные звуки, и онъ знаетъ всѣ растенія и всѣхъ животныхъ; если бы онъ увидѣлъ или услышалъ что-либо незнакомое, онъ счелъ бы это за что-то недозволенное.

Дальше по компасу слѣдуетъ итти на сѣверо-востокъ. Плетень загораживаетъ дорогу, но его это удержать не можетъ; за плетнемъ осока, рябинникъ и похожій на кипарисъ можжевельникъ.

Наконецъ, онъ слышитъ подъ собой какое-то плесканье

и журчаніе, спускается по склону горы, пробиваетъ себѣ путь черезъ ольховыя кусты и приходитъ къ горному озеру ни съ чѣмъ несравнимой красоты. Природа, несомнѣнно, здѣсь совершила свое лучшее дѣло, хотя кажется, что тутъ принимала участіе и человѣческая рука, что она подчищала, прибирала, приводила въ порядокъ.

Озеро простирается не больше, какъ десятины на двѣ, но берега его настолько разнообразны, изрѣзаны столькими косами, бухтами, гаванями, что глазъ каждое мгновеніе находитъ что-нибудь новое. Въ одномъ мѣстѣ возвышается стройная сосна и бросаетъ свою тѣнь на крутой берегъ; тамъ надъ водой повисла бѣлая береза; дальше бухточка, поросшая тростникомъ и обсаженная ольхой, а въ глубинѣ топь съ черемухой и осокой, дальше островъ посрединѣ озера.

Что еще увеличиваетъ прелесть этого озера, это то, что, стоя на берегу, можно видѣть верхушки деревьевъ и облака и что оно расположено высоко надъ уровнемъ моря, шумъ прибоя волнъ котораго глухо раздается внизу.

Слабый утренній вѣтерокъ слегка заколыхалъ поверхность воды, и волны ударились о скалистый берегъ. Вода, отражающая на срединѣ озера голубое небо, возлѣ берега окрашена въ непріятный красновато-коричневый цвѣтъ напоминающій цвѣтъ свернувшейся крови. Что-то тутъ чувствовалось еще болѣе непріятное, но совершенно не соответствующее всему окружающему. Какъ образовалось это углубленіе и какъ наполнилось оно водой? Впадина эта могла быть кратеромъ, но также и отверстіемъ рудника, и каменные глыбы на днѣ озера говорили за это предположеніе.

Народное преданіе объясняло происхожденіе названія озера. Оно будто бы получило свое названіе въ память нашествія русскихъ въ позапрошломъ столѣтіи. Когда въ то время жители Стокгольма были совершенно разорсны, обитатели острова собрали все свое серебро и погрузили его въ озеро, чтобы по водвореніи спокойствія снова его оттуда достать. Однако кладъ, будто бы, не удалось уже никогда отыскать, почему люди и пришли къ заключенію, что озеро это бездонно.

Къ этому разсказу примѣшивались слухи о чарахъ, которыя, будто бы, проявлялись каждый разъ, когда пробовали ловить въ озерѣ рыбу. Вотъ почему съ незапамятныхъ временъ эти пробы уже не возобновлялись.

Взглядомъ опытнаго рыбака консерваторъ сразу опредѣлилъ, что ловля здѣсь должна быть весьма обильна. Бросивъ въ воду немного песку, чтобы потревожить и вызвать со дна маленькихъ рыбокъ, онъ пустился въ обратный путь, твердо рѣшивъ приняться за ловлю въ скоромъ будущемъ, когда онъ привезетъ сюда лодку.

Обратный путь долженъ бы былъ совершиться весьма легко, потому что въ это время солнце какъ разъ указывало направленіе его дома, но озеро было хорошо охраняемо, и, какъ ни старался онъ итти по прямому пути, ему никакъ не удавалось итти по направленію солнца, а все невольно онъ сворачивалъ то налѣво, то направо. Страннику казалось, что онъ угодилъ въ вертящееся колесо-которое упорно возвращало его на бугоръ, окруженный со всѣхъ сторонъ топью.

Усталый, весь въ поту, изнервничавшійся, опустился онъ, наконецъ, на пенъ и началъ наблюдать солнце. Оно

достигло своего зенита и, слѣдовательно, измѣнило направленіе. Онъ взглянулъ на компасъ, тотъ указывалъ, гдѣ сѣверъ, гдѣ югъ, однако, на немъ не значилось, гдѣ находится его домъ. Отъ дома Серебряное озеро лежало на сѣверо-востокъ, и ему надо было снова вернуться къ озеру, чтобы найти направленіе пути.

Тутъ привлекла его вниманіе оса, видимо ждавшая, чтобы онъ всталъ съ мѣста, на которое сѣлъ; она раздраженнымъ жужжаньемъ указывала ему на то, что онъ стоитъ у нея на дорогѣ. Однако, маленькое настькомое не могло устрашить охотника, и онъ ударомъ руки отогналъ его; но тутъ же по судорожному подергиванію руки онъ понялъ, что неосторожно приблизился къ такъ называемой летящей иглѣ. Желая заглушить боль, онъ нагнулся къ землѣ, чтобы сорвать сырого моха и обвязать руку. Онъ взялъ щепотку земли и наложилъ ее на ужаленное мѣсто. Изъ сдѣланнаго имъ въ землѣ отверстія выползло что-то черное. Это оказался ужъ.

Сѣсть въ осиное гнѣздо — вещь весьма обычная; вѣдь можно же ошибиться, но что ужъ находился именно подъ тѣмъ квадратнымъ дюймою оторваннаго консерваторомъ мха, въ то время какъ на островѣ было болѣе тысячи десятинь устланнаго мхомъ пространства, удобнаго для жизни ужей—это не могло не произвести неприятнаго впечатлѣнія.

Охотникъ рѣшилъ взобраться на дерево и оттуда произвести наблюденіе. Дерево стояло подъ рукой, но на немъ отсутствовали главныя вѣтки; онъ началъ лѣзть, но стволъ оказался пропитаннымъ смолой, это не могло, конечно, развеселить павшаго духомъ консерватора.

Съ дерева ничего не было видно, кромѣ верхушекъ

еще болѣе высокихъ деревьевъ, а солнце теперь стояло такъ высоко, что отовсюду оно должно было быть надъ головой

Охотникъ чувствовалъ, что онъ съ кѣмъ-то вступилъ въ борьбу. Съ собой? Этого онъ допустить не могъ. Такъ съ кѣмъ же? То не были слѣпныя силы природы, потому что то, противъ чего онъ боролся, имѣло глаза и спереди и сзади и дѣйствовало съ расчетомъ, сознательно, хитро, какъ и онъ самъ. Не случай ли? Нѣтъ, потому что его онъ при всѣхъ своихъ опытахъ и попыткахъ смогъ бы направить съ такимъ же успѣхомъ и за и противъ себя, такъ какъ опредѣленіе понятія «случай» даетъ представленіе о чемъ-то равнодушномъ, неразсчитанномъ, безразличномъ. Здѣсь же была налицо только одна враждебность.

Раздумывая такимъ образомъ, онъ опять пошелъ впередъ, и когда, наконецъ, деревья начали рѣдѣть, онъ очутился у Серебрянаго озера. Видъ на него былъ прелестный, но консерваторъ былъ имъ достаточно пресыщенъ и желалъ увидѣть что-нибудь новое.

Итакъ, онъ вынулъ компасъ, опредѣлилъ курсъ прямо домой и пошелъ.

Когда же ноги его исполнили значительное время движеніе маятника, они стали упрямо клониться къ центральной точкѣ земного шара; хозяинъ, слѣдовательно, сложилъ ихъ, пригнулъ ихъ аккуратно и положилъ на земляной пригорокъ, а спину свою прислонилъ къ стволу дерева, оказавшемуся несмолистымъ. Именно по этой послѣдней причинѣ стволъ этотъ служилъ мѣстомъ для прогулки лѣтней колоніи муравьевъ, и весьма скоро эти крошечныя

животныя принялись беззащитно изслѣдовать одежду усталого пугника

До сихъ поръ только нѣсколько нервно настроенный охотникъ теперь принялъ это за личное оскорбленіе и потерялъ послѣдній остатокъ хорошаго настроенія, которое обыкновенно рѣдко его покидало. Гнѣвъ обуялъ его, а ко всѣмъ остальнымъ невздамъ примѣшалось вдругъ чувство сильнаго голода.

Теперь, когда неудачи достигли самой высшей точки, вдругъ до слуха его донесся издали призывъ къ обѣду его собственнаго колокола; онъ издали видитъ жену и дѣтей, ожидающихъ его, голодныхъ, но не желающихъ садиться за столъ безъ него, онъ видитъ накрытый столъ...

Въ немъ пробуждаются всѣ низкіе инстинкты, соединяются съ воспоминаніями дѣтства и ожесточаются еще тоской по тому, что онъ осязалъ, но чего не могъ достигнуть. Изъ всего этого хаоса выступаетъ лишь одно ясное сознаніе: я сбился съ пути и долженъ вернуться домой.

Вдругъ выплываетъ, какъ сильная волна, воспоминаніе юности и охватываетъ его. Воспоминаніе дѣтства, когда онъ, заплутавшись въ лѣсу, снова находилъ дорогу, если, по старому, доброму обычаю, выворачивалъ на себѣ платъе съ лица наизнанку, вновь предстало предъ нимъ. Послѣ нѣкоторой внутренней борьбы съ чувствомъ самоуваженія, онъ спинаетъ съ себя куртку и выворачиваетъ ее; раньше, чѣмъ снова надѣтъ ее на себя въ вывороченномъ видѣ, онъ оглядывается внимательно по сторонамъ, чтобы убѣдиться, что никто за нимъ не наблюдаетъ. Затѣмъ онъ идетъ прямо впередъ, какъ будто по широкой дорогѣ

Первое ощущение его послѣ переодѣванія было чувство невеселое, ложное, стѣсненное. Изгибы тѣла оставили свой отпечатокъ на подкладкѣ его куртки, и это превратилось какъ бы въ восковой отпечатокъ, который онъ снаружи несъ на себѣ. Это давало ему иллюзію, будто онъ раздвоился, несеть себя самого и чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за того, кого взялся нести на рукахъ. Съ другой стороны, онъ отъ чего-то освободился: онъ съ себя содралъ шкуру и несъ ее, еще теплую отъ пота, какъ носить лѣтомъ пальто на рукѣ. Въ этой шкурѣ находилось еще тоже что-то въ родѣ душевной корки, и у него было ощущение душевнаго обнаженія, легкости, свободы,—ощущеніе, увеличивающее его способность чувствовать, думать и желать. Ему казалось, что онъ летитъ, проходитъ сквозь стволы деревьевъ, паритъ черезъ лужи, черезъ кусты можжевельника, кубаремъ скатывается съ горъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ онъ дѣйствительно очутился наверху Мюльберга, крикнулъ дѣтямъ, ожидавшимъ внизу, у крыльца и собрался было сбѣжать съ горы, когда вспомнилъ про свой нарядъ; чувство стыда принудило его зайти за мельницу, чтобы перевернуть куртку. Когда онъ снова влѣзъ въ свою скорлупку, онъ почувствовалъ что-то удобное, правильное, но тяжелое, будничное и утомительное.

Черезъ двѣ минуты дѣти повисли у него на шеѣ, и всѣ трудности были позабыты.

На слѣдующее утро консерваторъ взялъ свои рыболовные леса и пошелъ къ озеру, такъ, по крайней мѣрѣ,

утверждалъ онъ это самъ. Онъ шелъ, но туда дойти никакъ не могъ. Тогда онъ вернулся домой, взялъ провожатаго и захватилъ съ собою большой кусокъ мѣла. Мѣломъ обозначалъ онъ номера на скалахъ и на стволахъ деревьевъ. Дойдя до озера, онъ отослалъ провожатаго домой и забросилъ удочку. Черезъ полчаса онъ поймалъ дюжину рыбокъ, схожихъ между собой, какъ яйца похожи одно на другое: всѣ имѣли четыре дюйма въ длину и были, какъ уголь, черныя.

Это была приманка, забава, а скоро должна была начаться серьезная ловля. Въ концѣ-концовъ на озеро была спущена привезенная лодка и разбросаны по водѣ поплавки съ крючками.

Когда онъ, наконецъ, сидя въ лодкѣ, которой управлялъ самъ, могъ господствовать надъ озеромъ, онъ почувствовалъ себя, какъ дома. Это было самое прелестное мѣсто, которое онъ когда-либо видѣлъ. Онъ теперь стремился только сюда. Онъ населялъ берега своими воспоминаніями, мыслями, такъ сросся съ этой мѣстностью, что жилъ и наслаждался только, когда онъ бывалъ тамъ и притомъ въ одиночествѣ.

Близился великій моментъ, когда глубь озера должна была отккрыть свою тайну. Наканунѣ съ вечера разложилъ онъ четыре крючка съ выкрашенными въ яркія краски поплавками.

На утро слѣдующаго дня увидѣлъ онъ, что одинъ изъ четырехъ поплавковъ опрокинулся бѣлой стороной вверхъ, какъ брюхо сонной рыбы, и онъ понялъ, что что-то, слѣдовательно, тамъ подъ поплавкомъ есть. Онъ потянулъ за бечеву и почувствовалъ что-то тяжелое. Черезъ нѣкото-

рое время, продолжая тянуть, онъ увидѣлъ у борта лодки чудовище, похожее сзади на рисунокъ змѣи боа, бока которой блестѣли, какъ золото.

То была самая большая щука, какую онъ когда-либо видѣлъ, по окраскѣ и внѣшнему узору настолько отличавшаяся отъ всѣхъ остальныхъ, что ему почему-то сразу стало жутко на душѣ. Тутъ онъ также обратилъ вниманіе на вещь, казавшуюся сначала простой, а именно, что черный дятель что-то съ шумомъ бросилъ на берегъ, что солнце заслонила тучка и поднялся вѣтеръ, отъ котораго накренилась лодка, несмотря на то, что въ это время ни одно дерево на берегу не закачалось.

Вернувшись домой съ своей добычей, онъ понесъ ее показать въ семью рыбака; тамъ не удивились, не обрадовались и не позавидовали ему. Когда онъ отъ рыбаковъ вышелъ, то за дверью услышалъ, какъ старикъ промолвилъ: «Этого бы не слѣдовало ему дѣлать!»

Особенно поражало консерватора, что рыбакъ, владѣлецъ Серебрянаго озера, не послѣдовалъ его примѣру и не сталъ ловить тамъ щуку, несмотря на то, что замѣчались вообще отсутствіе этой цѣнной породы рыбы. Когда онъ поинтересовался узнать причину этого, то получилъ лишь уклончивые отвѣты.

Нужны были серьезныя основанія, опирающіяся на опытъ, чтобы люди нуждающіеся, умные, практичныя, расчетливыя могли рѣшиться дѣйствовать противъ собственныхъ интересовъ. А опытъ училъ слѣдующему: всѣ тѣ, кто пробовалъ здѣсь ловить рыбу, кончали нехорошо. Въ этомъ заключались и причина и послѣдствіе факта. Почему они плохо кончили? Можно было отвѣтить: потому, что они здѣсь ловили рыбу.

Это суевѣрие, а такъ какъ консерваторъ былъ человекомъ просвѣщеннымъ, то онъ пренебрегъ предупрежденіемъ, а наоборотъ, рѣшилъ подать примѣръ для отрезвленія всѣхъ суевѣрныхъ. Итакъ, онъ ловилъ рыбу каждый день и не могъ оторваться отъ страннаго озера, околдовавшаго его

До сихъ поръ онъ бывалъ тамъ всегда одинъ, и онъ намѣренно никого туда не приводилъ, потому что ему не хотѣлось вносить въ эту мѣстность, которую онъ открылъ и, такъ сказать, лично себѣ присвоилъ, что-либо постороннее, что могло бы стать между нимъ и той тайной оболочкой, которой онъ себя окружилъ. Въ одинъ прекрасный день, однако, онъ снизошелъ къ настоящимъ просьбамъ дѣтей и позволилъ имъ итти съ собой.

Когда онъ тамъ увидѣлъ ихъ одѣтыя въ свѣтлыя платья фигурки и услышалъ ихъ веселое щебетанье, ему показалось, что озеро потеряло свой мрачный колоритъ. Все помолодѣло и посвѣтлѣло; молчаніе было прервано, и съ моря налетѣли чайки, чтобы посмотреть, что тутъ дѣлается.

Дѣти никогда еще не ловили рыбы, и когда старшая девятилѣтняя дочка вытянула первую рыбу, раздались рукоплесканіе и веселые крики, такъ что маленькія рыбки даже попрыгали изъ камыша.

Это былъ блестящій періодъ Серебрянаго озера.

Кто видѣлъ семью консерватора въ зеленой долинѣ, у подножія Мюльберга, получалъ впечатлѣніе вполне идиллическаго счастья. Мирно и тихо протекала жизнь въ ма-

ленькихъ домикахъ. Между родителями шло соревнованіе въ нѣжности къ дѣтямъ и въ заботахъ объ ихъ успѣхахъ.

Однако болѣе внимательный наблюдатель не могъ бы не замѣтить, что за этимъ миромъ стояли цѣлые годы бурной борьбы и что что-то грозное лежало на судьбѣ этихъ людей. Люди не могли не обратить вниманія на то, что семья эта помѣщалась въ двухъ смежныхъ домикахъ и что каждый изъ супруговъ велъ свою жизнь. Однажды, выйдя на зарѣ, рыбакъ увидѣлъ, что жена консерватора, страдавшая отъ бессонницы, прогуливалась взадъ и впередъ внизу по мостику, у пристани, хотя было два или три часа ночи. Одни спрашивали себя, женаты ли эти люди, другіе полагали, что они въ разводѣ.

Въ одно прекрасное утро консерваторъ сидѣлъ съ дѣтьми за кофе (жена еще спала) и болталъ съ ними о разныхъ вещахъ; въ это время внизу, на лугу, обитатели поселка начали сходиться большими группами, что указывало на то, что что-то случилось. Шумъ голосовъ скоро усилился, и разговоры, видимо, оживились. Любопытство консерватора было возбуждено, но ему не пришлось идти самому внизъ: онъ издали услышалъ, въ чемъ дѣло.

Письмоводителя судьи изъ Салдорфа, пріѣхавшаго на островъ два дня тому назадъ и котораго съ тѣхъ поръ никто больше не видѣлъ, нашли утонувшимъ въ озерѣ Хеймусе.

Консерваторъ теперь побѣждалъ къ собравшемуся народу.

— Писецъ суда? Какъ его звали?

— Такъ-то и такъ-то.

— Былъ ли онъ женатъ?

— Да, но его жена живетъ въ городѣ.

Консерваторъ потерялъ охоту къ дальнѣйшимъ разспросамъ, но предложилъ итти всѣмъ вмѣстѣ къ мѣсту нахожденія утопленника, принести его трупъ и прилично поставить его временно на току, пока не явится возможность перенести его въ городъ.

Шествіе двинулось къ озеру, но ужасъ при видѣ утопленника пересилилъ любопытство, и консерваторъ пришелъ къ мѣсту лишь самъ-третей; оба его спутника были рыбаки.

У косы, на мелкомъ мѣстѣ озера, лежалъ прилично одѣтый человѣкъ въ такомъ положеніи, будто онъ легъ отдохнуть на землю и полуоткрытыми глазами глядѣлъ въ небо. Спокойствіемъ дышали черты лица, покрывшагося той блѣдностью, которою страданіе и смерть облагораживаютъ даже грубыя лица.

Консерваторъ внимательно разглядывалъ покойника, и вдругъ въ его воображеніи стали выплывать далекія воспоминанія. Онъ еще разъ поинтересовался узнать имя этого человѣка, и лицо это и имя воплотились для него въ одно цѣлое. У него былъ знакомый въ юности, школьный товарищъ, который носилъ именно это имя.

Какой странный случай, что они впервые встрѣтились вновь здѣсь, въ этой глуши, и при какихъ обстоятельствахъ! Онъ былъ готовъ негодовать на этотъ случай, такъ какъ это дастъ пищу болтовнѣ. Его собственное имя свяжутъ, пожалуй, съ именемъ самоубійцы. Придетъ несчастная жена; придется выслушивать плачь и всякіе комментаріи — словомъ, нарушено спокойствіе лѣтняго отдыха.

А въ сущности, какое ему дѣло до всей этой исторіи! Пришедшій сюда искать смерти не другъ ему, а просто посторонній человѣкъ, сидѣвшій съ нимъ когда-то въ числѣ многихъ въ одномъ классѣ въ школѣ.

Трупъ былъ перенесенъ на токъ, покрытъ бѣлой простыней и положенъ на еловыя вѣтки. Когда улеглось первое впечатлѣніе ужаса передъ смертью, собрались на токъ люди изъ всего села, и начались суды и пересуды, весьма обычные въ подобныхъ случаяхъ.

- Онъ былъ жестокъ съ женой.
- И пилъ страшно.
- Она, говорятъ, очень порядочная женщина.
- Чортъ побори!
- Онъ, конечно, самъ покончилъ съ собой.

Консерваторъ ушелъ отъ собравшихся, такъ какъ эти рѣчи производили на него очень непріятное впечатлѣніе: казалось, будто они чуть ли не бросаютъ камни въ его огородъ. Въ особенности же поразило его то, что дошло до его слуха, когда онъ уже повернулъ имъ спину.

— Я удивляюсь, что онъ пошелъ не къ Серебряному озеру. Онъ изъ такихъ, что могъ бы тамъ позаняться рыбной ловлей.

Это значило, что они относились несочувственно къ рыбной ловлѣ тамъ и что несчастный случай истолковывали, какъ послѣдствіе недозволенной ловли.

Онъ почувствовалъ также скрытое недоброжелательство по своему адресу и не встрѣтилъ и тѣни признательности, когда взялся телеграфировать родственникамъ и заказать деревенскому столяру временный гробъ.

Дома ему какъ-то непріятно было объ этомъ сооб-

пить женѣ; однако, пришлось въ нѣсколькихъ словахъ рассказать о случившемся, послѣ чего между супругами наступило грозное молчаніе.

На слѣдующее утро пріѣхала жена покойнаго. Когда онъ увидѣлъ внизу на лугу эту женскую фигуру въ траурѣ, съ покрытымъ черной вуалью лицомъ, консерваторъ почувствовалъ, какъ усилилось его недовольство, потому что онъ не вѣрилъ искренности этого траура. Однако онъ пошелъ къ ней навстрѣчу и представился.

Не прошло и пяти минутъ, какъ недоброжелательство смѣнилось сочувствіемъ и симпатіей. Это была еще молодая женщина, и ее украшала та особая прелесть чистоты, которая кладетъ свой отпечатокъ не столько на черты лица, какъ на выраженіе его; ея рѣчь не звучала фальшиво, и голосъ былъ звонокъ. Онъ сразу понялъ, что эта женщина не любила своего мужа, пожалуй, не любила никогда никого, но могла бы всѣмъ пожертвовать ради дѣтей, которыхъ, однако, судьба ее лишила.

Только когда они дошли до тока, она начала плакать. Чувствуя свое фальшивое положеніе и страдая при мысли о жестокомъ упрекѣ, который упадетъ, несомнѣнно, на нее за то, что она въ послѣдніе дни не ухаживала за человекомъ, бывшимъ близкимъ къ душевной болѣзни, она стояла тутъ молча, такъ какъ не могла подѣлиться своими мыслями и чувствами не жалуясь, а говорить дурно про покойника она не хотѣла.

Консерваторъ, не желавшій сначала сближенія дамы въ траурѣ съ своей женой по причинамъ, о которыхъ онъ бы

и говорить не хотѣлъ, теперь на подобныхъ же основаніяхъ желалъ познакомить ихъ, такъ какъ онъ предвидѣлъ, что изъ этого знакомства произойдетъ что-нибудь, что для нихъ можетъ имѣть важное значеніе. Итакъ, онъ пригласилъ даму къ себѣ и, познакомивъ обѣихъ женщинъ, подъ благовиднымъ предлогомъ оставилъ ихъ.

Сидя въ своей комнатѣ, онъ слышалъ глухой шопотъ ихъ голосовъ, не прерывавшійся ни на минуту, а иногда возвышающійся до болѣе рѣзкихъ нотъ. Скоро голоса заглушилъ шумъ пилы, рубанка и молотка, доносившіеся изъ шалаша на берегу озера, гдѣ сколачивали гробъ.

Когда опять все на островѣ успокоилось, у консерватора осталось впечатлѣніе, что этотъ случай дня являлся какъ бы предостереженіемъ. Случись это несчастіе на Серебряномъ озерѣ, ему разбили бы голову, такъ какъ тогда люди сочли бы доказаннымъ, что безбожникъ поймалъ въ озерѣ чертовщину.

Опять народъ толпится, и это всего черезъ двѣ недѣли послѣ перенесенія утопленника на токъ.

Случилось на этотъ разъ вотъ что: лучший въ округѣ лоцманъ посадилъ пароходъ на мель и получилъ расчетъ. Это было равносильно разоренію семьи, состоявшей изъ восьми человѣкъ дѣтей.

Въ августѣ, когда обыкновенно подходитъ килька, ее въ этомъ году не появилось; къ этому еще присоединился полный неурожай хлѣбовъ. Надо было все же платить налоги, и многимъ пришлось круто.

У мельника была заложена мельница. Необходимо было хоть сколько-нибудь внести на погашеніе долга, а мельница не работала за отсутствіемъ хлѣба.

Это тяжелое положеніе вещей отразилось и на дачникахъ; круги для танцевъ пустовали; зато храмъ посѣщался усердно. Жить въ деревнѣ стало непріятно, и семья консерватора переѣхала въ городъ раньше предполагаемаго срока.

II.

Опять настала весна, но такая ранняя, что деревья еще не покрылись почками и грязный снѣгъ еще лежалъ въ горныхъ ущельяхъ. Однако, консерваторъ уже переѣхалъ на островъ, въ этотъ разъ одинъ, и снялъ себѣ домикъ наверху позади мельницы, къ которой онъ не рѣшается даже подойти изъ боязни невольно взглянуть внизъ, къ фіорду, гдѣ въ зеленой долинѣ стоятъ домики подъ тѣнью дубовъ.

Люди приняли его, какъ хорошо платящаго квартиранта, но безъ радости, скорѣй съ боязнью и неохотно. Они по-своему объясняютъ его одиночество и не требуютъ разъясненія. Одно то, что онъ не съ семьей, производитъ дурное впечатлѣніе, и вина падаетъ всецѣло на него.

Когда онъ отправился на Серебряное озеро и нашелъ деревья голыми, безъ листьевъ, просвѣчивающими, тоска овладѣла имъ. Лодка лежала еще на прежнемъ мѣстѣ, но была полна воды и гніющихъ листьевъ. Камыши еще стояли черные отъ мороза. Пара гагаръ, совершающихъ свой

перелетъ, спустились на берегъ для отдыха, и жалобный крикъ ихъ разнесся далеко по запустѣлой мѣстности.

Когда онъ увидѣлъ пригорокъ, стоя на которомъ дѣти вытащили первыхъ рыбъ и гдѣ еще валялась жестянка для червей, передъ нимъ разверзлась пропасть. Все, чего онъ лишился, теперь съ ясностью предстало передъ нимъ, и онъ не могъ удержаться отъ рыданій, похожихъ на крикъ дикихъ звѣрей, когда душа, кажется, вотъ-вотъ разорветъ всѣ ткани и оболочки окутывающаго ее тѣлеснаго покрова.

Черезъ нѣкоторое время онъ успокоился, впалъ въ глухое смиреніе по отношенію къ тому, чего измѣнить было невозможно, началъ выкачивать воду изъ лодки, дѣлая это скорѣй машинально, чѣмъ намѣренно. Затѣмъ онъ на лодкѣ отъѣхалъ на средину озера, но видѣлъ всю окружающую мѣстность, какъ въ туманѣ; опухшія отъ слезъ щеки горѣли и иногда изъ груди вырывалось еще всхлипываніе, отъ котораго содрогалось все тѣло.

Бросить удочку или приготовиться къ большой ловлѣ не приходило ему и въ голову. Не было интереса къ ловлѣ, такъ какъ дома не ожидалъ его никто, кто съ криками радости и ласками встрѣтилъ бы его и взялъ бы изъ рукъ добычу. Изъ этого сознанія вытекало чувство, что для него вообще жизнь потеряла всякій смыслъ.

Пошелъ тихій, мелкій, пронизывающій холодный дождь, но онъ не обратилъ на это вниманія и ничего не предпринялъ, чтобы оградить себя отъ дождя. Скоро онъ сидѣлъ съ ногами въ водѣ и чувствовалъ, какъ промокаютъ башмаки; лодкой управлять становилось все труднѣе.

Наконецъ, ее прибило къ берегу, что заставило его вы-

лѣзть на землю и итти на произволь судьбы по мху, черезъ заборы, которые онъ ломалъ или перелѣзалъ черезъ нихъ, кусты можжевельника и молодья сосны сгибалъ онъ, какъ щепки, и онъ вслухъ произносилъ проклятія, убѣгая, какъ смертельно раненое животное.

Выйдя изъ чащи и дойдя до обнаженного хребта горы, онъ вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ сотнями воронъ, которыя дружнымъ хоромъ каркали и, видимо, были недовольны его приходомъ.

Это было для стараго, опытнаго охотника такъ необычно, что онъ впервые почувствовалъ себя суевѣрнымъ. Онъ остановился, удивленный ихъ беззащитностью и въ то же время оскорбленный, такъ какъ то, что у него не было при себѣ ружья, не могло служить основаніемъ къ подобной атакѣ.

Онъ на землѣ сталъ искать камня, какъ вдругъ глаза его упали на необыкновенные знаки по свѣтло-зеленымъ плитамъ скалы; и эти іероглифы повторялись на всѣхъ болѣе или менѣе плоскихъ мѣстахъ въ скалахъ. Это приковало его вниманіе, и онъ прочелъ ясно букву С и цифры V, I, I, римскимъ шрифтомъ. Возбужденная фантазія сейчасъ же стала доискиваться смысла этихъ знаковъ, и ему представилось, что С—означаетъ Carl, а V, I, I—VII, т.-е. 7, слѣдовательно Карлъ VII. Однако, такъ какъ цифры больше значать, чѣмъ отдѣльныя буквы, онъ пришелъ къ тому заключенію, что С означаетъ 100, слѣдовательно начерчено число 107. «Что это такое? Долженъ ли я съ этимъ числомъ итти играть на лотерею? Сто семь! Сто семь!» твердилъ онъ себѣ, идя дальше кверху, провожаемый нѣкоторое время воронами.

Онъ достигъ своей грустной одинокой хижины, которую, какъ человѣкъ свободный отъ предубѣжденій, снялъ, несмотря на то, что въ этомъ домикѣ въ прошломъ году утонувшій товарищъ провелъ послѣднiе дни своей жизни. Онъ домового не боялся, но, казалось, что къ стѣнамъ прилипли горькіе вздохи и что еще скрипѣли половицы подъ тяжелыми шагами несчастнаго.

Дождь не переставалъ весь день. Къ вечеру съ почты доставлена была ему газета. Не разрывая бандероли, ему бросился въ глаза номеръ газеты—107-й.

Сто семь, повторилъ онъ самъ себѣ. Какое иногда бываетъ странное совпаденіе. Вотъ опять то число, на которое я попалъ на горѣ. И какъ странно, что я живу въ томъ самомъ домѣ, гдѣ онъ жилъ въ прошломъ году и при тѣхъ же печальныхъ обстоятельствахъ. Не означаетъ ли это, что и я потону?

Спокойствію его насталъ конецъ, а съ нимъ и счастье и радостямъ. Казалось, что съ дѣтьми онъ потерялъ весь смыслъ и всю радость жизни. Не съ кѣмъ поздороваться утромъ, некого поцѣловать вечеромъ, не съ кѣмъ поиграть, не о комъ заботиться, некого любить и не кѣмъ быть любимымъ. Предоставленный полному одиночеству, онъ чувствовалъ себя никѣмъ не любимымъ и преслѣдуемымъ судьбой. Неудачи и недовольство, апатія въ работѣ, ночью тяжелые сны, — вотъ что было теперь его удѣломъ. Сны принимали страшное подобіе дѣйствительности, но онъ не придавалъ имъ, однако, особаго значенія, и они не пугали его. Днемъ онъ «бродилъ по окрестностямъ и умиралъ»

медленно, но неизбежно — такъ онъ самъ описывалъ свое состояніе.

Но что бы ни было, онъ все же постоянно возвращался къ Серебрянному озеру и тамъ садился въ лодку, не думая даже о ловлѣ рыбы. Часто ложился онъ на излюбленную скалу дѣтей и тамъ во мху искалъ, конечно тщетно, слѣды ихъ ножекъ; или прикладывалъ ухо къ скалѣ, какъ бы стараясь услышать ихъ веселый, добрый смѣхъ и невинныя шутки. Все ушло! Такъ безвозвратно ушло, что время даже не могло исцѣлить эту рану, потому что, когда онъ со временемъ снова увидитъ ихъ, то это уже будутъ большіе, сильные люди, уже не тѣ любвеобильныя, благодарныя, невинныя существа съ душами и тѣлами свѣжимъ, какъ весенніе цвѣты. Все было кончено безвозвратно.

Сколько онъ ни ходилъ по окрестностямъ, онъ все же никогда не подходилъ къ мельницѣ, такъ какъ отсюда видны были домики на лугу, а въ этомъ отношеніи онъ не надѣялся на свои силы. И мельница стояла, какъ памятникъ, на могилѣ лучшихъ воспоминаній, и крылья ея казались большимъ крестомъ.

Однако, пришлось сдѣлать то, чего не хотѣлось.

Однажды пришелъ посланный отъ прошлагодняго хозяина, который схватилъ воспаленіе легкихъ и находился въ большой опасности. За неимѣніемъ близости доктора, жена его просила консерватора притти и посовѣтовать что дѣлать съ больнымъ.

Онъ отвѣчалъ, что ничего не понимаетъ въ медицинѣ.

Посланный вернулся вторично и просилъ консерватора все же притти, такъ какъ больной имѣетъ что-то ему сказать.

Отказаться въ просьбѣ, быть можетъ, умирающему, онъ не рѣшился, такъ какъ боялся еще больше возбудить противъ себя населеніе.

Итакъ, онъ отправился, проклиная судьбу, заставляющую его идти туда, куда ему не хотѣлось.

Дорога лежала мимо мельницы, а оттуда внизъ, въ долину. Онъ не взглянулъ по направленію домиковъ, стоявшихъ пустыми, такъ какъ ихъ никто не снялъ.

Когда онъ вошелъ къ больному съ полнымъ сознаниемъ того, что дѣлаетъ не дѣло любви, онъ былъ какъ бы въ туманѣ. По настоянію жены больного онъ сообщилъ, что зналъ о томъ, какъ въ городѣ лѣчатъ больныхъ воспаленіемъ легкихъ, затѣмъ онъ сталъ выжидать, что скажетъ ему больной.

Тотъ смиренно лежалъ и долго смотрѣлъ на него. Наконецъ, онъ собрался съ силами и слабымъ голосомъ промолвилъ нѣсколько словъ.

— Вы все еще ловите рыбу въ Серебряномъ озерѣ.

— Да, иногда,—отвѣчалъ консерваторъ.

— Этого не надо бы,—прошепталъ послѣ нѣкоторой паузы больной.

Къ этому ему прибавлять было нечего, и посѣщеніе могло считаться оконченнымъ.

— Суевѣріе! — сказалъ себѣ консерваторъ и, какъ бы подкрѣпившись этой мыслью, пошелъ прямо по направленію къ домикамъ.

Когда онъ приблизился къ зеленой садовой калиткѣ, гдѣ дѣти обыкновенно, какъ ласточки, летѣли въ его объятія, кровь отхлынула отъ его сердца, и въ немъ промелькнула мысль: вотъ здѣсь мнѣ смерть!

Однако, онъ все же вошелъ. Черными, пустыми выглядывали окна. Онъ прошелъ въ спальню дѣтей, гдѣ стояли ихъ кровати. Это не были гробы, потому что въ гробу есть что-то, а здѣсь была полная пустота. Это было что-то страшнѣе смерти, это было погребеніе заживо.

Сердце на мгновеніе перестало биться, пока глаза его блуждали по саду; ихъ маленькія грядки поросли сорной травой...

„Теперь смерти!“ — подумалъ онъ.

Однако, сердце снова забилося, кровь ударила въ виски...

Придя домой, онъ на крыльцѣ засталъ ожидающаго его полицейскаго. Онъ просто принесъ бумаги изъ уѣзднаго суда; но посѣщеніе судебного разсыльнаго производитъ всегда среди сельскаго населенія непріятное впечатлѣніе, и недовѣрчивое отношеніе къ консерватору все росло.

Вечеромъ, сидя дома, перелистывалъ онъ иллюстрированный журналъ и наткнулся на описаніе пирамидъ. Дойдя до Мичеринусъ, или третьей пирамиды, онъ обратилъ вниманіе на то, что она имѣетъ въ основаніи 107 метровъ. Опять то же число 107! Но вѣдь метръ величина космическая, такъ какъ онъ составляетъ десятиллионную часть экватора. Не хотѣли ли египетскіе строители увѣковѣчить въ пирамидѣ астрономическую тайну?

При этой мысли глаза его невольно упали на календарь, а такъ какъ тотъ былъ снабженъ справочнымъ ключомъ, то онъ отыскалъ таблицу сравнительнаго разстоянія планетъ между собой. Тутъ три раза попадалось число 107. Прежде всего разстояніе между землей и солнцемъ рав-

няется діаметру солнца, взятому 107 разъ. Затѣмъ Венера лежитъ въ 107 милліонахъ километровъ отъ солнца. И, наконецъ, Юпитеръ отстоитъ отъ солнца на 107 милліоновъ географическихъ миль.

Онъ старался найти что-нибудь общее между своей судьбой и этимъ числомъ, но ничего придумать не могъ. Однако, это была своего рода игра памяти, которая развлекала его, пока онъ не усталъ. Это было то же, что раскладывать пасьянсы или разгадывать загадки.

Старикъ-рыбакъ скончался на десятый день; за этимъ послѣдовали: погребеніе, раздѣлъ наслѣдства, ссоры, поѣздки въ судъ.

Черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ лэндсманъ, чтобы разслѣдовать одно дѣло, взволновавшее весь островъ. Одинъ обитатель южной части острова, человѣкъ женатый, вдругъ исчезъ. Подозрѣвалось убійство. Теперь все это появилось въ газетѣ.

Такъ какъ всѣ обитатели острова находились болѣе или менѣе въ родствѣ, то это было принято, какъ общій трауръ, и всѣ вмѣстѣ считали себя перенесшими утрату. Толковали о тюрьмѣ, о плахѣ, но виновника обнаружить не удавалось, и слѣдствіе и допросы свидѣтелей длились все лѣто.

Припѣвъ повторялся все тотъ же:

— Онъ не долженъ былъ бы дѣлать этого (т.-е. ловить рыбу въ Серебряномъ озерѣ).

Консерваторъ, ставшій отъ всего этого особенно мнительнымъ. сознавалъ, какъ онъ всѣмъ непріятенъ и всѣмъ

нелюбимъ. Онъ похудѣлъ и состарился, но здоровая натура выдержала. Его еще къ тому же поддерживала постоянная мысль, что когда-нибудь явится «высшій интересъ» и жизнь его получитъ новый смыслъ.

Въ одно прекрасное утро, уже къ концу лѣта, онъ проходилъ мимо дома сосѣда, на дворѣ котораго сидѣлъ и игралъ болѣзненный ребенокъ. Игрушки, полученныя имъ отъ бабушки, состояли изъ высушенной гусиной шеи, наполненной горохомъ, и изъ куска сверкающей бѣлой руды. Это привлекло вниманіе консерватора, и онъ спросилъ у бабушки, откуда эта руда.

Она отвѣчала, что это было найдено уже давно, когда взрывали каналъ.

— Здѣсь на островѣ?

— Здѣсь на островѣ.

Это былъ свинцовый блескъ и, слѣдовательно, руда содержала серебро.

Придя домой, онъ открылъ немедленно сочиненіе по минералогіи и, отыскавъ статью о серебрѣ, тутъ же прочелъ, что его атомный вѣсъ равняется 107.

Такъ вотъ она тайна острова, начерченная іероглифами на камняхъ горы. Такъ вотъ она тайна Серебрянаго озера!

При болѣе тщательномъ изслѣдованіи геологіи острова выяснилось, что на немъ находилась почва той же формации, какъ въ серебряныхъ рудникахъ въ Салѣ, что ясно указывало на существованіе скрытыхъ богатствъ.

Теперь онъ нашелъ тотъ высшій интересъ, который

долженъ былъ пополнить пустоту жизни, и онъ уцѣпился за него, какъ за единственное, что оставалось ему.

Послѣ того, какъ онъ тщетно старался отыскивать то мѣсто, гдѣ когда-то былъ вырытъ каналъ, онъ добылъ себѣ молотокъ и рѣзецъ, сталъ ходить въ горы и тамъ искалъ выхода руды. Отъ людей, съ которыми встрѣчался, онъ тайны изъ этого не дѣлалъ; напротивъ, онъ старался заинтересовать ихъ въ предпріятіи. Но они были къ этому равнодушны.

Въ то же время онъ пытался дравировать дно Серебрянаго озера, чтобы достать обломки каменныхъ плитъ, лежащихъ на днѣ озера. Но это ему плохо удавалось. Когда онъ предложилъ обывателямъ вырыть каналъ и отвести воду изъ озера, они разсердились.

Его попытки заинтересовать въ городѣ людей понимающихъ наткнулись на холодность и на возраженіе, будто свинцовый блескъ находится всюду.

Онъ объ этомъ писалъ въ газетахъ, и всѣ находили, что это очень интересно.

Онъ съ чертежами въ рукахъ бѣгалъ узнавать, не составится ли компанія на акціяхъ, но у него требовали анализовъ, пробъ и подробную карту мѣстонахожденія рудника, но такъ какъ у него ничего этого не было, то онъ уходилъ ни съ чѣмъ.

Подъ конецъ онъ настолько сократилъ свои притязанія, что предлагалъ заняться ломкой известняка, что было бы не безвыгодно, а тогда проявился бы и свинецъ и серебро. Но всеобщее равнодушіе пересилило корысть.

Но онъ еще находился въ томъ настроеніи, когда противодѣйствіе придаетъ силы и энергіи, и какъ бы под-

стрекаетъ къ работѣ. Онъ приобрѣлъ себѣ горный буравъ и динамитъ, твердо рѣшившись вырыть каналъ и спустить въ море всю воду озера.

Сдѣлавъ необходимыя вычисленія, онъ убѣдился, что истокъ воды долженъ будетъ пройти какъ-разъ по бугру, связанному для него съ воспоминаніями о дѣтяхъ и ихъ первой ловлѣ. Но это ничего не значило. Теперь ему все было безразлично.

И вотъ стоитъ онъ съ буравомъ въ рукахъ и стучить такъ, какъ-будто кого-то по головѣ бьетъ. Больно рукамъ, больно головѣ, но одна боль, думаетъ онъ, облегчаетъ другую.

Когда онъ сдѣлалъ скважину въ четверть метра, пришли рыбаки, заинтригованные шумомъ, и подъ угрозой пожаловаться лэндсману запретили ему продолжать.

Это вызвало крупный разговоръ, и обитатели острова воспользовались случаемъ, чтобы высказать ему все, что накопилось у нихъ на сердцѣ за послѣдній годъ. Они коснулись его частной жизни, его молчаливаго горя, его семейныхъ отношеній, его поведенія.

Онъ, какъ бы обнаженный, стоялъ передъ ними; ему было стыдно; онъ не могъ рѣшиться отвѣчать имъ и пришелъ въ уныніе.

Онъ теперь дошелъ до такого состоянія, когда сопротивленіе кажется непоборимымъ, когда думаешь, что приходится бороться противъ какой-то высшей силы и считаешь себя побѣжденнымъ, такъ какъ лежишь на землѣ и чувствуешь, что врагъ схватилъ тебя за горло.

Идя домой, онъ остановился на горѣ, чтобы посмотреть, дѣйствительно ли тамъ начерчено римскимъ шриф-

томъ число 107. Онъ отыскалъ тѣ плоскіе уступы скалъ, но ни буквѣ, ни цифрѣ не было видно.

Затѣмъ онъ разыскалъ снова мать сосѣда и спросилъ у нея, вѣрно ли, что кусочекъ руды найденъ на островѣ.

— Этого я вспомнить никакъ не могу, — отвѣчала старуха.

Придя домой, онъ раскрылъ сочиненіе по химіи и нашелъ тамъ, что атомный вѣсъ серебра обозначенъ числомъ 108 съ десятичной дробью, но не числомъ 107.

Это было для него истиннымъ утѣшеніемъ, такъ какъ эта игра чиселъ сдѣлала его почти суевѣрнымъ, а онъ всегда дорожилъ тѣмъ, что былъ свободенъ отъ суевѣрія.

Смѣшно было, что онъ поторопился въ минуту откровенія разказать постороннимъ о странныхъ совпаденіяхъ съ числомъ 107, отчасти для того, чтобы поддѣлаться къ нимъ суевѣрію. Но и тутъ онъ себя только скромпромстировалъ, потому что ихъ суевѣріе такъ далеко не простиралось.

— Можно ли такому вздору вѣрять! — говорили они съ насмѣшкой.

Но съ Серебрянымъ озеромъ было другое дѣло, и люди были хитрѣй его, такъ какъ они не пожелали никакихъ дальнѣйшихъ объясненій.

Когда пароходъ отчаливалъ отъ острова, консерваторъ сидѣлъ въ каютѣ-компаніи, весь съежившись, глядя передъ собой, какъ бы думая, что онъ можетъ въ одно и то же время сдѣлать себя невидимымъ для другихъ и слѣпымъ. Но вдругъ, подъ влияніемъ теченія съ фіорда, паро-

ходъ такъ накренился, что иллюминаторы нырнули въ воду.

Въ круглое окошечко онъ увидѣлъ, какъ въ туманъ, но на одно мгновеніе, — мельницу, домики, гору.

«Ослѣпленіе, чертовское ослѣпленіе все это!» — подумалъ онъ.

Въ это самое мгновеніе большихъ размѣровъ морская чайка закричала надъ самымъ иллюминаторомъ: Гэкъ! Гаухъ! Гэкъ! Гаухъ!

— Проклятіе! — прошепталъ консерваторъ, легъ на койку и укрылся съ головой одѣяломъ.

Десять лѣтъ спустя, когда консерваторъ уже давно покинулъ свою должность и исчезъ съ горизонта, въ одной изъ утреннихъ газетъ была напечатана слѣдующая записка:

«Сокровища въ горахъ острова ***

«Въ истекшее лѣто были произведены изслѣдованія на островѣ *** въ Стокгольмскихъ шхерахъ, на предметъ обнаруженія, нѣтъ ли въ горахъ этого острова полезныхъ минераловъ. Эти изслѣдованія увѣнчались успѣхомъ. Были обнаружены различнаго рода каменные породы, какъ-то: разнаго сорта мраморъ, полевой шпатъ, кварцъ и т. д.

«Эти изысканія, произведенныя свѣдущими людьми, имѣли своимъ послѣдствіемъ покупку цѣлаго ряда недвижимостей на островѣ. Чтобы имѣть въ рукахъ своихъ всѣ горы острова, пришлось приобрести всѣ тѣ части крестьянскихъ угодій, на которыхъ находились эти цѣнныя горы.

«Если прежніе владѣльцы были лишены такимъ образомъ возможности сами пользоваться драгоценными мине-

ралами, то зато они продали свои земли, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать процентовъ дороже цѣны, которую далъ бы имъ всякой другой покупатель.

«Къ осени начались работы въ каменоломняхъ, и уже стали перевозить камни въ Стокгольмъ. Весной работы возобновятся въ большемъ масштабѣ».

Эрикъ XIV.

Переводъ
Е. Барсовой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Эрикъ XIV.

Георгъ Перссонъ.

Сванте Стуре.

Нильсъ Стуре.

Эрикъ Стуре.

Нильсъ Гиленшёрнъ.

Каринъ Монсдоттеръ.

Мать Георга Перссона.

Агда.

Марія, ея дочь, трехъ лѣтъ.

Герцогъ Іоганнъ.

Катерина Стенбокъ — вдова Густава Вазы.

Герцогъ Карлъ.

Педеръ Веламсонъ, племянникъ Георга
Перссона.

Офицеръ Максъ.

Сторожъ при мостѣ.

Придворный.

Монсъ, отецъ Каринъ.

Лейонхуввудъ.

Стенбокъ.

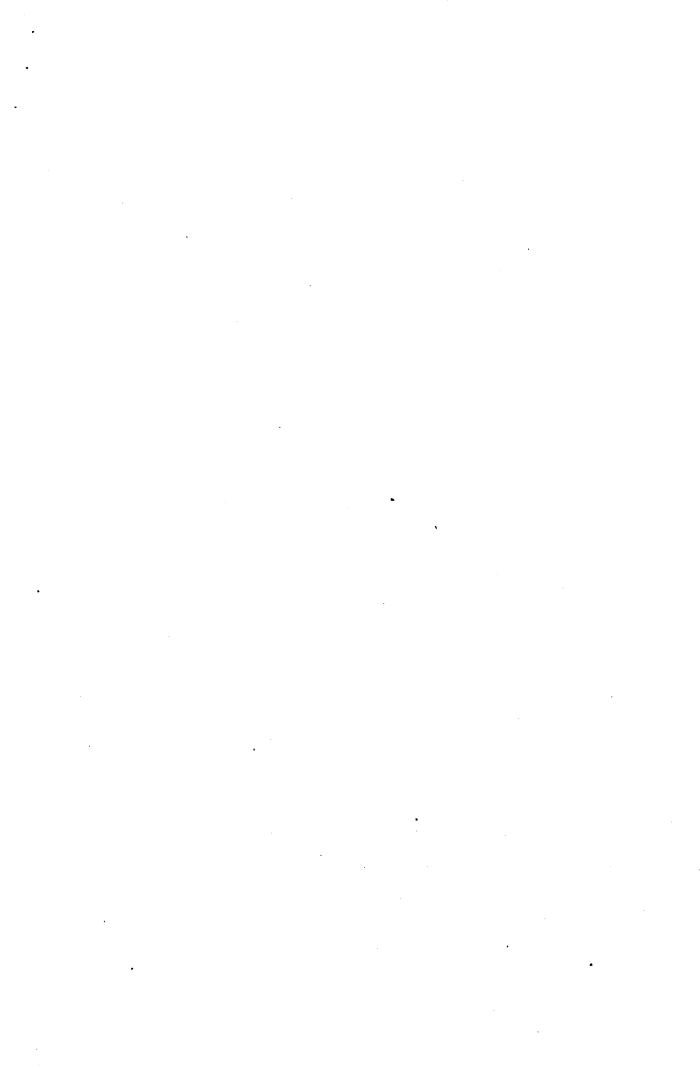
Дѣйствіе I: Терраса передъ замкомъ.

Дѣйствіе II: Въ домѣ Георга Перссона.

Дѣйствіе III: Карт. 1-я: Берегъ Медарскаго озера. Карт. 2-я: Заль въ
Упсальскомъ замкѣ. Карт. 3-я: Та же.

Дѣйствіе IV: Карт. 1-я: Въ домѣ Монса. Карт. 2-я: Комната въ башнѣ.
Карт. 3-я: Заль въ Стокгольмскомъ замкѣ.

АКТЪ I.

Площадка передъ Стокгольмскимъ дворцомъ. Въ глубинѣ сцены балюстрада съ тосканскими колоннами; между колоннами фарфоровыя вазы съ цвѣтами. На заднемъ планѣ деревья; между вѣтвями деревьевъ виднѣются верхушки мачтъ, украшенныя флагами. Совсѣмъ вдали—колокольня и фасадъ замка. На площадкѣ: кусты, скамьи, стулья и столы.

Каринъ сидитъ у стола и шьетъ.

Максъ стоитъ около нея, опершись на аллебарду.

Каринъ. Не подходи близко! Король сидитъ у окна наверху и наблюдаетъ за нами.

Максъ. Гдѣ же?

Каринъ. Направо; ради Бога, только не смотри туда!.. Ты еще долго будешь дежурнымъ?

Максъ. Еще съ полчаса!

Каринъ. Ну, тогда говори! Максъ, родной мой, другъ моей юности...

Максъ. А когда-то ты называла меня своимъ «милымъ»!

Каринъ. Теперь я не смѣю объ этомъ вспоминать, я стала недостойна твоей любви!

Максъ. Зачѣмъ же ты такъ сдѣлала? Вѣдь ты не любишь своего любовника?

Каринъ. Что значить любить? У меня была къ нему материнская любовь. Первое время мнѣ было его жаль, онъ напоминалъ мнѣ мою послѣднюю куклу — «Блѣдную Слѣ-пую», —я такъ и называла его. Я покорялась своей судьбѣ, потому что при мнѣ онъ чувствовалъ себя сильнѣе и покойнѣе, радовалась также, что мнѣ удастся пробуждать въ его душѣ добрыя чувства, и сама становилась лучше, благодаря любви его ко мнѣ. Теперь же мнѣ дѣлается просто страшно: онъ слишкомъ преувеличилъ мои достоинства — сталъ считать меня чѣмъ-то въ родѣ своего ангела-хранителя. Представь себѣ, что, если вдругъ у него откроются глаза и онъ замѣтитъ все мое ничтожество... Увы! Какъ онъ тогда возненавидитъ меня, какой я покажусь ему лицемѣрной и лгуньей! Боже мой! Отодвинься, Максъ! Онъ пошевелился!

Максъ отодвигается. Я встрѣтилъ вчера твоихъ отца съ матерью!

Каринъ. Да? Ну, что же мать?

Максъ. Все то же.

Каринъ. Она все презираетъ — королевскую любовницу. Что жъ, она права; да впрочемъ, и я не виновата. А все-таки тяжело! Ну, а отецъ?

Максъ. Тотъ грозился, что, если еще разъ встрѣтится съ тобой на мосту, то собственноручно сброситъ тебя въ воду.

Каринъ. А сестры-то, знаешь, перестали со мной кланяться! Видно, у всѣхъ свое самолюбіе — и у бѣдняковъ и у насъ, погибшихъ!

Максъ. Бросай все и уйдемъ вмѣстѣ!

Каринъ. Чтобы мой позоръ палъ и на тебя?

Максъ. Нѣтъ; этотъ позоръ я уничтожу священнымъ союзомъ брака...

Каринъ. А мои дѣти!

Максъ. Они станутъ и моими.

Каринъ. Ты такъ хорошо говоришь, Максъ, что я тебѣ вѣрю; но...

Максъ. Тихе, я вижу тамъ, въ кустахъ, насъ подслушиваетъ пара ушей, и этой парѣ ушей самое бы настоящее мѣсто—на висѣлицѣ...

Каринъ. Георгъ Перссонъ—онъ былъ въ опалѣ, а теперь опять старается подслужиться къ королю.

Максъ. Ты не должна этого допускать!

Каринъ. Если бы я могла! Всѣ воображаютъ, что я всеильна, а между тѣмъ я совершенно безильна.

Максъ. Уйдемъ!

Каринъ. Не могу,—Эрикъ говоритъ, что если я его брошу, то онъ умретъ.

Максъ. Да пускай умираетъ!

Каринъ. Нѣтъ! Ни ему и никому другому не слѣдуетъ желать смерти—за это Богъ наказываетъ! Теперь иди, Максъ, а то Георгъ насъ подслушиваетъ!

Максъ. Нельзя ли намъ встрѣтиться сегодня вечеромъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, чтобы никто намъ не мѣшалъ продолжать нашъ разговоръ?

Каринъ. Нѣтъ, не надо! Нельзя!

Максъ. Каринъ, вѣдь ты прекрасно знаешь, что король собирается жениться! А какъ ты думаешь, что тебя ожидаетъ тогда?

Каринъ. Зачѣмъ раньше времени думать,—тогда я и рѣшу, какъ мнѣ поступить!

Максъ. Тогда будетъ уже поздно! Вспомни Генриха VIII, отца Елизаветы Англійской; изъ его фаворитокъ ни одна не осталась въ живыхъ, всѣ погибли на эшафотѣ. А теперь дочь этого звѣря сдѣлается твоей королевой! Уже одно твое существованіе будетъ для нея оскорбленіемъ, и конечно она сумѣетъ отъ тебя отдѣлаться!

Каринъ. Какой ужасъ! Уходи скорѣй и не смотри наверхъ; онъ уже на балконѣ...

Максъ. Какъ ты можешь это видѣть?

Каринъ. Въ зеркалѣ, въ моемъ рабочемъ ящикѣ! Иди, онъ уже тебя замѣтилъ и собирается чѣмъ-то въ тебя запустить...

Громадный гвоздь падаетъ около Макса.

Максъ. Гвоздь! Ужъ не принялъ ли онъ меня за троля?

Каринъ. Богъ его знаетъ! Онъ вѣрнѣе во всѣ злыя силы и ни въ одну добрую! Уходи теперь поскорѣе, ради Христа!

Максъ. Хорошо! Позови меня, Каринъ, когда я буду тебѣ нѣженъ!

Каринъ. Ступай скорѣе, пожалуй, вслѣдъ за гвоздемъ полетитъ сейчасъ и молотокъ!

Максъ. Что онъ сумасшедшій что ли?

Каринъ. Молчи! И уходи, уходи какъ можно скорѣй! Максъ уходитъ.

Георгъ Перссонъ сначала показывается между деревьями, потомъ выходитъ изъ рощи.

Каринъ. Что вамъ здѣсь надо?

Георгъ Перссонъ. Васъ, фрекенъ; у меня есть для васъ и хорошія и важныя новости.

Каринъ. Развѣ отъ васъ можно ожидать чего-нибудь хорошаго?

Георгъ Перссонъ. По отношенію къ другимъ иногда случается, по отношенію къ себѣ—никогда!

Каринъ. Говорите, только смотрите, чтобы король васъ не замѣтилъ,—онъ на балконѣ,—не оглядывайтесь!

Георгъ Перссонъ. Напрасно мой король все еще гнѣвается на меня: ему не найти болѣе преданнаго друга, чѣмъ я...

Каринъ. Особенно, судя по вашимъ словамъ!

Георгъ Перссонъ. Я самъ знаю, что мнѣ рѣдко случается сдѣлать что-нибудь хорошее, но ужъ если случится, такъ я не ставлю себѣ это въ заслугу. Слушайте же, фрекенъ! Сватовство короля въ Англии не удалось. Это чрезвычайно важно для васъ и для вашихъ дѣтей, для государства же...

Каринъ. А это правда?

Георгъ Перссонъ. Какъ то, что я существую. Но—слушайте! Король еще не получалъ этого извѣстія. Берегитесь сообщать ему о немъ! Постарайтесь только находиться вблизи въ моментъ предстоящаго ему удара,—эта разбитая надежда потрясетъ его до глубины души!

Каринъ. Я чувствую, что вы теперь говорите правду и что вы дѣйствительно другъ мнѣ и королю!

Георгъ Перссонъ. Да, но онъ-то не другъ мнѣ!

Желѣзный молотокъ летитъ въ Георга Перссона, но не попадаетъ въ него.

Георгъ Перссонъ поднимаетъ молотокъ, цѣлуетъ его и кладетъ на столъ. Жизнь за моего короля!

Каринъ. Уходите, а то онъ васъ убьетъ!

Георгъ Перссонъ. Пускай!

Каринъ. Онъ сегодня капризенъ! Берегитесь! Летитъ горшокъ съ цвѣтами, но опять мимо.

Георгъ Перссонъ. Онъ бросаетъ мнѣ цвѣты! Срываетъ одинъ цвѣтокъ, нюхаетъ и засовываетъ въ петличку.

Эрикъ сверху смѣется. Ха, ха, ха!

Георгъ Перссонъ. Онъ смѣется!

Каринъ. Ужъ годъ, какъ я не слыхала его смѣха
Это хорошій признакъ!

Георгъ Перссонъ кричитъ наверхъ. Еще! еще! Летитъ стулъ и разбивается. Георгъ Перссонъ собираетъ обломки и разсовываетъ ихъ по карманамъ.

Каринъ смѣется. Это ужъ черезчуръ!

Георгъ Перссонъ. Пускай я буду придворнымъ шутомъ, если сами боги неспособны развеселить моего господина!

Каринъ. Не наступите на гвоздь, Георгъ!

Георгъ Перссонъ (снимаетъ башмаки и наступаетъ на гвоздь). Даже голыми ногами, если это позабавитъ моего господина!

Эрикъ сверху. Георгъ!

Георгъ Перссонъ. Георгъ въ опалѣ!

Эрикъ. Георгъ, стой! Не уходи!

Каринъ Георгу. Не уходите! Цѣлый ворохъ башмаковъ подушекъ и платковъ летитъ сверху.

Эрикъ. Ха, ха, ха, ха! Георгъ, подожди, я сейчасъ сойду внизъ!

Георгъ Перссонъ Каринъ. По первому его требованію я буду здѣсь.

Каринъ. Боюсь, не пришлось бы мнѣ раскаяться, но я сама васъ прошу теперь остаться, Георгъ! Эрикъ и безъ того несчастенъ, а когда онъ узнаетъ о своей неудачѣ, ему будетъ еще хуже!

Георгъ Перссонъ. Эрикъ совсѣмъ не несчастенъ, а просто скучаетъ, короли же никогда не должны скучать—они тогда становятся опасными. Я не дамъ ему скучать; мнѣ надо еще зайти по дѣлу, надо...

Каринъ. Постарайтесь быть около въ моментъ катастрофы, а то она обрушится на всѣхъ насъ!

Георгъ Перссонъ. Я одинъ встрѣчу бурю,—я уже къ этому привыкъ, я всегда былъ козломъ отпущенія за всѣ его промахи!

Каринъ. Георгъ! Одно слово! Вы слышали мой разговоръ съ офицеромъ Максомъ?

Георгъ Перссонъ. Отъ слова до слова!

Каринъ. Я васъ боюсь, но намъ необходимо быть друзьями!

Георгъ Перссонъ. Это единственный вѣрный путь!

Каринъ. Только не раскаяться бы мнѣ!

Георгъ Перссонъ. Фрекенъ, мы съ вами связаны самыми тѣсными узами, узами крови, видите ли, а онѣ прочны! Уходить.

Эрикъ входитъ справа, одновременно съ нимъ придворный—слѣва.

Придворный. Ваше величество!

Эрикъ. Говори!

Придворный. Еврей Нигельсъ просить позволенія войти и показать готовыя регалии.

Эрикъ. Пусть войдетъ! Къ Каринь. Каринь, сейчасъ ты увидишь нѣчто великолѣпное!

Ювелиръ Нигельсъ съ кожанымъ футляромъ въ рукахъ.

Эрикъ. Здравствуй, Нигельсъ! Ты аккуратный человекъ—это я люблю! Указывая на столъ. Положи сюда!

Нигельсъ кладетъ футляръ на столъ и достаетъ изъ него золотую корону, усыпанную брилліантами.

Эрикъ. Ахъ. Хлопаетъ въ ладоши. Взгляни-ка, Каринь!

Каринь, продолжая работать. Я вижу, мой другъ! Очень красиво!

Эрикъ. Смотри, Шведскій Левъ склоняется передъ Англійскимъ Леопардомъ!

Каринь. Эрикъ, Эрикъ!

Эрикъ. Что ты?

Каринь. Для кого эта корона?

Эрикъ. Для юной королевы Британской и моей! Когда черезъ море мы подадимъ другъ другу наши руки, когда Норвегія обнимется съ Даніей,—вся Европа будетъ наша! Вотъ значеніе этихъ шести дугъ съ шестью брилліантами! Беретъ корону и хочетъ ее надѣть на голову Каринь. Попробуй, не тяжела ли она?

Каринь, уклоняясь. Навѣрно, тяжела для меня!

Эрикъ. Дай же примѣрить! Ну, будешь ты слушаться!

Каринь. Если Эрикъ отъ меня требуетъ только послушанія, я, какъ всегда, его покорная раба!

Эрикъ надѣваетъ ей на голову корону. Взгляни, какъ къ

гсбѣ идетъ! Посмотрись въ зеркало. Въ твоёмъ рабочемъ ящикѣ есть зеркало; твой господинъ его великолѣпно изучилъ. Послушай-ка, здѣсь былъ Георгъ? Куда же дѣлся этотъ сумасбродъ?

Каринъ. Онъ испугался гнѣва своего господина!

Эрикъ. Ахъ, гнѣва! Стоитъ ли объ этомъ говорить! Развѣ я злопамятенъ? Вѣдь послалъ же я въ качествѣ свата молодого Стуре, несмотря на то, что во время войны съ Даніей онъ оказался измѣнникомъ и былъ въ опалѣ!

Каринъ. Теперь мнѣ можно снять корону?

Эрикъ. Не перебивай, когда я говорю! Конечно, многие обвиняли меня въ несправедливости по отношенію къ Стуре, но я не обращаю на это вниманія, а между тѣмъ... Въ раздумьѣ опускаетъ голову, потомъ разсѣянно озирается и пристально смотритъ вдаль, погруженный въ свои мысли.

Королева-вдова проходитъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по сценѣ безъ опредѣленной цѣли.

Эрикъ приходитъ въ себя. Что вамъ здѣсь угодно, ма-чеха? Будьте любезны, гуляйте около замка! Прошу васъ.

Королева-вдова взглядываетъ на Каринъ, та смущается.

Эрикъ, срывая корону съ головы Каринъ. Швеція, Норвегія, Данія, Англія, Шотландія и Ирландія! Вотъ что значатъ шесть брилліантовъ!

Ювелиръ Нигельсъ отходитъ въ глубину сцены.

Королева-вдова. Эрикъ!

Эрикъ. Король Эрикъ, если позволите!

Королева-вдова. И королева Каринъ, можетъ быть.

Эрикъ. И королева Елизавета, смѣю васъ просить. Или Марія Шотландская, или Рената Лотарингская, а въ худшемъ случаѣ Кристина Гессенская!

Королева-вдова. Ты не такъ страшень, какъ жа-локъ. Несчастнй Эрикъ!

Эрикъ. Пожалуйста, не обращай вниманія на баблю болтовню, Каринъ; она считаетъ меня неудачникомъ, а не знаетъ того, что я держу въ рукахъ шесть королевствъ; да, потому что Стуре писалъ мнѣ изъ Англїи, что мои шансы тамъ болѣе чѣмъ блестящи—да, болѣе чѣмъ блестящи! Онъ съ минуты на минуту долженъ быть здѣсь. Кстати, сегодня ночью я все это видѣлъ во снѣ! Гм! Да иначе и быть не можетъ! Вѣдь правда, ты меня такъ любишь, Каринъ, что тебя только можетъ радовать мой успѣхъ?

Каринъ. Меня, конечно, радуетъ твой успѣхъ, но отъ твоихъ неудачъ я страдаю больше, чѣмъ ты самъ, а между тѣмъ, каждый человекъ долженъ быть готовъ къ неудачѣ.

Эрикъ. И я въ томъ числѣ! Но ты себѣ представить не можешь, какую я затѣялъ сейчасъ блестящую игру! Всѣ четыре туза на рукахъ! Нигельсу. Теперь ты можешь уйти, Нигельсъ; мы еще увидимся!

Герцогъ Юганнъ появляется въ глубинѣ сцены.

Эрикъ. Иди, сюда, рыжій Гансъ, ты, навѣрно, по дѣлу! Сегодня я добръ.

Каринъ. Ахъ, не связывайся ты съ нимъ! Онъ такой злобный! Герцогъ Юганнъ подходитъ.

Эрикъ. Братъ мой, по зрѣломъ размышленіи, я рѣшилъ исполнить твою просьбу. Катерина Польская будетъ твоей!

Герцогъ Юганнъ. Милостивое разрѣшеніе моего короля на бракъ, къ которому я стремлюсь всѣмъ сердцемъ, наполняетъ меня чувствомъ радости и благодарности!

Эрикъ. То-то! Не забывай же и на будущее время, что ты сдѣлался зятемъ короля, а твой сынъ—наслѣдникомъ трона Ягелло, благодаря одному изъ Вазовъ! Я сдѣлаю изъ Англїи крѣпость для сѣвера, ты долженъ сдѣлать изъ Польши крѣпость для юга и запада,—дальнѣйшее можешь самъ себѣ представить!

Герцогъ Іоганнъ. Государственныя мечты моего высокаго брата подобны полету орла,—гдѣ же мнѣ, несчастному воробью, услѣдить за ними!

Эрикъ. Хорошо! Иди съ миромъ и воспользуйся радостью господина своего, какъ онъ самъ ей пользуется!

Герцогъ Іоганнъ. Простите, братъ мой, но такой важный актъ требуетъ вашего письменнаго удостовѣренія, закрѣпленнаго нашей печатью!

Эрикъ. Ты какъ какой-нибудь фогтъ,—не способенъ вѣрить на слово... ну, вотъ моя рука! А царица моего сердца будетъ свидѣтельницей!

Герцогъ Іоганнъ цѣлуетъ руку у Эрика, потомъ у Каринь и быстро уходитъ. Благодарю!

Эрикъ къ Каринь. Ушелъ-то скорѣе, чѣмъ вошелъ. Мнѣ всегда чудится, что за нимъ волочится лисій хвостъ. Какъ по-твоему — онъ фальшивый или нѣтъ?

Каринь. Нѣтъ, я не нахожу.

Эрикъ. Твои симпатїи къ моимъ врагамъ ужъ что-то слишкомъ очевидны!

Каринь. Ты всѣхъ считаешь своими врагами, Эрикъ...

Эрикъ. Потому что всѣ меня ненавидятъ, да! Впрочемъ и я ихъ всѣхъ ненавижу! Слушай, Каринь, о чемъ это ты болтала съ этимъ офицеромъ?

Каринь. Съ Максомъ? Онъ мой родственникъ.

Эрикъ. Тебѣ неудобно быть въ близкихъ отноше-
ніяхъ съ какимъ-то солдатомъ.

Каринъ. А кто же я-то, какъ не солдатская дочь;
чѣмъ мнѣ гордиться,—ужь не тѣмъ ли, что я сдѣлалась
фавориткой?

Эрикъ. Фавориткой короля!

Каринъ. Эрикъ, Эрикъ!

Эрикъ. Я говорю правду...

Каринъ. Какъ же ты назовешь нашихъ дѣтей?

Эрикъ. Моими дѣтьми,—это другое дѣло...

Каринъ. Какъ же другое?

Эрикъ. Ты желаешь ссориться? Да?

Каринъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Если бы я только могла
все высказать!

Эрикъ. Гдѣ Георгъ? Когда ты желаешь ссориться,
Георгъ мнѣ необходимъ. Онъ одинъ понимаетъ всѣ скры-
тые изгибы моей души, угадываетъ всѣ мои мысли; онъ
мой братъ и другъ, потому-то ты его и ненавидишь!

Каринъ. Это неправда, хотя бы ужь потому, что онъ
умѣетъ развлечь моего господина...

Эрикъ. Теперь ужь это стало неправдой! Что же
случилось? Вѣрно, онъ бранилъ меня!

Каринъ. О, Боже мой! Какой ты несчастный, мой
Эрикъ, бѣдный мой Эрикъ!..

Эрикъ. Бѣдный? Я? Стыдись!

Придворный входитъ. Господинъ Нильсъ Стуре сви-
дѣтельствуетъ свое почтеніе и проситъ позволенія войти.

Эрикъ. Наконецъ-то!

Каринъ поднимается съ мѣста. Мнѣ уйти?

Эрикъ. Нѣтъ, останься! Или ты завидуешь своему бѣдному Эрику?

Каринъ. Боже, сохрани! Развѣ можно ему завидовать!

Эрикъ. Твоя дерзость, наконецъ, переходитъ всякія границы! Берегись, Каринъ. Боги не любятъ дерзкихъ.

Сванте Стуре, Нильсъ Стуре и Эрикъ Стуре.

Эрикъ. Это что за шествіе! Господинъ Нильсъ, вы предводительствуете обычнымъ или триумфальнымъ шествіемъ!

Сванте Стуре. Съ позволенія вашего величества, нашего короля...

Эрикъ. Пусть говоритъ Нильсъ, нашъ королевскій посолъ. Онъ, вѣроятно, не выполнилъ своей миссии, если является съ двумя свидѣтелями...

Сванте Стуре. Нѣтъ, это не такъ; но дорого стоившій и печальный опытъ, о которомъ грустно вспоминать, научилъ меня, главу семейства Стуре, совершать всѣ общественныя дѣла гласно, чтобы не давать повода злорѣчивой молвѣ перетолковывать и искажать вполне ясныя поступки и слова!

Эрикъ стоитъ у стола съ короной. Ужъ не желаешь ли, ты, Сванте, изъ мести отравить мнѣ самый прекрасный и великій день моей жизни, напоминая мнѣ о преступленіи своего сына, которое изъ милости я простилъ ему?

Сванте Стуре. Г. Нильсъ никогда никакого преступленія не совершалъ!

Эрикъ. Съ нами крестная сила! Человѣкъ въ военное время отказывается исполнить возложенное на него порученіе, и это по-вашему...

Сванте Стуре. Онъ отказался только совершить безчеловѣчный поступокъ!

Эрикъ. Война всегда безчеловѣчна а кто не имѣсть, мужества колоть враговъ, тому надо сидѣть дома за печкой. Ну, довольно объ этомъ! Къ дѣлу, г. Нильсъ, и довольно!

Нильсъ Стуре. Ваше величество, тяжело мнѣ передавать вамъ возложенное на меня порученіе...

Эрикъ. Гдѣ письмо?

Нильсъ Стуре. Никакого письма нѣтъ; къ сожалѣнію—только устный отвѣтъ, и я принужденъ сильно смягчить его, чтобы не оскорбить вашъ слухъ?

Эрикъ. Отказъ?

Нильсъ Стуре послѣ паузы. Да!

Эрикъ. Ты доволенъ, дьяволъ!

Нильсъ Стуре. Боже сохрани, нѣтъ...

Эрикъ. Ты же смѣешься, втихомолку, чорты!

Сванте Стуре. Нѣтъ, онъ не смѣется!

Эрикъ. Въ душѣ онъ смѣется! И ты, старая шельма, смѣешься! Вы всѣ трое смѣетесь! Каринъ, ты видишь, что они надо мной смѣются?

Каринъ. Нѣтъ, клянусь всѣмъ святымъ...

Эрикъ. И ты заодно? Это какой-то адскій заговоръ! Вонъ, вонъ, вонъ, убирайтесь къ дьяволу! Вонъ, черти! Вонъ! Запускаетъ сначала короной, потомъ всѣми сброшенными раньше предметами вслѣдъ удаляющимся Нильсу и Эрику.

Сванте Стуре остается на мѣстѣ. Горе той странѣ, которую править безумный король!

Эрикъ. Это ты меня-то, своего короля, называешь безумнымъ! Ахъ, ты, мерзавецъ, собачій сынъ!

Каринъ. Эрикъ, Эрикъ!

Эрикъ. Замолчи!

Сванте Стуре уходитъ. Помилуй насъ, Боже!

Эрикъ. Но ужъ я-то тебя никогда ни помилую, будь увѣренъ.

Эрикъ къ Каринъ. Теперь ты довольна, да? Ну, отвѣчай же! Впрочемъ, не надо—я самъ знаю, что ты теперь чувствуешь, что ты думаешь, что бы ты сказала, если бы посмѣла говорить. И какъ же тебѣ не радоваться: твоя соперница мнѣ отказала, да еще всячески поносила меня. Ты намѣрена теперь совсѣмъ забрать меня въ свои руки? Да? Воображаешь, что я погибаю, и собираешься меня утѣшать! Тебѣ ли меня утѣшить! Чернь посмѣется надъ моею неудачей, а дворяне отпразднуютъ мое униженіе! А ужъ если только я сегодня встрѣчу твоихъ отца съ матерью, я ихъ собственноручно убью; вотъ кто порадуется-то! А мачеха! Я точно вижу, какъ она смѣется и скалитъ свой беззубый ротъ,—у нея на верхней челюсти нѣтъ одного зуба,—должно-быть его выбилъ мой покойный батюшка. Вся страна сегодня ликуетъ, всѣ радуются, только одинъ я! я! Ха, ха, ха!

Придворный входитъ. Господинъ Нильсъ Гиленшёрнь!

Эрикъ. А, Гиленшёрнь! Слава Богу! Это преданный, единственный преданный мнѣ человекъ! Внеси его на золотомъ креслѣ!

Каринъ встаетъ. Можно мнѣ теперь уйти?

Эрикъ. Да, убирайся къ чорту! Бросаетъ ей вслѣдъ рабочий ящикъ. Иди, сплетничай на здоровье! Нильсъ Гиленшёрнь входитъ.

Эрикъ. Вотъ онъ и Нильсъ! Пріятно послушать умнаго челоѣвка послѣ сумасшедшихъ! Скажи-ка мнѣ, Нильсъ, что это за исторія съ Англіей-то? Эта баба сумасшедшая что ли?

Нильсъ Гиленшёрнъ. Нѣтъ, ваше величество, все очень просто: ея сердце, какъ говорится, принадлежитъ графу Лейчестеру—вотъ и все, что я могу вамъ сказать!

Эрикъ. Ха, ха, ха! Онъ ея любовникъ! Значить, она потаскушка!

Нильсъ Гиленшёрнъ. Несомнѣнно, что молодая королева—не дѣвушка.

Эрикъ. Его фамилія Лейчестеръ? Нельзя ли съ нимъ покончить.

Нильсъ Гиленшёрнъ. Конечно, можно за хорошее вознагражденіе.

Эрикъ. Ты согласенъ?

Нильсъ Гиленшёрнъ. Я?

Эрикъ. Десять тысячъ талеровъ! Идетъ?

Нильсъ Гиленшёрнъ. Я? Это шутка?

Эрикъ. Почему шутка? Можно эту сумму дать впередъ!

Нильсъ Гиленшёрнъ. Неужели, ваше величество вы считаете меня способнымъ сдѣлаться убійцей!

Эрикъ. А васъ это оскорбляетъ?

Нильсъ Гиленшёрнъ. Шведскій дворянинъ...

Эрикъ. И шведскій король! Ужъ не собираешься ли ты учить меня нравственности?

Нильсъ Гиленшёрнъ. Я шелъ сюда съ другими намѣреніями, но если мой король такъ мало меня уважаетъ, то я попрошу позволенія удалиться.

Эрикъ. Измѣнникъ! И ты такой же измѣнникъ! Впро-

чемъ, вся эта дворянская шайка воображаетъ себя умнѣе Вазовъ. Убирайся къ чорту! Нильсъ качаетъ головой и идетъ.

Эрикъ. Нечего головой-то трясти, а то я тебя такъ встряхну, что ты у меня съ сѣверо-запада увидишь всѣ четыре стороны свѣта! Нильсъ останавливается и смотритъ на Эрика.

Эрикъ. Смотри, смотри, не испугаюсь! Нильсъ качаетъ головой и уходитъ.

* * *

Эрикъ одинъ; ходитъ взадъ и впередъ; ему попадаютъ подъ ноги разбросанные предметы, тогда онъ бросается на диванъ, покрытый тигровой шкурой, и начинаетъ рыдать.

Георгъ Перссонъ подходитъ къ Эрику и склоняетъ одно колено. Король мой!

Эрикъ. Георгъ, это ты! Я на тебя сердился, а теперь все прошло! Садись и говори!

Георгъ Перссонъ. Спрашивайте, ваше величество!

Эрикъ. Не говори «ваше величество»! Говори со мной на ты! Тогда я становлюсь искреннѣе! Знаешь новость?

Георгъ Перссонъ. Никакой новости не знаю!

Эрикъ. Ну, такъ вотъ: я далъ отставку англійской королевѣ!

Георгъ Перссонъ. Почему же?

Эрикъ. Оказалось, что она потаскушка, у нея есть любовникъ,—словомъ дѣло кончено! Но меня бѣситъ то, что Стуре воображаютъ, будто она сама отказала мнѣ, и повсемѣстно будутъ теперь распространять слухи о моемъ позорѣ!

Георгъ Перссонъ. Избави Богъ!

Эрикъ. Георгъ, скажи, почему эти Стуре всегда стано-

вятся поперекъ дороги Вазамъ? Это идетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе,—тутъ что-то роковое! Какъ по-твоему?

Георгъ Перссонъ. Трудно сказать. Честные люди всегда нѣсколько простоваты, а Стуре принадлежитъ къ роду убійць Энгельбрехта...

Эрикъ. Это мнѣ не приходило въ голову. Можетъ-быть благодаря ихъ преступленію имъ и не удавалось достигнуть престола?

Георгъ Перссонъ. Къ тому же въ нихъ течетъ кровь Эрика св. и Фолькушеровъ; словомъ, всѣ надежды Швеціи витали вокругъ ихъ купелей. Только тебѣ все-таки нечего ихъ бояться. Ты видишь, что сама судьба, какъ говорится, благопріятствуетъ Вазамъ!

Эрикъ. За что я ихъ ненавижу! Если бы я самъ зналъ! Можетъ-быть, отчасти потому, что Сванте Стуре любилъ мою первую мачеху и до сихъ поръ еще близокъ ко второй, а ужъ эту-то я безумно ненавижу!

Георгъ Перссонъ. Король и другъ, какъ часто ты употребляешь слово «ненавижу», вѣдь, въ концѣ-концовъ, ты можешь самъ внушить себѣ ненависть ко всему человѣчеству. Брось ты эту привычку! Въ словѣ заключается громадная сила; ты одурманиваешь себя имъ, какъ заклинаніемъ! Произноси почаще слово «люблю», и ты убѣдишься въ существованіи любви.

Эрикъ. Это что-то новое, Георгъ; ты былъ тамъ и видѣлъ ее?

Георгъ Перссонъ. Да, былъ.

Эрикъ. Это Агда, конечно!

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ, не Агда, другая!

Эрикъ. Красива она?

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ, въ общепринятомъ смыслѣ—даже дурна. Но разъ, на одно мгновеніе передо мною мелькнулъ идеаль, — какъ говоритъ Платонъ, — какое-то откровеніе, что-то вѣчное за человѣческими чертами ея лица, и съ этихъ поръ—гм!—я люблю ее.

Эрикъ. Какъ странно! Когда ты говоришь люблю, — ты этого прежде стыдился, — ты дѣйствительно становишься прекрасенъ, какъ будто преображаешься...

Георгъ Перссонъ. Неужели я ужъ такъ безобразенъ.

Эрикъ. Чертовски! Да развѣ ты никогда не смотришься въ зеркало?

Георгъ Перссонъ. Я изгналъ его изъ употребленія! Но можешь себѣ представить, какое безуміе; она находить, что я красивъ. Ха! Ха!

Эрикъ. Всегда?

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ, не всегда! Только, когда я не золъ!

Эрикъ. Ха! ха! Должно-быть, когда ты послушенъ?

Георгъ Перссонъ сковфуженно, Пожалуй, что и такъ.

Эрикъ. Ты сдѣлался простофилей, Георгъ; я тебя просто не узнаю.

Георгъ Перссонъ. Тѣмъ лучше для моихъ враговъ

Эрикъ. Ты думаешь скоро жениться?

Георгъ Перссонъ. Можетъ быть!

Эрикъ. Ну, посовѣтуй теперь, на комъ же мнѣ жениться!

Георгъ Перссонъ. На Катеринѣ Польской, конечно

Тогда все Балтійское побережье наше и самъ король нашъ родственникъ.

Эрикъ вскакиваетъ. Смерть и адъ! Какая мысль! Ты замѣчательный человекъ, Георгъ; я только что говорилъ Каринь, что при тебѣ я могу не думать! Скорѣй гонца! Чортъ возьми! Три раза ударяеть въ ладоши.

Придворный входитъ.

Эрикъ внѣ себя. Послать гонца за герцогомъ Юганномъ! Схватить его живого или мертвого; если будетъ сопротивляться, связать по рукамъ и ногамъ. Мигомъ.

Придворный уходитъ.

Георгъ Перссонъ. Что это значить?

Эрикъ. Это значить, что этотъ мерзавецъ поймалъ меня на словѣ, заставилъ обѣщать, что онъ получитъ Катерину Польскую!

Георгъ Перссонъ. Досадная исторія!

Эрикъ. Точно самъ дьяволъ вмѣшался въ мою игру! Онъ, сынъ моей мачехи, родственникъ всѣмъ Стуре, получилъ бы Балтійское побережье!

Георгъ Перссонъ. Что ты сдѣлалъ, Эрикъ! Ахъ, если бы ты посоветовался со мной! Подумай только, потомки Юганна будутъ королями Великаго Царства Польскаго, такого же богатаго населеніемъ, какъ Франція, простирающагося до самой Россіи! Внуки Юганна могутъ быть королями Австрійскими, а супруга его, черезъ Сфорцовъ имѣеть владѣнія на югѣ, въ Неаполѣ! Горе намъ!

Эрикъ. Змѣю надо убивать, пока она еще въ яйцѣ...

Георгъ Перссонъ. Потомъ нахлынутъ потомки; въдь тебѣ извѣстны симпатіи Юганна къ іезуитамъ и папистамъ! Что ты надѣлалъ, Эрикъ?

Эрикъ. Самую большую глупость во всей моей жизни.

Георгъ Перссонъ. Пусть же она будетъ послѣдняя.

Эрикъ. Да, ужъ предоставляю тебѣ это занятіе! Неужели ты не замѣчалъ, что, до чего бы я ни коснулся все выходитъ глупо и скверно!

Георгъ Перссонъ. Положимъ, не всегда, но правда, что тебѣ отчасти не везетъ!

Эрикъ. А тебѣ-то? Вѣдь ты кончишь на висѣлицѣ! Но ты много умнѣе меня, конечно, и долженъ быть моимъ совѣтникомъ! Вотъ такъ награда за мое великодушіе...

Георгъ Перссонъ. Хорошо, я буду твоимъ совѣтникомъ, но совсѣмъ не желаю быть государственнымъ совѣтникомъ, на обязанности котораго лежитъ безпрекословно расхлебывать всякую кашу, какую бы ни заварили другіе, и ты долженъ облечь меня властью, сдѣлать изъ меня лицо вполне отвѣтственное. Сдѣлай меня прокураторомъ!

Эрикъ. Хорошо! Будь прокураторомъ!

Георгъ Перссонъ. Надо ждать утвержденія риксдага...

Эрикъ. Лишнее! По моему личному назначенію.

Георгъ Перссонъ. Да будетъ такъ!

Придворный входитъ.

Эрикъ. Говори!

Придворный. Яхта герцога только что отплыла съ попутнымъ вѣтромъ...

Эрикъ. Мы погибли!

Георгъ Перссонъ. Пошли погоню! Сейчасъ же!

Придворный. Но благородный г. Нильсъ Гилен-

шёрнъ поручилъ мнѣ передать одно сообщеніе, касающееся этого обстоятельства...

Эрикъ. Ну, говори скорѣй!

Придворный. Дѣло произошло втайнѣ, потому что герцогъ Іоганнъ...

Эрикъ. Георгъ! Георгъ!

Придворный. Потому что герцогъ Іоганнъ уже тайно обвѣнчанъ съ польской принцессой...

Эрикъ садится.

Георгъ Перссонъ. Тогда мы спасены; ужъ положись на меня.

Эрикъ. Ничего не понимаю...

Георгъ Перссонъ. Своимъ самовластнымъ поступкомъ герцогъ нарушилъ постановленіе Арбогарскаго Сейма, — онъ вступилъ въ союзъ съ иностранной державой. Посылай флотъ, надо его схватить, и тогда мы начнемъ процессъ. Государственный процессъ! Согласенъ?

Эрикъ. Да, но что же я-то выиграю отъ этого?

Георгъ Перссонъ. Однимъ врагомъ меньше и врагомъ опаснымъ!

Эрикъ. Значить, борьба братьевъ, раздоръ Фолькунгеровъ еще не кончился?

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ, не кончился, и миръ не воцарится въ странѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ живъ герцогъ Іоганнъ, — со стороны матери въ немъ течетъ кровь Фолькунгеровъ и короля Вальдемара. Придворному. Пусть генераль Гарнъ явится немедленно къ королю, тогда пойдетъ охота по звѣрю!

Эрикъ. Кто же изъ насъ король — ты или я?

Георгъ Перссонъ. Сейчасъ, кажется, я!
Эрикъ. Ты слишкомъ сплени, Георгъ!
Георгъ Перссонъ. Вообще-то нѣтъ! Но ты слишкомъ слабъ!

Актъ II.

Большая комната въ домѣ Георга Перссона. Въ углу направо плита съ кухонными принадлежностями; рядомъ обѣденный столъ. Направо въ углу письменный столъ Георга.

Георгъ сидитъ и пишетъ.

Мать стоитъ у плиты. Иди-ка, мальчижъ, поѣшь!

Георгъ. Некогда, мама!

Мать. Ну, тогда опять все остынетъ.

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ, а если и остынетъ,— не бѣда! Подожди, не мѣшай пожалуйста. Пишетъ.

Мать, подходя. Георгъ, ты опять устроился при дворѣ?

Георгъ Перссонъ. Да!

Мать. Почему же ты мнѣ ничего объ этомъ не ска-
заль?

Георгъ Перссонъ. Я вообще не разговорчивъ, а
многое долженъ держать въ тайнѣ...

Мать. Сколько же ты будешь получать у короля?

Георгъ Перссонъ. Сколько буду получать? Я не
спросилъ, а онъ забылъ переговорить.

Мать. Хороша служба—безъ жалованья!

Георгъ Перссонъ. Это, мама, твой взглядъ, а я мотрю на дѣло иначе.

Мать. Небось, если три раза въ день приходится собирать на столъ, не очень-то будешь смотрѣть иначе! Ну, что тебѣ дѣлать при дворѣ, Георгъ? Мало ты перенесъ униженій при покойномъ королѣ?

Георгъ Перссонъ. Униженія — это мой хлѣбъ, мама, я къ нимъ привыкъ, и они меня ужъ не трогаютъ; служба при дворѣ — мое призваніе, даже мой долгъ, потому что король слишкомъ слабъ и имѣетъ способность вооружать противъ себя всѣхъ и каждаго.

Мать. Самъ еле на ногахъ стоишь, а тоже хочешь спастъ его?

Георгъ Перссонъ. Мнѣ кажется, что я могу это сдѣлать.

Мать. Георгъ, твоя доброта часто не по силамъ, — вотъ хоть бы твой послѣдній поступокъ съ Агдой и съ ея ребенкомъ.

Георгъ Перссонъ. А кому она мѣшаетъ? Подожди, скоро и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!

Мать. Знаешь, какъ тебя отблагодарятъ за доброе дѣло?

Георгъ Перссонъ. Пожалуйста, ни слова о добрыхъ дѣлахъ; я объ этомъ не думаю и никакой благодарности не жду. Несчастливая женщина нуждалась въ помощи,—я ей помогъ. Вотъ и все!

Мать. А теперь люди говорятъ, что она твоя любовница!

Георгъ Перссонъ. Я такъ и думалъ; что жъ, — отъ этого страдаетъ она, а не я!

Мать. Такъ ли?

Георгъ Перссонъ. А что? гм!..

Мать. А если самой Агдѣ взбредетъ въ голову, что ты имѣешь на нее виды, вотъ ты и окажешься виноватымъ.

Георгъ Перссонъ. Мама! Развѣ мнѣ въ первый разъ! Вѣдь всѣ безумства Эрика падали на мою голову, даже его поступокъ съ Каринь, хотя я всѣми силами старался тутъ помѣшать. Впрочемъ, въ концѣ-концовъ, я убѣдился, что дѣйствительно Каринь единственное существо, способное сдѣлать короля нѣсколько счастливѣе и покойнѣе,—тогда я сдѣлался другомъ Каринь.

Мать. Ты всюду суешь свой носъ, Георгъ,—смотри, не обожгись.

Георгъ Перссонъ. О, нѣтъ!

Мать. Не надѣйся на князей!..

Георгъ Перссонъ. Я ни на кого не надѣюсь, кромѣ себя! Я рожденъ для власти, а не для трона, а такъ какъ властвовать я могу только благодаря моему королю, то онъ мое солнце. Солнце мое зайдетъ, потухну и я,—вотъ и все!

Мать. А ты любишь Эрика?

Георгъ Перссонъ. И да — и нѣтъ! Между нами есть что-то общее, мы съ нимъ точно одной породы или родились подъ одной звѣздой. Мы ненавидимъ и любимъ одно и то же, а это сближаетъ.

Мать. Ну, сынъ мой, иди своей дорогой, я же не въ силахъ ни слѣдовать за тобой ни удержать тебя. Тише—Агда!

Агда съ трехлѣтней дочерью. Здравствуйте, тетя, здравствуйте, Георгъ.

Георгъ Перссонъ. Здравствуй, дитя; иди сюда Марія, здороваемся!

Марія подходит къ письменному столу и трогаетъ бумаги. Здравствуй, дядя!

Георгъ Перссонъ. Ахъ, ты, милый звѣрокъ, развѣ можно рыться въ моихъ бумагахъ! Если бы ты знала, что ты дѣлаешь?

Марія. Зачѣмъ ты все пишешь, дядя?

Георгъ Перссонъ. Да, такъ я тебѣ и скажу! Ну, вы, должно-быть, голодны, давайте обѣдать!

Агда. Спасибо, Георгъ! Послѣдній кусокъ ты готовъ раздѣлить съ голодными, а самъ...

Георгъ Перссонъ. Шш! Не говори такъ! Мнѣ самому частенько доводилось сидѣть за чужимъ столомъ.

Мать. И ничего не ѣсть!

Георгъ Перссонъ. Неправда! Когда я бездѣлничую по вечерамъ, то становлюсь обжорой не меньше своихъ товарищей. Ну, кушайте же! Всѣ садятся за столъ. Стукъ въ дверь. Георгъ встаетъ и задерживаетъ обѣдающихъ занавѣской.

Марія, закрывая лицо руками. Это злой человѣкъ, мама!

Агда. Марія, не говори глупостей! Какой еще тамъ злой человѣкъ!

Марія. Мнѣ про него Анна рассказывала, я боюсь злого человѣка!

Сванте Стуре входитъ съ надменнымъ видомъ. Не можетъ ли г. секретарь удѣлить мнѣ немного времени?

Георгъ Перссонъ. Сколько вамъ угодно, г. совѣтникъ...

Сванте Стуре. Я бы попросилъ называть меня графъ. Впрочемъ, можетъ-быть, вы не знаете, что я графъ-Георгъ Перссонъ. Мнѣ ли этого не знать, когда я самъ пожаловалъ вамъ титулъ графа.

Сванте Стуре. Какъ вамъ не стыдно!

Георгъ Перссонъ. Зачѣмъ этотъ тонъ? Во время коронаціи я былъ государственнымъ совѣтникомъ и просилъ для васъ первый графскій титулъ въ Швеціи.

Сванте Стуре. Фу, чортъ, неужели же своимъ положеніемъ я обязанъ человѣку, сидѣвшему въ тюрьмѣ?

Георгъ Перссонъ. Г. графъ, поосторожнѣе! Правда, во времена моей юности мнѣ довелось разъ послѣ кутежа проспаться въ башнѣ, но въ этомъ ничего нѣтъ позорнаго. Васъ же, по-настоящему-то, слѣдовало бы посадить туда на всю жизнь, какъ бунтовщика и измѣнника.

Сванте Стуре А, вотъ оно что!

Георгъ Перссонъ прибираетъ на столѣ бумаги. Васъ спасаютъ только ваши большія заслуги передъ покойнымъ королемъ. Значитъ, берегитесь!

Сванте Стуре. Ужъ не тебя ли, поповское отродье!

Георгъ Перссонъ. За занавѣской моя мать. Не забывайте этого!

Сванте Стуре. Такая же сволочь!

Георгъ Перссонъ. Фу, какъ вамъ не стыдно, г. Сванте! Я только что былъ у короля и хвалилъ васъ: говорилъ, что Стуре всегда были порядочными людьми, и сейчасъ не хотѣлъ бы думать иначе; но своимъ безумнымъ высокомеріемъ вы дѣлаете все, чтобы повредить самому себѣ. Правда, вы дворянинъ, но что же изъ этого! Что такое дворянинъ: человѣкъ, сидящій верхомъ на лошади.

Управлять государствомъ вы не можете; кромѣ конюшни и военныхъ приемовъ ничего не знаете и не желаете знать; вы презираете чернильныя души а, между тѣмъ только онѣ все послѣднее время способствовали просвѣщенію, но васъ просвѣщеніе не коснулось, и значенія его вы не способны понять! Права человѣка, его достоинство, уваженіе къ ближнему, терпимость—вотъ новые девизы чело-вѣчества,—ни одинъ изъ нихъ еще не красуется на ва-шихъ щитахъ. Вѣдь мнѣ стоило только пожелать, и я былъ бы графомъ, но я самъ отказался отъ этого, потому что я родился въ бѣднрсти и хочу остаться среди неимѣющихъ и забытыхъ.

Сванте Стуре. Значить, между королемъ и госу-дарственными дѣятелями стануть какіе-то писаки и книж-ныя крысы?

Георгъ Перссонъ. Государственнымъ дѣятелемъ долженъ быть самъ король, и никто не долженъ стоять между нимъ и народомъ. Этому насъ учить наша отече-ственная исторія; начиная съ Ингяльда Злого, какъ вы его называете за то, что онъ сжигалъ всѣхъ этихъ малень-кихъ царьковъ, такъ было при герцогѣ Биргерѣ и Фоль-кунсахъ до Христіана Третьяго включительно,—всѣ «малень-кіе царьки» кончали на плахѣ. «Король и народъ»,—вотъ что должно быть изображено на государственномъ гербѣ, да когда-нибудь такъ оно и будетъ.

Сванте Стуре. Въ томъ случаѣ, если вы будете фабриковать гербы!

Георгъ Перссонъ. Какъ знать!

Сванте Стуре. Могу я сѣсть или прикажете стоять?

Марія за занавѣской. Мама, зачѣмъ старикъ такъ срашно кричитъ!

Агда. Молчи, дитя мое!

Георгъ Перссонъ. Это какъ вамъ будетъ угодно, г. совѣтникъ,—я не гонюсь за почестями и даже считаю себя нѣсколько выше этого...

Сванте Стуре. Вотъ дьяволъ!

Георгъ Перссонъ. Не бранитесь, графъ; тамъ ребенокъ и женщина!

Сванте Стуре. Кажется, нравоученіе!

Георгъ Перссонъ. Да! Почему нѣтъ! Въ качествѣ защитника интересовъ короля я прежде всего долженъ составить себѣ о васъ ясное представленіе; тогда у насъ найдутся средства противъ непокорныхъ...

Сванте Стуре. Въ интересахъ короля?

Георгъ Перссонъ. Да, я верховный судья въ верховномъ судилищѣ...

Сванте Стуре. Но я государственный совѣтникъ.

Георгъ Перссонъ. Я также совѣтникъ, и совѣтникъ, котораго слушаются, а не такой, который самъ слушается,—я королевскій прокураторъ, который приказываетъ, а не повинуется,—ужъ хвастаться, такъ хвастаться,—какъ на конномъ рынкѣ!

Сванте Стуре. Прокураторъ! Вотъ новость!

Георгъ Перссонъ. Самая послѣдняя! Вотъ мое назначеніе вмѣстѣ съ другими важными бумагами!

Сванте Стуре. Это цѣлый переворотъ...

Георгъ Перссонъ. Да, и самый значительный, послѣ отставки Карла Кнутсона и церковныхъ реформъ..

Сванте Стуре. И вы воображаете, что шведское дворянство и риксдагъ подчинятся такому постановленію?

Георгъ Перссонъ. Даже увѣренъ въ этомъ! На сторонѣ короля войско, флотъ и весь народъ!

Сванте Стуре. Нельзя ли открыть окно? Здѣсь страшная вонь...

Георгъ Перссонъ. Здѣсь нѣсколько пахнетъ кухней, но когда вы увидите, мы провѣтримъ комнату. И знаете ли что, уходите-ка поскорѣе! Поняли?

Сванте Стуре идетъ, но перьями берета задѣваетъ о при толку двери.

Георгъ Перссонъ. Берегите голову, г. Сванте!

Сванте Стуре, возвращаясь. Я забылъ перчатку!

Георгъ Перссонъ беретъ перчатку угольными щипцами и такимъ образомъ подаетъ ее.

Георгъ Перссонъ, смотря вслѣдъ уходящему Стуре. Ты затронулъ мое семейство, сказала ехидна,—ну теперь смотри, береги свое!

Марія. Мама, старикъ разсердился на дядю Георга?

Георгъ Перссонъ ласково. Старикъ ушелъ, дорогое дитя, и больше не вернется. Злой человекъ будетъ теперь водить его за носъ за то, что онъ обидѣлъ друзей Маріи.

Мать. Георгъ! Георгъ! Правда ли все это! Неужели ты прокураторъ или какъ тамъ...

Георгъ Перссонъ. Конечно правда!

Мать. Будь снисходителенъ къ своимъ врагамъ!

Георгъ Перссонъ. Ну, ужъ это зависитъ отъ нихъ самихъ; съ этой минуты ихъ судьба въ ихъ собственныхъ рукахъ.

Мать. Какъ же такъ?

Георгъ Перссонъ. Да если теперь г. Сванте пойдетъ рассказывать обо всемъ, что здѣсь произошло, то у меня есть свои шпионы, и за всякую угрозу «маленькихъ царьковъ» они поплатятся жизнью. Въ случаѣ заговора они погибли.

Мать. Георгъ, будь великодушень...

Георгъ Перссонъ. Пусть покажутъ мнѣ примѣръ, я ему послѣдую.

Входитъ Максъ.

Максъ. Господинъ секретарь, вы посылали за мной?

Георгъ Перссонъ. Садись! Матери. Мама, оставь насъ! Макс, ласково, но настойчиво. Вотъ что, Максъ! Я слышалъ твой послѣдній разговоръ съ Каринъ!

Максъ. Ну, конечно!

Георгъ Перссонъ. Зачѣмъ такъ грубо, юноша! Я ни на минуту не усомнился въ искренности твоего чувства

Максъ. Да вамъ-то какое дѣло до моего чувства?

Георгъ Перссонъ. Этого чувства быть не должно,— оно вредитъ человѣку, чья жизнь дорога не только всѣмъ намъ, но и государству. Если ты оставишь въ покоѣ Каринъ, она можетъ стать королевой. Не тебѣ заботиться о ея репутаци, о ней позаботится самъ король!

Максъ. Этого не будетъ!

Георгъ Перссонъ. Вотъ что, юноша, выслушай меня внимательно и знай, что то, что я тебѣ сейчасъ скажу, равносильно королевскому приказу. Ни подъ какимъ видомъ не приближайся къ Каринъ — малѣйшее сомнѣнiе въ ея чувствѣ со стороны короля сдѣлаетъ его несчастнымъ,

а ее погубить. Вотъ что я тебѣ приказываю и подь страхомъ,— можешь самъ себѣ представить, какого наказанія! Вѣдь ты любишь ее! Докажи же, что желаешь ей добра!

Максъ. Нѣтъ, только не такъ!

Георгъ Перссонъ. Хорошо, тогда ты будешь отсюда переведенъ въ Эльфсборгскую крѣпость!

Максъ. Я отказываюсь!

Георгъ Перссонъ. Не кричи, вѣдь нѣтъ ничего легче, какъ заставить тебя замолчать!

Максъ. Письмо Ури? Такъ что ли?

Георгъ Перссонъ полушопотомъ. Разница только въ томъ, что Варсовія никогда не была твоей, а ты намѣренъ разлучить ее съ отцомъ ея дѣтей. Послушайся, возьми письмо!

Максъ. Ни за что!

Георгъ Перссонъ. Тогда нищѣ попа: твои часы сочтены!

Максъ. Кто же ихъ считалъ?

Георгъ Перссонъ. Я! Прощай, больше не увидимся!

Максъ. По какому же праву?

Георгъ Перссонъ. А вотъ по какому: законъ караетъ смертью соблазнительей чужихъ невѣстъ! Теперь знаешь! Ну и кончено!

Эрикъ XIV входитъ.

Максъ, испуганный, незамѣтно проскальзываетъ въ дверь.

Георгъ Перссонъ звонить. Простите, ваше величество!

Эрикъ ласково. Пожалуйста! Мы одни?

Георгъ Перссонъ. Все равно, что одни! Тамъ моя мать, пускай слушаетъ, если нѣтъ секретовъ!

Эрикъ черезъ занавѣску. Здравствуй, мамаша! Мы теперь неразлучны съ твоимъ Георгомъ, значить, тебѣ нечего больше за него бояться!

Мать. Знаю, ваше величество, теперь я за него и не боюсь!

Эрикъ. Ну, ну! — А у меня новость, Георгъ!

Георгъ Перссонъ. Хорошая?

Эрикъ. Зависитъ отъ того, какъ ты ей воспользуешься.

Георгъ Перссонъ. Иногда и дурныя годятся!

Эрикъ. Вотъ и скажи, на что это годится! Иоганнъ дѣйствительно обвинчанъ съ Катериной.

Георгъ Перссонъ. Значить, Польша наша союзница противъ Россіи.

Эрикъ. А не значить ли это, что герцогъ сталъ выше короля?

Георгъ Перссонъ. Ну, это мы еще посмотримъ!

Эрикъ. Далѣ: Иоганнъ схватилъ моихъ пословъ и укрѣпился въ Або, значить въ Финляндіи возстаніе.

Георгъ Перссонъ. Значить, герцогъ Гаршильдскій возсталъ противъ короля и долженъ поплатиться за это свободой и жизнью!

Эрикъ. Скажемъ, одной свободой...

Георгъ Перссонъ. И жизнью! Впрочемъ, это рѣшить риксдагъ!

Эрикъ. Только не казны! Пока со мной мои дѣти, я не хочу крови.

Георгъ Перссонъ. Риксдагъ будетъ судить его, какъ государственнаго преступника!

Эрикъ. Пускай, только не надо казни, а то я послѣ этого не могу спать!

Георгъ Перссонъ. Дѣдъ твой во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ всегда придерживался правила—не принимать во вниманіе ни знакомства, ни дружбы, ни свойства. Сначала государство — потомъ связи.

Эрикъ. Ты слишкомъ силенъ для меня, Георгъ!

Георгъ Перссонъ. Совсѣмъ нѣтъ, но, пока я живъ, я буду бороться противъ твоихъ враговъ всѣми силами!

Эрикъ. А развѣ у меня есть враги?

Георгъ Перссонъ. Да, и самый злѣйшій изъ нихъ былъ только что здѣсь.

Эрикъ. Стуре?

Георгъ Перссонъ. Да, боюсь, что мы преувеличили его заслуги. Сегодня графъ Сванте побезпокоился явиться сюда, чтобы всячески унижать меня, порицать дѣйствія правительства и всѣ его послѣднія реформы...

Эрикъ. Унижать тебя? Вотъ видишь, а ты такъ упорно отказываешься отъ званія дворянина, вѣдь тогда ваши права были бы равны?

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ, не надо! Пусть ужъ дворяне состязаются въ чинахъ, я же не стремлюсь попасть въ «маленькіе царьки». Пока я человѣкъ маленькій, всѣ имѣютъ право обо мнѣ судить, и только благодаря моимъ собственнымъ поступкамъ я могу возвыситься или унизиться!

Эрикъ. Всегда-то ты правъ, Георгъ! Даже грустно!
Георгъ Перссонъ. Ахъ, ты!

Эрикъ. А ты принялъ во вниманіе, что Іоганнъ очень близокъ съ дворянами?

Георгъ Перссонъ. Это первое, конечно, что пришло мнѣ въ голову, но именно потому-то они и попадутся въ однѣ сѣти!

Эрикъ. Никогда я не чувствовалъ близости ни съ Іоганномъ, ни съ дворянами, вѣрно потому, что я родомъ нѣмецъ; это же самое служить препятствіемъ и въ моей женитьбѣ!

Георгъ Перссонъ. Да вѣдь ты женатъ, Эрикъ!

Эрикъ. И да и нѣтъ. А знаешь иногда мнѣ кажется, что лучшаго мнѣ нечего и желать!

Георгъ Перссонъ. Вотъ видишь! Скоро, можетъ-быть, мы отпразднуемъ свадьбу!

Эрикъ. А что скажутъ дворяне?

Георгъ Перссонъ. Да имъ-то какое дѣло. Подумай самъ!

Эрикъ. Воображаю, что бы это было? Ха, ха! Впрочемъ, это не твое дѣло. Ну, а какъ съ твоей свадьбой?

Георгъ Перссонъ. Въ такомъ случаѣ это также не твое дѣло!

Эрикъ. Ха, ха, ха! А знаешь ли, съ тѣхъ поръ какъ ты попалъ въ сѣти Амура, ты мнѣ сталъ гораздо больше нравиться, и я тебѣ теперь больше вѣрю. Нельзя ли взглянуть на идеаль?

Георгъ Перссонъ. Я бы попросилъ моего высокаго друга не шутить надъ тѣмъ, что должно быть свято для каждаго порядочнаго человѣка...

Эрикъ. Да вѣдь ты-то мошенникъ, Георгъ!

Георгъ Перссонъ. Когда-то прежде былъ, те-

перь нѣтъ, но я чувствую, что если обманусь въ ней, то на сцену опять выступитъ прежній Георгъ.

Эрикъ. Дьяволь Голубого Голубя, «при звонѣ золота кидаящій кости...»

Георгъ Перссонъ, показывая на занавѣску. Молчи, не вызывай ужаснаго призрака — тогда я былъ жестокъ, потому что никто не любилъ меня...

Эрикъ. А вѣдь ты простофиля, Георгъ! Неужели же ты вѣришь, что она тебя любитъ?

Георгъ Перссонъ. Что ты говоришь! Почему ты такъ думаешь? Кто тебѣ сказалъ? Кто? Кто?

Эрикъ. Постой, постой! Ничего я не знаю, я высказалъ только свое предположеніе!

Георгъ Перссонъ. Эрикъ, не касайся этого, — моею душой можетъ опять овладѣть дьяволь, а я только что воздвигъ въ ней маленькій храмъ невѣдомому Богу...

Эрикъ. Вотъ какъ!

Георгъ Перссонъ. Смѣйся, смѣйся!

Стукъ въ дверь.

Георгъ Перссонъ. Отворить?

Эрикъ. Пожалуйста! Я только съ однимъ человѣкомъ не хотѣлъ бы встрѣчаться! Георгъ Перссонъ смотритъ вопросительно. Съ Монсомъ, съ отцомъ Каринъ.

Георгъ Перссонъ отскакиваетъ. Монсъ!

Монсъ входитъ съ рѣшительнымъ видомъ и, не видя короля, подаетъ Георгу Перссону бумаги. Будьте такъ добры, г. секретарь, прочтите! Узнаетъ Эрика, сначала робѣетъ, потомъ медленно снимаетъ съ головы каску. Король! Я бы долженъ упасть на колѣни, но, свидѣтель Богъ, не могу я этого сдѣлать даже

подъ страхомъ казни. Молчаніе. Отняли честь—возьмите и жизни!

Эрикъ. Твою честь, Монсъ, можно возстановить!

Монсъ. Бракомъ? Я такъ и думаю сдѣлать.

Эрикъ. Ты не смѣешь выдать замужъ мою невѣсту!

Монсъ. Какая она вамъ невѣста! Ваше дѣло было только опозорить ее, а теперь нашелся честный человѣкъ, онъ берется исправить ваше дѣло.

Эрикъ Георгу Перссону. Какой-то солдатъ смѣетъ со мной такъ говорить!

Монсъ. Какъ же еще прикажете говорить съ тѣмъ кто, попросту сказать...

Эрикъ Георгу Перссону. Свяжи меня, а то я его убью!

Монсъ. Какъ никакъ, а я дѣдъ вашимъ дѣтямъ; кѣмъ же я вамъ-то, значить, прихожусь?

Эрикъ. Я тебѣ прощаю только потому, что ты отецъ моей Каринъ. Чего ты хочешь?

Монсъ. Того, чего вы не можете мнѣ дать!

Георгъ Перссонъ. Бери свою бумагу и отправляйся съ Богомъ!

Монсъ. Коли ужъ на то пошло, такъ мы обойдемся и безъ бумаги!

Эрикъ. Что такое? Ужъ не собираешься ли ты отнять у меня Каринъ и дѣтей?

Монсъ. Коли съ вами не стоворишься, такъ пусть насъ разсудитъ Государственный Совѣтъ.

Эрикъ. Онъ простолюдинъ?

Монсъ. Нѣтъ, онъ изъ знатнаго дворянскаго рода, Сванте Стуре!

Эрикъ. Опять Стуре!—Монсъ, преимущества на твоей

сторонѣ, потому что ты правъ! Потерпи немного, и ты будешь удовлетворенъ.

Монсъ. Я требую возвратить мнѣ мою дочь и внуковъ. — Да, моихъ, потому что вы ихъ не признаете за своихъ дѣтей.

Эрикъ Георгу Перссону. Какъ объ этомъ говорится въ законѣ?

Георгъ Перссонъ. Въ законѣ сказано, что незаконныя дѣти принадлежать матери.

Монсъ. Это по одному закону, а по другому, который написанъ въ сердцахъ непризнанныхъ дѣтей, сказано такъ: безчестный отецъ лишается любви своихъ дѣтей и не смѣетъ ея требовать.

Георгъ Перссонъ вполголоса Эрику. Подкупи его!

Эрикъ. Монсъ, я произвожу тебя въ прапорщики!

Монсъ. Спасибо за честь! Богачъ воображаетъ, что все можно купить, а самъ...

Эрикъ. А самъ бѣднѣе любого нищаго!

Монсъ. Пожалуй, что и такъ! Я пришелъ сюда не за милостыней, и уйду съ тѣмъ же, съ чѣмъ пришелъ. Пауза. А пожалуй, и еще бѣднѣе! Уходить.

Эрикъ. И все это я долженъ терпѣливо выслушивать?

Георгъ Перссонъ. Что же подѣлаешь, разъ ты поступилъ незаконно!

Эрикъ. Что же мнѣ дѣлать?

Георгъ Перссонъ. Жениться!

Эрикъ. Ахъ, стыдись!

Георгъ Перссонъ. Больше тебѣ ничего не остается дѣлать. Вѣдь ты же собираешься предать суду Юганна,

а самъ виновенъ передъ закономъ въ обольщеніи женщины?

Эрикъ. Ты, по обыкновенію, правъ, чортъ возьми! Подожди, я пойду домой и обдумаю это! Опять Стуре! Вѣчно Стуре и Стуре! Озирается. Ты совсѣмъ по-свински живешь, Георгъ, тебѣ необходимо обзавестись приличной обстановкой, устроиться. Указываетъ пальцемъ на занавѣску. Это что за холстина? Ха, ха!

Георгъ Перссонъ. Не смѣйся, не смѣйся, Эрикъ! Настаютъ тяжелыя времена, очень тяжелыя!

Эрикъ. Да, но я слишкомъ усталъ и не могу бороться!

Георгъ Перссонъ. Положись на меня, не вмѣшивайся ни во что, и все будетъ устроено.

Эрикъ. Устраивай, только не давай мнѣ чувствовать своей узды, иначе я тебя сброшу. Ну, прощай! Позаботься же окружить себя роскошью. Къ занавѣскѣ. Прощайте, мамаша! Ну, прощайте! Уходитъ.

Георгъ Перссонъ звонитъ въ колокольчикъ. Входитъ Педеръ Веламсонъ, высокій одноглазый парень.

Георгъ Перссонъ. Ты знаешь прапорщика Макса, охранника?

Педеръ Веламсонъ. Какъ же, г. прокураторъ!

Георгъ Перссонъ. Забери шесть дюжихъ молодыхъ, подкараульте его при вечернемъ обходѣ на зеленой аллеѣ, свяжите по рукамъ и ногамъ, посадите въ мѣшокъ, да чтобы не было ни крика, ни крови, бросьте въ рѣчку и дождитесь, пока онъ не потонетъ.

Педеръ Веламсонъ. Все будетъ исполнено, г. прокураторъ!

Георгъ Перссонъ. Ты не колеблешься?

Педеръ Веламсонъ. Ничуть!

Георгъ Перссонъ. Ну, изъ тебя выйдетъ такой же преданный слуга короля, какъ я самъ! Съ Богомъ! Педеръ Веламсонъ уходитъ.

* * *

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ ли у тебя чего -нибудь холоднаго, мама, я бы съ удовольствіемъ поѣлъ сейчасъ!

Мать. Ну, взялъ деньги-то?

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ, надо было поговорить о другихъ дѣлахъ!

Мать. Хотя я и не подслушивала, а кое-что все-таки слышала...

Марія. Иди кушать, дядя!

Георгъ Перссонъ. Иду, дѣточка, иду!

Актъ III.

Въ глубинѣ сцены Меларское озеро, при вечернемъ освѣщеніи. Вдали Грингсгольмскій замокъ. Посреди сцены мостъ; направо у подножья холма, поросшаго кустами орѣшника и дуба—домикъ сторожа. На берегу озера рыбацкія хижины, лодки и сѣти.

Георгъ Перссонъ и Нильсъ Гиленшёрнь.

Георгъ Перссонъ. Гиленшёрнь, вы конечно по-прежнему другъ короля, несмотря на эту послѣднюю досадную исторію...

Нильсъ Гиленшёрнь. Гиленшёрны всегда были сторонниками Вазовъ, но я отказываюсь быть шпиономъ!..

Георгъ Перссонъ. Этого и не требуется. Скажите, что вы думаете о поступкѣ герцога Юганна и о приговорѣ риксдага?

Нильсъ Гиленшёрнь. Герцогъ Юганнъ возмутилъ противъ своей родины Польшу и Финляндію и, согласно приговору риксдага, заслуживаетъ смертной казни. Король Эрикъ помиловалъ его,—это дѣлаетъ честь сердцу короля.

Георгъ Перссонъ. Прекрасно! Какъ же, по-вашему, слѣдуетъ отнестись къ намѣренію королевы-вдовы и дворянъ устроить здѣсь овацію въ честь преступниковъ въ то время, когда они будутъ проходить?

Нильсъ Гиленшёрнъ. Въ такомъ случаѣ всѣ они становятся сообщниками преступленія и заслуживаютъ того же наказанія.

Георгъ Перссонъ. Особа королевы, конечно, неприкосновенна, но Стуре и остальные дворяне—дѣло другое. При первой же попыткѣ съ ихъ стороны устроить овацію въ честь преступниковъ я отдалъ приказъ всѣхъ ихъ арестовать здѣсь же, на мосту. Молодцы наготовѣ—въ рыбацкихъ хижинахъ. Но было бы чрезвычайно важно, если бы вы, какъ представитель дворянства и родственникъ Стуре, оказали намъ въ этомъ случаѣ свое содѣйствіе.

Нильсъ Гиленшёрнъ. Долгъ свой я исполню, но совершать беззаконіе—отказываюсь.

Георгъ Перссонъ. Въ данномъ случаѣ мы руководствуемся исключительно закономъ, и риксдагъ долженъ осудить Стуре на томъ же основаніи, какъ осудилъ герцога Юганна.

Нильсъ Гиленшёрнъ. Согласенъ; но сначала я еще посмотрю, осмѣлится ли дворянство стать на сторону измѣнника противъ воли гражданъ. Я буду наготовѣ и, какъ только раздастся вашъ первый выстрѣлъ, сейчасъ же займу свой постъ. А пока—прощайте! Уходить.

Георгъ Перссонъ. Пойдите, еще одно слово, Гиленшёрнъ! Уходить за нимъ вслѣдъ.

* * *

Сторожъ выходитъ изъ своей хижины въ сопровожденіи Педера Веламсона. Что касается этого, то самое лучшее подпилить...

Педеръ Веламсонъ. Подпилить?

Сторожъ. Ну да! Подпиливаются мостовыя балки и ставится сторожъ при входѣ на мостъ. Какъ только дворяне выйдутъ навстрѣчу герцогу, сторожъ долженъ сказать: не входите на мостъ! Достаточно сказать одинъ разъ и притомъ вполголоса. Они, конечно, не обратятъ никакого вниманія на это предупрежденіе—мостъ подъ ними подломится и погребетъ подъ собой всѣхъ ихъ.

Педеръ Веламсонъ. Оно, конечно, можно и такъ, но отчасти это хлопотливо, да притомъ многіе хорошо плаваютъ. Вотъ на-дняхъ мнѣ пришлось топить въ сѣверномъ протокѣ одного прапорщика—Макса. Мы засадили его въ мѣшокъ, какъ котенка, ноги заковали семью цѣпями,—анъ, вотъ что случилось, онъ взялъ да поплылъ, будто рѣчная выдра, и пришлось заколотить его дубьемъ, какъ быка къ Крещенью.

Сторожъ. Т-а-а-къ; значить это ты ужокошилъ Макса-то...

Педеръ Веламсонъ. Ну, конечно!

Сторожъ. Чисто сдѣлано! Пропалъ, и дѣло съ концомъ, никакой возни. А ужъ эти мнѣ суды да процессы—подвернется какой-нибудь крючокъ, возбудитъ слѣдствіе, начнутъ проклятые писать да выдумывать, и самая что ни на есть каналья выйдетъ суха изъ воды. Прокураторъ—малый ловкій, только большой охотникъ писать...

Педеръ Веламсонъ. Не всегда, нѣтъ; а тутъ съ герцогомъ ему приходится держать ухо востро.

Сторожъ. Такъ, такъ; оно конечно, Грингсгольмъ великъ и стѣны у него толсты,—не услышишь, что тамъ дѣлается.

* * *

Георгъ Перссонъ входитъ. Педеръ Веламсонъ!

Педеръ Веламсонъ. Прокураторъ!

Георгъ Перссонъ. Стань вмѣсто сторожа на концѣ моста и не пропускай съ этой стороны никого. Герцогъ появится оттуда.

Педеръ Веламсонъ. Слушаю-съ!

Георгъ Перссонъ. Сторожъ! Слѣди за всѣмъ, что сейчасъ произойдетъ, ты долженъ быть потомъ свидѣтелемъ.

Сторожъ. Свидѣтелемъ? А люди будутъ называть меня лжесвидѣтелемъ, не очень-то это приятно!

Георгъ Перссонъ. Это дѣло мое.—А ты знай свое!—Тише! Авигардъ... По мѣстамъ! Идетъ въ глубину сцены, направо.

*
* *

Сванте Стуре, Эрикъ Стуре, Нильсъ Стуре, дворяне и свита, всѣ съ вѣнками и букетами въ рукахъ. Нильсъ Стуре съ большимъ вѣнкомъ, на которомъ изображены герцогскіе гербы и буквы I. и K.

Сванте Стуре Нильсу Стуре. Повѣсь свой вѣнокъ посрединѣ моста, пускай нашъ князь и родственникъ пройдетъ въ тюрьму черезъ триумфальныя ворота.—Осматриваетъ вѣнокъ. I—Юганъ, и K—Катерина, но I можетъ значить также и Иагелло; это остроумно!

Нильсъ Стуре. А K можетъ значить Карлъ!

Эрикъ Стуре. Молчи ты!

Сванте Стуре. Тише, дѣти! Пусть будетъ торжественнымъ тотъ часъ, когда прекращается, наконецъ, ужасная междоусобица князей и затихаетъ вспыхнувшій было снова раздоръ Фолькунгеровъ. Это не замокъ Никѡпингъ виднѣтся вдали?

Нильсъ Стуре. Нѣтъ, Гатуна!
Эрикъ Стуре наивно. Да вѣдь это же Грингольмъ!
Нильсъ Стуре. Опъ не понялъ!—Онъ не знаетъ,
что герцогъ Юганнъ изъ рода Фолькунговъ.
Сванте Стуре. Тише, дѣти!

Нильсъ Стуре идетъ съ вѣнкомъ къ концу моста.

* * *

Педеръ Веламсонъ, отталкивая его. Назадъ!
Нильсъ Стуре. Какъ ты смѣешь, кривой!
Педеръ Веламсонъ. Берегись, сволочь! Чему тебя
учили, если ты попрекаешь человѣка его несчастіемъ.

Нильсъ Стуре. Несчастье, что у тебя одинъ-то
глазъ. Лучше бы обонхъ не было!

Педеръ Веламсонъ. Ты самъ копаешь себѣ яму,
дуракъ!

Сванте Стуре. Да какъ ты смѣешь, холопъ?

Педеръ Веламсонъ. Королевскій холопъ обязанъ
исполнять, что ему приказано, и, кто бы ни подошелъ,
будетъ сшибленъ съ ногъ!

Сванте Стуре. Секретное предписаніе! Подумайте
только — плебей является представителемъ королевской
власти, холопы имѣютъ преимущество передъ дворянами,
чернильные души передъ воинами, убудки передъ закон-
ными наслѣдниками! О, страна, страна!

Лейонхувудъ. А ты знаешь, что этотъ холопъ—
племянникъ Георга Перссона?

Сванте Стуре. Нѣтъ, не зналъ; тогда, конечно, это
въ порядкѣ вещей.

Стенбокъ. Такъ эта шельма Перссонъ, значить, не безъ достоинствъ?

Лейонхувудъ. Совсѣмъ не значить; что же это за достоинство?

Стенбокъ. А какъ же, у него есть сестра, я этого отъ него не ожидалъ.

Лейонхувудъ. Въ такомъ случаѣ за нимъ и еще имѣется одно достоинство! Онъ нелицеприятенъ.

Сванте Стуре. Кончится тѣмъ, что вы начнете хвалить этого негодяя.

Стенбокъ. По мѣстамъ! Герцогъ прибылъ!

* * *

Слѣва появляются другъ за другомъ по три всадника. Первые трое въ полномъ вооруженіи, затѣмъ герцогъ Іоганнъ въ ручныхъ кандалахъ, въ сопровожденіи двухъ ратниковъ, затѣмъ еще три ратника и за ними народъ.

Сванте Стуре и дворяне бросаютъ цвѣты и вѣнки. Нильсъ вѣшаетъ свой вѣнокъ на верстовой столбъ. Да здравствуетъ герцогъ Финляндскій! Вивать!

Всѣ. Вивать! Вивать!

Герцогъ въ знакъ благодарности поднимаетъ руки вверхъ. Шестіе движется впередъ, среди всеобщихъ привѣтствій.

* * *

Раздается пронзительный свистъ, затѣмъ выстрѣлъ. Изъ глубины сцены справа появляются Георгъ Перссонъ и Нильсъ Гиленшёрнъ; изъ рыбачьихъ хижинъ выскакиваютъ ратники.

Нильсъ Гиленшёрнъ, обращаясь къ Сванте Стуре и дворянамъ. Именемъ короля вы арестованы

Сванте Стуре. А вы уполномочены это сдѣлать:

Нильсъ Гиленшёрнъ. Да, уполномоченъ! — Арестовать герцога Юганна, лишеннаго своего титула, согласно приговору риксдага, и представителей дворянства, злонамѣренно оказывающихъ ему почести и, вопреки законному постановленію, ставшихъ на его сторону. Ратники, дѣлайте, что вамъ приказано!

Ратники заковываютъ дворянъ въ кандалы.

Сванте Стуре. И это говорить дворянинъ Швеціи?

Нильсъ Гиленшёрнъ. Да, и притомъ потомокъ Кристины Гиленшёрнъ и одного изъ Стуре, никогда до сихъ поръ не бывшихъ предателями!.. Герцогъ нарушилъ присягу, а вы стоите здѣсь съ цвѣтами въ рукахъ и ожидаете преступника, какъ невѣста жениха!

Сванте Стуре. Герцогъ не нарушалъ присяги!

Нильсъ Гиленшёрнъ. Извините, г. Сванте—ваша память вамъ измѣняетъ; вы сами участвовали въ Арбогарскомъ сеймѣ, гдѣ были ограничены права герцоговъ!

Сванте Стуре. Правда! О, если бы можно было это предвидѣть!

Нильсъ Гиленшёрнъ. Идите, господа! Васъ ожидаетъ правосудіе, всѣ должны быть равны передъ закономъ, какъ дворяне, такъ и плебеи!

Сванте Стуре. Хорошо! Стуре мужественны и въ частіи и въ несчастіи; утро вечера мудренѣе!

Нильсъ Гиленшёрнъ. Но придетъ ночь, и васъ не станеть! Отправляйтесь, господа!

Арестованныхъ уводятъ направо.

* * *

Георгъ Перссонъ. Благодарю васъ, Гиленшёрнъ! Ваша прекрасная, благородная рѣчь оказалась какъ нельзя болѣе кстати. Вы прекрасно говорили, еще разъ благодарю. Теперь я отправлюсь въ Упсалу и буду торговаться!

Нильсъ Гиленшёрнъ. Прощайте, прокураторъ! И не судите слишкомъ строго! Уходить.

Георгъ Перссонъ. Судить буду не я, а риксдагъ.

Георгъ Перссонъ Педеру Веламсону. Педеръ Веламсонъ, пусть всѣ вѣнки и букеты остаются на мѣстѣ!

Педеръ Веламсонъ. Ладно!

Георгъ Перссонъ. А теперь пойдёмъ запишемъ по пунктамъ твои показанія и показанія сторожа!

Педеръ Веламсонъ. По пунктамъ! Лучше бы все ничего не писать!

Георгъ Перссонъ. Не совѣтую тебѣ забывать, что ты мой племянникъ, а то и я забуду, что прихожусь тебѣ дядей!

Педеръ Веламсонъ. Еще будутъ порученія?

Георгъ Перссонъ. Да, несомнѣнно! Видишь ли, дворяне къ намъ, плебеямъ, гораздо болѣе требовательны, чѣмъ къ своему брату, значитъ, мы должны быть во всеоружіи. Поэтому тебя я оставляю здѣсь, внизу, самъ же отправлюсь къ вершинамъ! Но знай это, что бы со мной ни случилось, я о тебѣ позабочусь!

АКТЪ IV.

Залъ въ Упсальскомъ замкѣ. Изъ оконъ въ глубинѣ сцены, выходящихъ на дворъ, видны окна зала риксдага; они освѣщены и открыты настежь. Когда приподнимають гардины, въ залѣ видны движущіяся фигуры людей.

Эрикъ въ мантии; корона его лежитъ на столѣ, онъ открываетъ окно въ глубинѣ сцены. Георгъ стоитъ у другого окна и прислушивается. Какой жаркій канунъ Тронцы!..

Георгъ Перссонъ, указывая въ окно. Будетъ еще жарче. Дворянъ-то не очень много, зато поповъ множество.

Эрикъ. А они меня не любятъ! — Былъ ты въ залѣ риксдага?

Георгъ Перссонъ. На одну секунду!

Эрикъ. Какъ тебѣ показалось? Каково тамъ настроеніе? Мнѣ хотѣлось бы ужъ знать заранѣе, съ кѣмъ придется имѣть дѣло, съ друзьями или врагами?

Георгъ Перссонъ. По-моему, всегда съ врагами, гдѣ есть двое или трое людей; а потому я всегда насторожѣ и всегда стараюсь первый нанести ударъ...

Эрикъ. Взгляни-ка! Кажется, это Юганнъ съ рыжей бородой, а?

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ! Это, навѣрно, Лагнусъ изъ Або!

Эрикъ потираетъ лобъ. Да, но я-то видѣлъ Иоганна! Несомнѣнно! Давай рѣчь! Она переписана?

Георгъ Перссонъ, подавая бумагу. Такъ четко, что прочтеть ребенокъ!

Эрикъ читаетъ. Ну, хорошо, а свидѣтельскія показанія всѣ налицо?

Георгъ Перссонъ. Да! Начиная съ провокаторской рѣчи Нильса Стуре до манифестаціи въ честь измѣнника, устроенной Сванте Стуре. Какими же страшными мерзавцами надо быть, чтобы оправдать этихъ господъ!

Эрикъ. А гдѣ свидѣтели?

Георгъ Перссонъ. Сидятъ наготовѣ. Да вполне достаточно и письменныхъ показаній.

Эрикъ. Скоро можно начать, какъ ты думаешь?

Георгъ Перссонъ. Ораторы еще не заняли своихъ трибунъ; но собраніе почти что въ полномъ составѣ!

Эрикъ выходитъ на авансцену, кладетъ бумагу на одинъ изъ стульевъ и надѣваетъ корону.

* * *

Каринъ Монсдоттеръ входитъ. Прости, дорогой, у дѣтей къ тебѣ маленькая просьба.

Эрикъ мягко. Говори!

Каринъ Монсдоттеръ. Имъ очень хочется взглянуть на короля.

Эрикъ. Вѣдь мы же видаемся каждый день. — Ахъ, да, имъ хочется взглянуть на короля въ коронѣ, на бугафорскаго короля! Ну, что жъ, вступи ихъ!

Каринъ Монсдоттеръ дѣлаетъ знакъ рукой по направлению къ двери, изъ которой она вошла. Идите сюда, крошкѣ! Густавъ и Зигфридъ появляются съ своими игрушками, держась за руку; подходятъ къ Эрику и падаютъ на колѣни.

Эрикъ. Слушайте, вы, маленькіе негодяи, не лежать на полу! Нагибается и беретъ на одну руку одного, на другую другого. Ну, вотъ, смотрите!

Густавъ и Зигфридъ дотрогиваются пальцами до короны. Эрикъ цѣлуетъ обонхъ и ставитъ на полъ.

Эрикъ. Что? Никогда еще не были такъ высоко?

Густавъ, заинтересованный горностаевою мантией. Посмотри-ка, Зигфридъ; крысы на порфирѣ!

Зигфридъ. Не хочу я смотрѣть на крысъ! Направляется къ стулу, на который Эрикъ положилъ свою бумагу, и незамѣтно присоединяетъ ее къ игрушкамъ.

Эрикъ. Что, Густавъ, хотѣлось бы тебѣ быть королемъ?

Густавъ. Да, только если мама будетъ королевою!

Эрикъ. Мама больше, чѣмъ королева!

Густавъ. Значитъ, я больше, чѣмъ принцъ?

Эрикъ. Да, крошка, потому что ты ангелъ!

Входитъ придворный и шепчетъ что-то на ухо Георгу Перссону; тотъ приближается къ Эрику.

Георгъ Перссонъ. Пора, поспѣшите!

Эрикъ Каринъ и дѣтямъ. Будьте Богомъ хранимы! Всѣ, всѣ! Уходить.

Густавъ и Зигфридъ посылаютъ Эрику воздушные поцѣлуи.

Каринъ Монсдоттеръ Георгу Перссону. Что такое тамъ происходитъ?

Георгъ Перссонъ. Король сейчасъ выступить передъ риксдагомъ съ обвинительной рѣчью противъ дворянъ.

Каринъ Монсдоттеръ. Противъ тѣхъ, что сидятъ сейчасъ въ тюрьмѣ?

Георгъ Перссонъ. Да, именно!

Каринъ Монсдоттеръ. Развѣ можно сажать въ тюрьму безъ суда и слѣдствія?

Георгъ Перссонъ. Да; если поймаютъ на мѣстѣ преступленія, какъ это и было въ данномъ случаѣ, то преступники подвергаются предварительному заключенію.

Каринъ Монсдоттеръ. Конечно, вамъ лучше знать, а я въ такихъ дѣлахъ ничего не понимаю...

Георгъ Перссонъ. Да, судопроизводство — вещь сложная и требуетъ много осмотрительности и опытности, потому что отъ него зависитъ благо или несчастіе ближняго! Подходить къ окну. Слышите, король говоритъ? Его отсюда видно!

Каринъ Монсдоттеръ. Спустите гардины, Георгъ! Я не хочу этого видѣть!

Георгъ Перссонъ спускаетъ гардину. Къ вашимъ услугамъ, фрекень!

Зигфридъ. Мама, это Георгъ Перссонъ?

Каринъ Монсдоттеръ. Тише, крошка!

Зигфридъ. Правда, что онъ такой жестокій?

Георгъ Перссонъ. Только не съ хорошими дѣтьми!

Каринъ Монсдоттеръ. По-моему, вамъ больше идетъ быть жестокимъ, чѣмъ нѣжнымъ, Георгъ!

Георгъ Перссонъ. Неужели?

Каринъ Монсдоттеръ. Да, и я бы не хотѣла быть вамъ чѣмъ-нибудь обязанной.

Георгъ Перссонъ. А тѣмъ не менѣе...

Придворный входитъ и шепчетъ что-то на ухо Георгу Перссону; тотъ, взволнованный, спѣшитъ уйти, потомъ обращается къ Каринъ. Бя величество, королева-вдова, проситъ позволенія войти!

Каринъ Монсдоттеръ. Позволенія войти? У меня?

Королева-вдова быстро входитъ слѣва и паласть на колѣни. Пошадите, пошадите моего брата и родственниковъ!

Каринъ Монсдоттеръ паласть на колѣни. Встаньте, ради Христа, ради всего святого! Неужели же вы и въ самомъ дѣлѣ думаете, что отъ меня что-нибудь зависитъ, когда я сама не завишу отъ себя! Встаньте, королева! Благородная дочь короля Густава, я слишкомъ ничтожна и недостойна даже вашего посѣщенія!

Королева-вдова. Неужели же это та самая Каринъ, что держитъ въ своихъ маленькихъ ручкахъ всѣ дѣла государства? — Прикажите, сдѣлайте знакъ этой ручкой и спасите моихъ близкихъ, потому что король виѣ себя и неистовствуетъ.

Каринъ Менсдоттеръ. Неистовствуетъ, вы говорите? Почему? Вѣдь я ничего не знаю и ничего не могу сдѣлать! Скажи я слово, онъ убьетъ меня на мѣстѣ, какъ уже чуть было не случилось недавно.

Королева-вдова. Значитъ, неправда, что вы королева?

Каринъ Монсдоттеръ. Я? О, Боже мой, да я послѣдняя изъ женщинъ здѣсь, при дворѣ, если ужъ говорить по правдѣ!

Королева-вдова. Если онъ такъ жестоко съ вами обращается, почему же вы не уйдете отъ него?

Каринъ Монсдоттеръ. А куда же я пойду? Отецъ не пускаетъ меня къ себѣ на глаза, а сестры перестали даже со мной кланяться; послѣдній мой другъ и родственникъ Максъ пропалъ безъ вѣсти.

Королева-вдова. Неужели вы не знаете, что прапорщикъ Максъ...

Каринъ Монсдоттеръ. Говорите!

Королева-вдова. Макса болѣе не существуетъ: онъ убитъ!

Каринъ Монсдоттеръ. Убить здѣсь! Мнѣ это приходило въ голову, но не хотѣлось вѣрить!—Увы!—Теперь вы моя единственная защита, если вы не гнушаетесь несчастной грѣшницей.

Королева-вдова, подумавъ. Неужели же это такъ? Ну, хорошо. Отправимтесь вмѣстѣ въ Горнингсгольмъ: это крѣпость, гдѣ теперь собралась вся знать, чтобы защищаться отъ неистоваго дурака, пока еще облеченнаго властью!

Каринъ Монсдоттеръ. А мои дѣти?

Королева-вдова. Дѣтей вы возьмете съ собою!

Каринъ Монсдоттеръ. Я видѣла въ жизни столько жестокости, что даже боюсь вѣрить вашему великодушю!

Королева-вдова. При чемъ тутъ великодушіе? Конечно, вы можете думать, что вамъ угодно о моемъ предложеніи, но мнѣ кажется, что здѣсь, въ этомъ разбойничьемъ гнѣздѣ, вамъ опасно оставаться. Торопитесь только!—Прикажите, какъ можно скорѣе, уложить вещи: че-

резъ полчаса король уже будетъ здѣсь, и тогда горе вамъ и вашимъ дѣтямъ!

Каринъ Монсдоттеръ. Онъ убійца единственнаго моего друга, единственнаго благороднаго и преданнаго мнѣ человѣка. Я прощаю ему все потому, что онъ самъ несчастень, но и не могу его больше видѣть.

Входитъ фрейлина.

Каринъ Монсдоттеръ. Уложи сейчасъ же дѣтскія вещи и принеси сюда. Захвати также ихъ игрушки, чтобы они дорогой не плакали и не проснулись домой!

Фрейлина уводитъ Густава и Зигфрида.

Королева-вдова. Какія у васъ славныя дѣти! Отецъ ихъ очень любитъ?

Каринъ Монсдоттеръ. Онъ ихъ боготворитъ, но можетъ и убить! Теперь онъ только и дѣлаетъ, что грозитъ всѣмъ...

Королева-вдова лукаво. Значитъ, онъ ихъ хватится сейчасъ же?

Каринъ Монсдоттеръ. Да, но сейчасъ же и забудетъ о нихъ. Несчастный Эрикъ!

Входитъ фрейлина съ дѣтскимъ платьемъ и игрушками и раскладываетъ все по столамъ и стульямъ.

Королева-вдова. Кажется, Георгъ Перссонъ имѣетъ дурное вліяніе на Эрика?

Каринъ Монсдоттеръ. Наоборотъ! Георгъ уменъ, хитеръ и старается быть справедливымъ — но все-таки я почему-то его боюсь!

Королева-вдова. А знаете, что сейчасъ происходитъ тамъ, въ залѣ риксадага?

Каринъ Монсдоттеръ. Что-то съ дворянами, только я не понимаю...

Королева-вдова. Король поклялся, что они умрутъ...

Каринъ Монсдоттеръ. Стуре? Благородные Стуре? Въдь ихъ такъ любить народъ!

Королева-вдова. Вотъ именно! Они теперь заключены въ подземелье замка, а съ ними и братъ мой Абрамъ Стенбокъ...

Каринъ Монсдоттеръ. Я не останусь здѣсь ни минуты! Пусть не падетъ эта кровь на головы моихъ дѣтей!

Гуль, крики, шумъ снаружи.

Королева-вдова. Бросайте все! Бѣжимъ скорѣе! Король идетъ сюда! Онъ такъ взбѣшенъ, что у него пѣна у рта!

Каринъ Монсдоттеръ. Идемте, я знаю дорогу къ пристани черезъ паркъ. Захватываетъ нѣсколько дѣтскихъ платьевъ. Помогите мнѣ донести! Ну, идемъ, съ Богомъ!

Уходить съ королевой-вдовой.

* * *

Шумъ снаружи; стукъ оружія, звуки трубъ, лошадиный топотъ. Входитъ Эрикъ; онъ срываетъ съ головы корону, кладетъ ее на столъ и ищетъ чего-то, внѣ себя отъ бѣшенства.

Георгъ Перссонъ входитъ. Король уже здѣсь? Что случилось? Ради Христа, что случилось?

Эрикъ срываетъ съ себя порфиру, комкаетъ ее, бросаетъ на полъ и топчетъ ногами. Что случилось? Ничего не случилось! Это дѣло рукъ дьявола—не иначе!

Георгъ Перссонъ. Говорите понятнѣе, тогда я все поправлю!

Эрикъ. Ну, вотъ! Вѣдь ты знаешь—я не ораторъ, потому я и приказалъ мнѣ все написать. Я былъ увѣренъ, что бумага у меня въ карманѣ и смѣло открылъ огонь по измѣнникамъ; сначала импровизировалъ, потомъ полѣзъ было въ карманъ за бумагой, но въ этотъ моментъ рыжебородый началъ смѣяться, какъ только одинъ Юганнъ умѣетъ смѣяться, я же роюсь въ карманѣ и не нахожу бумаги. Тогда я разсвирѣпѣлъ, потерялъ всякое самообладаніе, спуталъ всѣ цифры и имена, въ головѣ у меня получился какой-то хаосъ, языкъ пересталъ повиноваться. Кто-то, навѣрно самъ дьяволъ, смѣшалъ въ моемъ сознаніи Сванте Стуре съ Педеромъ Веламсономъ и наоборотъ; я сталъ утверждать, что дворяне украсили мостъ гирляндами, а онъ былъ украшенъ вѣнками, принялся изливать давно ужъ накипѣвшія во мнѣ ненависть и недовѣріе къ Стуре и бросилъ имъ въ лицо цѣлую кучу обвиненій, а самъ не могъ ничего доказать. Сначала послышался смѣхъ, потомъ обвиненіе въ искаженіи фактовъ; когда же свидѣтели противной стороны показали, что Юганнъ былъ встрѣченъ съ букетами и только съ однимъ вѣнкомъ, вмѣсто гирляндъ, то всѣ мои показанія были приняты за ложныя! Подумай только! Вѣдь дѣйствуй я согласно съ закономъ, дворяне ужъ сидѣли бы въ крѣпости, какъ преступники, пойманные на мѣстѣ преступленія, а я не воспользовался своимъ правомъ, пожелалъ показать великодушіе! Чортъ бы его побралъ, это великодушіе! Теперь риксратъ на сторонѣ мерзавцевъ, чувствуетъ подлецовъ, сочувствуетъ разбойникамъ, а мы, судьи, стоимъ въ качествѣ обвиняемыхъ

передъ преступниками! И выходить, что кто спутается съ дьяволомъ, тотъ и правъ!

Георгъ Перссонъ. А что же свидѣтели?

Эрикъ. Свидѣтелей отвергли! Ты воображаешь, что какой-нибудь сторожъ или солдатъ станетъ показывать противъ дворянъ? Впрочемъ, у нихъ были точно такіе же свидѣтели! Но лакею Стуре повѣрили больше, чѣмъ мнѣ— королю! Показанія старухи, кормилицы Стенбока, читались съ благоговѣніемъ. А противозаконныя и лживыя свидѣтельства младшаго брата Иварссона были также приняты, и ему аплодировали.

Георгъ Перссонъ. И въ результатѣ?

Эрикъ. Дворяне оправданы!

Георгъ Перссонъ. Подожди, дай подумать! Гм!.. Гм!.. Да, вотъ какимъ образомъ: постановленіе риксдага какъ несправедливое, должно быть отмѣнено, а государственное преступленіе должно пойти на разсмотрѣніе самого короля!

Эрикъ. Дуракъ! Да вѣдь теперь мы, или, вѣрнѣе, ты одинъ, самъ попалъ въ обвиняемые и не имѣешь права никого судить!

Георгъ Перссонъ. Чортъ возьми! Тогда больше ничего не остается дѣлать, какъ прибѣгнуть къ самоуправству. Пусть торжествуетъ справедливость, чего бы это ни стоило!

Эрикъ. Только не дѣлай ничего противозаконнаго!

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ, все будетъ сдѣлано самымъ законнымъ образомъ. Измѣнниковъ родины законъ караетъ смертною казнію, и пускай они умрутъ!

Эрикъ. Нѣтъ, скажи мнѣ, чему рыжебородый смѣлся, когда исчезла бумага? навѣрное онъ зналъ, гдѣ она! Можетъ быть даже помогаль ее украсть? Во всякомъ случаѣ бумага должна быть найдена, и тотъ, у кого ее найдутъ, будетъ казненъ! Озирается. Что это значить? Развѣ здѣсь дѣтская? Какъ будто такъ! Звонить. Георгъ! Ужъ не случилось ли чего-нибудь еще хуже! Звонить. Почему никто не является? Звонокъ раздается точно въ пустыхъ комнатахъ!

* * *

Входитъ придворный.

Эрикъ. Гдѣ фрекенъ Каринъ?

Придворный молчитъ.

Эрикъ. Если ты сейчасъ же не скажешь — я тебя убью.

Придворный. Фрекенъ уѣхала!

Эрикъ. Уѣхала съ дѣтьми?

Придворный. Да, ваше величество.

Эрикъ падаетъ на стулъ. Убей меня!

Георгъ Перссонъ. Сначала пошли погоню! Они не могутъ быть далеко!

Придворный. Королева-вдова препроводила бѣглецовъ въ Горнингсгольмскій замокъ...

Эрикъ. Въ Горнингсгольмъ—родовое помѣстье Стуре, опять Стуре! Пошли десять тысячъ человѣкъ, пусть возьмутъ замокъ приступомъ; сожги ихъ тамъ; замори гарнизонъ голодомъ...

Придворный. Королеву-вдову сопровождаетъ Зюдерманскій полкъ...

Эрикъ. Зюдерманскій! А-а, значитъ герцогъ Карлы! Его нельзя трогать — онъ тогда освободитъ Грингольмскаго чорта! Значитъ, эта собака Стуре и королева-вдова увезли мою Каринь! И прелестная Каринь ушла, — она потаскушка, Георгъ, всѣ онѣ потаскушки! А Стуре отняли у меня и дѣтей! Этого я не прошу! Вытаскиваетъ кинжалъ и втыкаетъ въ столъ. Никогда! Никогда! Прячетъ кинжалъ въ ножны.

Георгъ Перссонъ. А Нильсъ Гиленшёрнъ былъ въ залѣ риксдага?

Эрикъ. Сначала да, я видѣлъ, онъ стоялъ у скамьи свидѣтелей. Когда же вѣтеръ подулъ въ другую сторону, онъ исчезъ. Всѣ исчезаютъ, кромѣ тебя, Георгъ!

Георгъ Перссонъ придворному. Позови сюда Педера Веламсона. Сейчасъ же! Придворный уходитъ.

Георгъ Перссонъ. Слушай, Эрикъ, и суди, насколько это логично. Повсемѣстно законъ караетъ смертью предателей. Стуре — предатели. Стало быть, Стуре должны умереть.

Эрикъ. Bravo!

Георгъ Перссонъ. Дальше.

Нильсъ Гиленшёрнъ входитъ. Ваше величество, съ вашего позволенія!

Эрикъ. Смотри, вотъ онъ, дуракъ-то!

Нильсъ Гиленшёрнъ. Да, легко сказать, а какъ бы справился умникъ съ цѣлой шайкой безумцевъ?

Эрикъ. Значитъ, по-твоему, Стуре виновны?

Нильсъ Гиленшёрнъ. Иначе мнѣ остается не вѣрить своимъ собственнымъ ушамъ и глазамъ, и преступленіе осталось преступленіемъ, несмотря на постановленія

риксадага. А между прочимъ ходитъ слухъ — и по-моему это вѣроятно, — что герцога Іоанннъ освобожденъ!

Эрикъ бѣгаетъ по комнатѣ. Значитъ адъ опустѣлъ.

Георгъ Перссонъ. Тише!

Нильсъ Гиленшёрнъ. Мнѣ надо еще кое-что сказать господину прокуратору!

Георгъ Перссонъ. Говорите.

Нильсъ Гиленшёрнъ. Наединѣ!

Георгъ Перссонъ. Здѣсь у меня нѣтъ секретовъ! Нильсъ Гиленшёрнъ кладетъ въ руку Перссона какой-то предметъ.

Нильсъ Гиленшёрнъ. Одна особа просила меня передать вамъ это съ просьбой получить взаменъ нѣчто другое.

Георгъ Перссонъ смотритъ на полученное кольцо, потомъ бросаетъ его черезъ спину въ окно, снимаетъ съ груди медальонъ и топчетъ ногами.

Эрикъ, все время наблюдавшій за нимъ. Ха! Ха! Вотъ онъ идеаль-то! Оказывается такая-же потаскушка! Ха! Ха!

Георгъ Перссонъ. Теперь Георгъ превратился въ дьявола! Все прекрасное оказалось безобразнымъ: рай — адомъ и ангелы — дьяволами; бѣлая голубка превратилась въ сатану, а Святой Духъ...

Эрикъ. Замолчи!

Георгъ Перссонъ. Ужъ не вѣришь ли ты въ Бога, дьявольгъ.. Ступайте, г. Гиленшёрнъ, здѣсь все теперь пойдетъ вверхъ дномъ, приближается день Страшнаго Суда, уходите скорѣе, сейчасъ начнется свѣтопреставленіе!

* * *

Входитъ Педеръ Веламсонъ.

Нильсъ Гиленшёрнъ, отступая. То, что вы собирае

тесъ сейчасъ сдѣлать, хотя и незаконно, но справедливо!
Уходить.

Георгъ Перссонъ. Не путайся не въ свое дѣло!
Педеру Веламсону. Педеръ Веламсонъ, въ погребѣ завелась
крысы! Спустиись туда и перебей ихъ!

Педеръ Веламсонъ. Съ удовольствіемъ! Только...

Эрикъ. Ты не рѣшаешься?

Педеръ Веламсонъ. Нѣтъ, почему же! Только я
хотѣлъ бы получить что-нибудь за работу!

Георгъ Перссонъ. Всѣмъ бы вамъ только полу-
чать, а не давать!

Эрикъ. Чего же ты хочешь? Хочешь титулъ барона,
графа, совѣтника? Говори! Одинъ навозъ-то! И ты сдѣ-
лаешься такимъ же, какъ тѣ, что сидятъ тамъ, въ подзе-
мельѣ! Только королемъ я тебя не могу сдѣлать, а ко-
ролевой могу! Могу даже изъ потаскушки сдѣлать коро-
леву! Не хочешь ли, я тебя сдѣлаю королевой?

Педеръ Веламсонъ. Я бы хотѣлъ быть кап-
раломъ!

Эрикъ! Капраломъ! Немногаго же ты хочешь! Право,
мои друзья лучше Юганна! Ну, господинъ капралъ! Теперь
служи вѣрой и правдой своему королю!

Педеръ Веламсонъ. Оно бы надежнѣе, если бы
письменное удостовѣреніе; ну, да и то хорошо! Уходить.

Эрикъ садится на стулъ. Хорошъ канунъ Троицы —
ха! ха! Зеленые листья, бѣлыя лиліи. Теперь бы я катался
съ Каринъ и съ дѣтьми по Меларскому озеру.— Да, дѣти!—
Подумай, дикіе звѣри утащили моихъ дѣтей — и все это
въ порядкѣ вещей. Почему иные могутъ дѣлать все, что
хотятъ, почему? Теперь вотъ Юганнъ—освобождень.

Георгъ Перссонъ сидитъ за письменнымъ столомъ и чертитъ что-то. Отчего же бы тебѣ не послать противъ него войско?

Эрикъ. А отчего же бы тебѣ этого не сдѣлать?

Георгъ Перссонъ. Не знаю! я не въ силахъ бороться съ сатаной!

Эрикъ. Значитъ, ты растерялся!

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ, но я не могу понять какъ могло произойти все, что произошло. Это противъ всякой логики, противъ здраваго смысла и справедливости. Значитъ, существуетъ богъ, покровительствующій мерзавцамъ, помогающій предателямъ и превращающій черное въ бѣлое!

Эрикъ. Да, какъ будто!

Георгъ Перссонъ. Прислушайся, внизу кто-то поетъ псалмы!

Эрикъ прислушивается. Это старая свинья Сванте!

Георгъ Перссонъ. Да! Родъ людской можно подраздѣлить на двѣ категоріи: на свиней вѣрующихъ и свиней невѣрующихъ! Но несомнѣнно, что всѣ люди свиньи!

Эрикъ. А самъ-то ты вѣрующій, Георгъ?

Георгъ Перссонъ. Не знаю. Недавно передо мною возстали картины дѣтства, но онѣ исчезли и оказались грязными заплатами...

Эрикъ беретъ куклу. Смотри! Это кукла Зигфрида, ее зовутъ Блѣдная-Слѣпая—всѣхъ ихъ куколь я зналъ по именамъ, слышишь? — Знаешь ли, всегда больше всего на свѣтѣ меня пугала мысль, что мои меня покинутъ! Но дѣйствительность оказалась совсѣмъ не такъ ужасна. Сейчасъ, янапримѣръ, я такъ равнодушенъ и спокоенъ, какъ никогда—

въ лучшіе дни моей жизни! Не будь только сегодня канунъ Троицы!.. Онъ будитъ столько воспоминаній. Вздохи, о дѣтяхъ. Дѣти вѣдь самый прекрасный даръ нашей печальной жизни; въ прошломъ году мы, какъ разъ въ это время, катались по Меларскому озеру.—Зигфридъ и Густавъ были въ новыхъ костюмахъ, а мать украсила ихъ бѣлокурою головку вѣнками изъ незабудокъ. Дѣти были веселы и казались настоящими ангелами. Имъ вздумалось ходить по песку голыми ножками и бросать въ воду камешки. Зигфридъ бросилъ камешекъ своей маленькой ручкой и попалъ Густаву въ щеку. Рыдаетъ. Если бы ты видѣлъ, какое это было горе—какъ онъ его ласкалъ, просилъ прощенья, цѣловалъ у него ножки, чтобы тотъ улыбнулся.—Смерть и адъ! Вскрикиваетъ. Гдѣ мои дѣти? Кто посмѣлъ украсть у медвѣдя дѣтенышей?—Старый кабанъ! Ну, такъ медвѣдь разорветъ дѣтенышей кабана! Этого требуетъ логика! Выхватываетъ кивжалъ. Горе имъ! Горе!

Георгъ Перссонъ. Ужъ предоставь это капрану! А то, если ты самъ вмѣшаешься въ это дѣло, то взбунтуются всѣ черти въ аду!

Эрикъ. Нѣтъ; если боги заснули, я своей собственной рукой свершу за нихъ небесную кару!

Георгъ Перссонъ. Оставь въ покоѣ боговъ!

Эрикъ. Сейчасъ! Уходить.

Георгъ Перссонъ звонить.

Занавѣсъ опускается на нѣкоторое время.

Георгъ Перссонъ сидитъ за столомъ и чертитъ что-то.

Эрикъ входитъ въ волненіи. Слухъ объ освобожденіи Иоганна, конечно, — ложь; все ложь, весь міръ ложь, и само небо съ своимъ владыкой отцомъ лжи, смотри Евангеліе отъ Матоея, глава VIII, строфы 11-я и 12-я, изданіе 1541 года. Подумай, я началъ уже бродить по комнатамъ такъ рано, что черти еще не молились—бродилъ изъ зала въ залу и не встрѣтилъ живой души. Замокъ пусть, какъ затонувшій корабль, внизу на кухнѣ было что-то невообразимое; горничныя и лакеи наканунѣ, очевидно, угошались, и на полу валялись объѣдки кушаній и пустыя бутылки.— Въ то время какъ...

Георгъ Перссонъ. А ты былъ и въ подземельѣ?

Эрикъ. Конечно, нѣтъ!—Взгляни-ка, что здѣсь дѣлается! Вотъ корона, а вотъ порфира и регалии Швеціи, а рядомъ маленькій башмачокъ—посмотри, какъ маленькая ножка стоптала каблучокъ—это Зигфридъ—я гибну. Правда, отъ своей судьбы вѣдь не уйдешь, я никогда не могъ отъ нея уйти—не даромъ отецъ говорилъ, что я кончу плохо; какъ онъ заранѣе могъ это знать, вѣдь это нигдѣ не было предсказано, да и кто можетъ предсказывать судьбу людей кромѣ того, въ чьихъ рукахъ она находится. Самое ужасное было, когда капралъ выкололъ глазъ Нильсу; вѣдь ты знаешь, капралъ самъ кривой и когда выкололъ ему глазъ, то сказалъ: «За кривого сторожа—око за око!» Тогда я понялъ: навѣрно раньше Нильсъ насмѣхался надъ его уродствомъ. Значитъ существуетъ возмездіе, и Нильсъ получилъ только должное.

Георгъ Перссонъ. Стало-быть съ ними покончено.

Эрикъ. Не надо такъ много спрашивать, Георгъ. По-

томъ онъ закололъ Сванте, Эрика и остальныхъ чертей. Тише, теперь самое ужасное. Когда капралъ собирался заколотъ старика, тотъ дерзко заявилъ, что онъ оправданъ самимъ риксдагомъ, и потребовалъ отъ меня доказательствъ своей виновности. Подумай только, эта собака потребовала еще доказательствъ, что онъ назвалъ меня въ лицо безумцемъ, что онъ совершилъ государственное преступленіе, устраивая овацію въ честь измѣнника! Я разсвирѣпѣлъ и приказалъ ихъ всѣхъ прикончить—тогда онъ закричалъ: не трогай насъ—т.-е. Стуре—а то убьютъ и твоихъ дѣтей: вѣдь они наши заложники! Понимаешь ли ты, что для меня значили эти слова! Мнѣ сейчасъ же представилась картина, какъ въ Горнингольмскомъ замкѣ убиваютъ моихъ дѣтей; я хотѣлъ было отмѣнить казнь, но было уже поздно...

Георгъ Перссонъ. А потомъ?

Эрикъ. Печальное зрѣлище: въ моментъ смерти у каждаго человѣка на лицѣ появляется какое-то неземное выраженіе, точно оболочка куколки разрывается и бабочка вылетаетъ наружу. Этого я не могъ вынести...

Георгъ Перссонъ. А самъ-то ты убилъ кого-нибудь изъ нихъ?

Эрикъ. Нѣтъ, я только ударилъ Нильса въ руку, но мой ударъ не былъ смертеленъ. Тѣмъ не менѣе я чувствую себя такъ ужасно, что лучше, если бы всего этого не случилось.

Георгъ Перссонъ. Ты раскаиваешься въ казни измѣнниковъ?

Эрикъ. А заложники! Подумай, вѣдь это мои собственные дѣти! А мать молодыхъ Стуре! А братъ королевы-вдовы,

Абрамъ! Вѣдь она никогда не проститъ мнѣ этого. Если бы ты могъ все это поправить, Георгъ?

Георгъ Перссонъ. Не могу, потому что ничего не понимаю! Ты самъ видишь—событія падаютъ, какъ снѣгъ на голову, ничего не подѣлаешь! Я сижу и жду молча, не въ состояніи пошевелить пальцемъ, какъ какой-нибудь паралитикъ, и смотрю только, что будетъ дальше.

Эрикъ. И ты ничего не можешь мнѣ посовѣтовать!
Георгъ Перссонъ. Нѣтъ, ничего.

Эрикъ. Хорошо! Тогда я пойду и найду друга, съ которымъ никогда въ жизни не долженъ былъ разставаться!

Георгъ Перссонъ. Ты говоришь о Каринъ, конечно!

Эрикъ. Да!

Георгъ Перссонъ. Ну, ступай!

Эрикъ. Что-то теперь будетъ!

Георгъ Перссонъ барабанитъ пальцами по столу. Да если бы это знать.

АКТЪ V.

Кухня въ домѣ Монса—отца Каринь.

Монсъ сидитъ за столомъ; стучать въ дверь. Войдите!

Входитъ Педеръ Веламсонъ.

Монсъ. Здорово, Педеръ.

Педеръ Веламсонъ. Капраль, если позволите!

Монсъ. Да-а-а!—Что жъ, надѣюсь, ты честно заслужилъ свое повышеніе!

Педеръ Веламсонъ. Надѣюсь!

Монсъ. Что у васъ произошло тамъ въ Упсалѣ?

Педеръ Веламсонъ. Мы казнили измѣнниковъ!

Монсъ. И справедливо, по закону?

Педеръ Веламсонъ. Казнь измѣнниковъ не можетъ быть несправедливой.

Монсъ. У васъ были налицо всѣ доказательства?

Педеръ Веламсонъ. Всѣ доказательства были въ моихъ рукахъ, и я, по приговору короля, собственноручно свершилъ казнь.

Монсъ. Я согласенъ, что народу слѣдовало открыть глаза на поступки дворянъ—но почему же король послѣ этого сошелъ съ ума?

Педеръ Веламсонъ. Сошелъ съ ума? Да онъ просто раскаялся; какое же это сумасшествіе?

Монсъ. Говорять, будто онъ скитался въ лѣсу? Это правда?

Педеръ Веламсонъ. Онъ пришелъ въ отчаяніе, потому что у него похитили его дѣтей, ну, и отправился ночью ихъ разыскивать—конечно, это глупо—заблудился въ лѣсу, долженъ былъ спать на голой землѣ, подъ дождемъ, ничего не ѣлъ, вотъ и заболѣлъ, а въ жару сталъ бредить; чего же тебѣ еще!

Монсъ. Неужели у этого человѣка осталась еще хоть капля порядочности?

Педеръ Веламсонъ. Слушай, Монсъ! Что ты его ненавидишь, я вполне понимаю, но вѣдь не звѣрь же онъ на самомъ-то дѣлѣ. Подумай, вѣдь герцогъ Іоганнъ былъ приговоренъ къ смертной казни, а король Эрикъ отмѣнилъ приговоръ и даже выпустилъ его на свободу. Правда, онъ казнилъ дворянъ, бывшихъ въ заговорѣ противъ него, но потомъ просилъ прошенія у ихъ родственниковъ и пожертвовалъ имъ громадныя суммы денегъ. Развѣ это плохо?

Монсъ. Да, но убійство остается убійствомъ!

Педеръ Веламсонъ. Что ты вздоръ-то болтаешь! Онъ ударилъ Нильса въ руку за его дерзость и притомъ ударилъ не смертельно!

Монсъ. Это все равно...

Педеръ Веламсонъ. Все равно что убить, что не убить! Ты просто необразованный болванъ, старая безмозглая шельма, вотъ что!

Монсъ. Не кричи; кто-то стоитъ подъ окномъ и подслушиваетъ...

Педеръ Веламсонъ. Ну, и пускай!

Монсъ. А что, король нашель Каринь?

Педеръ Веламсонъ. Не знаю — кажется, нѣтъ!

Монсъ. Чего она огъ него убѣждала?

Педеръ Веламсонъ. Королева-вдова ее напугала!

Монсъ. Такая же сволочь!

Педеръ Веламсонъ. Не оттого ли, что съ тобой породнилась?

Монсъ. Да ужъ нечего сказать, вкусъ! Ты навѣрно воображаешь, что мнѣ льститъ эта знатная родня! Наоборотъ. Люди могутъ скрыть свой позоръ, а мой-то красуется на шпицѣ королевскаго замка, и всѣ на него любятъся!

Педеръ Веламсонъ. Правда, тамъ кто-то есть!

Оборачиваются къ окну въ глубинѣ сцены и смотрять; тамъ на мгновение показывается блѣдное измученное лицо Каринь и исчезаетъ.

Монсъ. Видѣлъ?

Педеръ Веламсонъ Видѣлъ. Это Каринь. Слушай, Монсъ, въ тебѣ чванства больше, чѣмъ въ любомъ царедворцѣ — это нехорошо! Будь хоть разъ въ жизни человѣкомъ!

Монсъ. Ну-ка, дай мнѣ палку, вонъ тамъ въ углу.

Педеръ Веламсонъ. Ударилъ бы я тебя самого этой палкой, если бы не твои сѣдины!

Монсъ. Уходи пока цѣль!

Педеръ Веламсонъ пятится къ двери. Это я-то! Уходить, оставляя за собой открытую дверь.

* * *

Каринь въ дверяхъ. Можно войти?

Монсъ. Голодна ты что ли, что пришла сюда?

Каринь. Нѣтъ, я несчастна...

Монсъ. Грѣшники заслуживаютъ смерти!

Каринъ. Знаю, но, прежде чѣмъ умереть, мнѣ хотѣлось бы повидаться съ сестрами...

Монсъ. Этого не будетъ!

Каринъ. Большаго несчастья для меня не можетъ быть, папа!

Монсъ беретъ изъ угла палку и снова садится. Не подходи, а то убью!

Каринъ. Забудь, что когда-то я была твоею дочерью, представь себѣ, что предъ тобою нищая, скитавшаяся по полямъ и лѣсамъ, что ноги ея отказываются идти дальше. Иначе я сяду у твоего порога, какъ бродяга.

Монсъ. Не смѣй! Убирайся вонъ и иди, пока не загорятся подошвы на твоихъ ногахъ...

Каринъ подходитъ къ печи. Можно напиться изъ ведра?

Монсъ. Не смѣй осквернять сосуда своими безстыдными губами; хочешь пить или ѣсть, такъ иди въ свиной хлѣвъ; тамъ твое мѣсто...

Каринъ подходитъ къ отцу. Бей меня, отецъ, но позволь мнѣ остаться; право, я не хуже другихъ...

Монсъ заноситъ надъ ней палку.

Эрикъ входитъ. Что ты дѣлаешь, солдатъ?

Монсъ. Расправляюсь съ своею дочерью!

Эрикъ. Опоздалъ! Ты оттолкнулъ свою дочь, и теперь я буду ея защитникомъ!

Монсъ молчитъ.

Эрикъ. Если бы ты былъ хоть крошечку повѣжливѣе—я бы официально попросилъ у тебя руки твоей дочери; но я даже боюсь теперь пригласить тебя на свадьбу.

Монсъ молчитъ.

Эрикъ. Ты, можетъ быть, думаешь, что я не сознаю своей вины; но вѣдь я хочу теперь исправить свой проступокъ, стало-быть, и ты долженъ простить. Ну, давай руку!

Монсъ попрежнему молчить и смотреть неловѣрчиво.

Эрикъ. Ты смотришь на меня, какъ на сумасшедшаго, считаешь себя умнѣе и убѣжденъ, что на моемъ мѣстѣ никогда бы такъ не поступилъ, какъ я; а между тѣмъ я свое слово сдержу и думаю, что тебѣ могъ бы попасться и худшій зять, чѣмъ я.

Монсъ продолжаетъ молчать.

Эрикъ. Онъ мнѣ даже не отвѣчаетъ! Какой король былъ бы такъ кротокъ? Развѣ ты не понимаешь, какъ высоко, значить, я цѣню твою дочь, если хочу сдѣлать ее королевой и ублажаю такого грубаго и надутаго мужика, какъ ты! Ну, я ухожу. Только бы не раскаяться мнѣ въ своемъ благородствѣ, а ты, кажется, и понять-то этого не можешь!—Идемъ, Каринь!—Идемъ! Идетъ за руку съ Каринь, потомъ оглядывается. Я тебѣ прощаю только потому, что самъ нуждаюсь въ прощеніи. Впрочемъ, идя сюда, я думалъ, что хуже меня нѣтъ чемовѣка на свѣтѣ, а теперь вижу, что я немного лучше тебя!

Библиотека въ башнѣ. Герцогъ Юганнъ сидитъ за письменнымъ столомъ, склонившись надъ бумагами.

Стучать.

Иоганнъ. Войдите! Входитъ герцогъ Карлъ. Что, выспался?

Карлъ. Да, и нахожу, что утро вечера мудренѣе.

Иоганнъ. А что?

Карлъ. Я сообразилъ, что исчезновение королевскихъ дѣтей еще не есть несчастіе для страны.

Иоганнъ. Кажется, и общественное мнѣніе таково же! Но вѣдь не можетъ же сумасшедшій управлять государствомъ!

Карлъ. Вотъ въ этомъ-то и вопросъ: сумасшедшій ли онъ?

Иоганнъ. Несомнѣнно!

Карлъ. Подожди! Сомнѣніе, раскаяніе, попытки исправиться совсѣмъ еще не признаки сумасшествія!

Иоганнъ. А его послѣдніе поступки, о которыхъ ты еще не знаешь? Напримѣръ, то, что онъ, король, явился къ солдату Монсу съ официальнымъ предложеніемъ, просилъ руки его дочери, приглашалъ его къ себѣ на свадьбу и въ то же самое время послалъ приглашеніе мнѣ и тебѣ!

Карлъ ходитъ въ раздумьи взадъ и впередъ по комнатѣ. Нельзя сказать, чтобы это было умно — но это и не безумно.

Иоганнъ. Нѣтъ? Значитъ, по-твоему, шведскій престолъ долженъ принадлежать потомству Монса?

Карлъ. Нѣтъ, этого я бы не желалъ; да незаконныя дѣти по-настоящему и не могутъ быть наслѣдниками престола!

Иоганнъ. Нѣтъ? Но вѣдь Георгъ Перссонъ, эта умнѣйшая шельма и единственный государственный дѣятель, несомнѣнно, добьется отъ риксдага всего, чего захочетъ; вѣдь убѣдилъ же онъ риксдагъ вынести мнѣ смертныя

приговоръ; теперь же онъ устроитъ такъ, что дѣти фаворитки будутъ усыновлены и признаны законными.

Карлъ. А нельзя ли его уничтожить?

Иоганнъ. Попробуй! А такъ какъ Георгъ—ничто безъ Эрика, то...

Карлъ. Вмѣстѣ съ Эрикомъ! Да, но вѣдь онъ нашъ братъ...

Иоганнъ. Нѣтъ, онъ самъ отказывается отъ родства съ нами, потому что мы отъ разныхъ матерей...

Карлъ. Слѣдовательно, переворотъ возможенъ хоть сейчасъ...

Иоганнъ. И въ такомъ случаѣ риксдагъ былъ бы въ нашихъ рукахъ...

Карлъ. Иоганнъ, откуда у тебя появились такіе принципы?

Иоганнъ. Отъ моихъ враговъ!

Карлъ. Плохая школа! Но положимъ, что намъ удастся совершить этотъ переворотъ, что же тогда?

Иоганнъ. Тогда мы подѣлимъ между собою власть! Престоль Густава-Адольфа достаточно широкъ, хватить на насъ обоихъ!

Карлъ. А ты не отступишься отъ своихъ словъ, ты согласенъ дать письменное удостовѣреніе?

Иоганнъ, протягивая руку. Конечно!

Карлъ. Я вѣрю тебѣ, Иоганнъ, вѣрю потому, что у тебя есть нѣчто, чего нѣтъ у Эрика—религія! Значитъ мы отказываемся отъ приглашенія на свадьбу и отправляемся въ Стокгольмъ!

Иоганнъ. А не лучше ли оставить Эрика въ заблужденіи, что мы явимся на свадьбу?

Карлъ. Это смотря по обстоятельствамъ. Пусть обнаружитъ свою игру, мы пока еще не знаемъ, какой онъ сдѣлаетъ ходъ.

Иоганнъ. Ты, кажется, умнѣе меня! Но дѣло-то въ томъ, что я отчасти побаиваюсь этой свадьбы. Онъ считаетъ насъ Фолькунсами, такъ какъ мы потомки Вальдемара; не было бы это повтореніемъ. Никопингскаго мира...

Карлъ. Или Гатуны!

Иоганнъ. Пожалуй!

Карлъ. Значитъ, за дѣло! Я на тебя надѣюсь, Иоганнъ, и теперь тебѣ извѣстно, почему.

Зала въ замкѣ. Входятъ Эрикъ и Каринъ, оба въ королевскихъ одеждахъ.

Эрикъ. Наконецъ-то ты моя жена, королева и мать народа. Привѣтствую твое вступленіе въ столицу Швеціи. Нельзя сказать, чтобы торжественна была наша свадьба—герцоги отсутствовали при совершеніи обряда—но будемъ надѣяться, что они еще явятся на свадебный пиръ...

Каринъ. Не печалься, Эрикъ, этимъ послѣднимъ пренебреженіемъ съ ихъ стороны; лучше порадуемся вмѣстѣ, что, наконецъ, наши дѣти могутъ считаться законными...

Эрикъ. Вся моя жизнь была сплошнымъ позоромъ и униженіемъ; даже самый торжественный день, когда мнѣ удалось повести къ алтарю подругу своей юности—оказывается днемъ позора! Мои дѣти, этотъ драгоценнѣйшій даръ Божій, должны скрываться, какъ свидѣтельство позора, о которомъ, между прочимъ, всякій знаетъ!

Каринъ. Это неблагодарность, Эрикъ! Вспомни тѣ дни отчаянія, когда твои дѣти находились заложниками у твоихъ враговъ, и ты молился лишь о спасеніи ихъ...

Эрикъ. Да, ты права, и враги мои оказались благороднѣ меня, они пощадили жизнь моихъ дѣтей, тогда какъ я отнялъ ее у дворянъ. Да, да, всѣ лучше меня, и я не заслуживаю даже того, что имѣю много лучше!

Каринъ. Ты избѣжалъ столько опасностей и долженъ бы чувствовать себя счастливымъ...

Эрикъ. Да, я счастливъ, но это-то и не даетъ мнѣ покоя; какъ мнѣ грустно, что Георга Перссона я не могъ пригласить на свадьбу—но это было условіе герцоговъ!

Каринъ. Не грусти, будь благодаренъ за то, что имѣешь...

Эрикъ. Благодаренъ-то я благодаренъ—но, въ сущности, не знаю за что.—Я поступилъ справедливо, а между тѣмъ долженъ за что-то извиняться!

Каринъ. Эрикъ! Эрикъ!

* * *

Нильсъ Гиленшёрнъ входитъ. Ваше величество, народъ хочетъ видѣть новобрачную и привѣтствовать свою королеву!

Эрикъ къ Каринъ. Ты согласна?

Каринъ. Да, если таковъ обычай!

Эрикъ Нильсу. Впусти народъ!

Нильсъ впускаетъ толпу.

Въ толпѣ видны Монсъ, мать Георга Перссона и Агла съ Маріей.

Каринъ Эрику. Скажи отцу хоть одно привѣтливое слово.

Эрикъ. Право, не знаю! Этотъ субъектъ надменнѣе меня самого—не вышло бы хуже!

Монсъ. Ну, вотъ, теперь я тебя прощаю!

Эрикъ влобно. Что такое ты прощаешь?

Монсъ. Я хотѣлъ, чтобы прапорщикъ Максъ вытащилъ ее изъ грязи—вѣдь они были помолвлены—да, да, только между ними ничего такого, какъ говорится, не было, я думаю...

Каринъ. Отецъ! Отецъ!

Эрикъ. Да ты пьянъ, или сбѣсился что ли? Вотъ такъ свадьба! Вотъ такъ гости! Вонъ, я вижу, потаскушка Агда изъ трактира «Голубой Голубъ»—любовница Нида Якова! Это подруга моей невѣсты! А этотъ болванъ мой тестъ! Чортъ возьми! Подумаешь, какъ же мнѣ не быть благодарнымъ, веселымъ да счастливымъ! Чортovski везетъ! Нильсу. Гони эту сволочь! Тамъ съ полдюжины моихъ свояченицъ, онѣ раньше не желали мнѣ кланяться, а теперь норовятъ, небось, у зятка денегъ занять! Гони ихъ всѣхъ вонъ, Гилленшёрнъ! Каринъ уходитъ въ слезахъ.

Эрикъ вслѣдъ Каринъ. Вотъ, такъ-то лучше!

Народъ удаляется.

Что они теперь думаютъ, эти твари, всѣхъ бы ихъ повѣсить, исключая матери Георга, да и у той тоже не хватило ума остаться дома. Небось, сынъ-то умнѣе: не явился...

Георгъ Перссонъ входитъ.

Эрикъ. А, вотъ и оңъ самъ! Ты легокъ на поминѣ, Георгъ!..

Георгъ Перссонъ. Надѣюсь, не опоздалъ!..

Эрикъ. А что ты дѣлалъ?

Георгъ Перссонъ. Я былъ въ Упсалѣ и обрабатывалъ палату, а здѣсь, кажется, грозитъ новая опасность?

Эрикъ. Кажется!

Георгъ Перссонъ. Послѣ твоего отъѣзда я разыскалъ обвинительный актъ со всѣми свидѣтельскими показаніями. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось привести къ соглашенію членовъ риксдага, но, въ концѣ концовъ, послѣ моей обвинительной рѣчи, дворянамъ былъ вынесенъ обвинительный приговоръ...

Эрикъ. Нѣтъ! А я просилъ помилованья и разослалъ по всей странѣ циркуляры, гдѣ доказывается невинность всѣхъ казненныхъ!

Георгъ Перссонъ падаетъ на стулъ. О, Господи Иисусе! Ну, теперь мы погибли! Да, Эрикъ, все, что ты ни предпримешь, производить только одну неурядицу!

Эрикъ. Не можешь ли ты какъ-нибудь уладить это дѣло, Георгъ?

Георгъ Перссонъ. Нѣтъ, теперь ужъ я ничего не могу сдѣлать! Всѣ мои планы ты разрушаешь до основанія, несчастный!

Эрикъ. Должно быть потому и герцоги не прибыли?

Георгъ Перссонъ. Пожалуй; впрочемъ, кромѣ того, они получили предостереженіе!

Эрикъ. Отъ кого же? Отъ кого?

Георгъ Перссонъ молчитъ.

Эрикъ. Тебѣ извѣстно! Говори!

Георгъ Перссонъ. Мнѣ больно выдавать!

Эрикъ. Значитъ это Каринъ?

Георгъ Перссонъ молчитъ.

Эрикъ. Да? Потаскушка, лгунья, чертовка! А я еще

съ ней спутался! Значить, она знала о постановленнн рикса-дага и не сказала мнѣ. Какъ послѣ этого жить!

Георгъ Перссонъ молчить.

Эрикъ. Вотъ и награда за мое благородство! За помилованіе Юганна, за громадныя пожертвованія въ пользу родственниковъ этихъ негодяевъ! За все это я получилъ ударъ въ самое сердце! Отъ самага близкаго существа, которому вѣрилъ, какъ никому на свѣтѣ! Связать меня по рукамъ и ногамъ и веревку на шею—съ кѣмъ теперь мнѣ бороться!

Георгъ Перссонъ. Съ дьяволомъ!

Эрикъ. Я самъ такъ думаю! Только бы явилась королева-вдова—и дворяне пожалуютъ! — Подумай, вдругъ Елизавета Англійская узнаетъ о моей свадьбѣ съ солдатской дочерью! Это хуже всего! Это немыслимо! Ха! Ха! Король Швеціи справляетъ свадьбу съ мѣщаночкой, потомокъ Вазы женится на дочери Монса—бывшей любовницѣ какого-то мужика! Хорошо еще, что ты его утопилъ. Спасибо тебѣ! А я за поступокъ этой сволочи три дня и три ночи вымаливалъ себѣ прошенье у Каринъ! Жаль, что герцоги не извоили пожаловать, я бы собственноручно подложилъ пороху подъ ихъ стулья и взорвалъ бы ихъ!

Входитъ Нильсъ Гиленшёрнъ.

Эрикъ. Ну, что еще?

Нильсъ молчить.

Эрикъ. Еще отказъ? Королева-вдова извиняется!

Нильсъ Гиленшёрнъ, указывая на пачку открытыхъ песемъ. Да и всѣ дворяне... также извиняются!

Эрикъ. О! Король дѣлаетъ честь всей этой сволочи, приглашаетъ ее на свадьбу, а она еще ломается. Гиленшёрнъ, давай сигналъ! Собирай всю челядь, пускай сядутъ за столъ! Всѣ вмѣстѣ! Мой фальшивый брилліантъ требуетъ подходящей оправы. Пошли по улицамъ и базарамъ, пусть созовутъ всѣхъ нищихъ съ помоекъ и всѣхъ потаскушекъ изъ кабаковъ!

Нильсъ Гиленшёрнъ. Вы не шутите, ваше величество?

Эрикъ. Какія тамъ шутки! Выбиваетъ дверь на заднемъ планѣ; подаетъ знакъ: раздается барабанный бой, и на сцену вносятъ накрытые столы; идетъ къ лѣвой двери, дѣлаетъ еще знакъ, и наполовину пьяная толпа нерѣшительно и осторожно появляется на сцену. За столъ! Несчастные! Вотъ такъ! Нечего стѣсняться! Не будемъ ждать новобрачную, она только что сошла внизъ. Ну, садитесь же, псы! Садитесь, не то убую!

Толпа за исключеніемъ матери Георга Перссона разсаживается по мѣстамъ.

Георгъ Перссонъ попрежнему сидитъ на своемъ мѣстѣ и презрительно оглядываетъ входящихъ.

Нильсъ Гиленшёрнъ кладетъ свой маршальскій жезль къ ногамъ Эрика.

Эрикъ. Ага, ты сытъ, лизоблюдь! Тебѣ низко съ этой сворой! Смотри-ка, вонъ, какъ королевскій-то тестъ засовываетъ въ ротъ пальцы. Поднимаетъ жезль, ломаетъ его и обломки бросаетъ вслѣдъ Гиленшёрну. Убирайся ко всѣмъ чертямъ!

Нильсъ Гиленшёрнъ. Вы теряете во мнѣ вашего послѣдняго и единственнаго друга!

Эрикъ. Какія громкія слова, подумаешь, только я-то

не ребенокъ и не дуракъ, чтобы вѣрить красивымъ словамъ всякой сволочи!—А впрочемъ, садится рядомъ съ Георгомъ Перссономъ, пожалуй, Гиленшёрнъ не лучше и не хуже другихъ; какъ говорится, и нашимъ и вашимъ; помонъ благородныхъ стремлений и въ то же время низокъ; безпримѣрно храбръ и трусливъ, какъ заяцъ; вѣренъ, какъ песъ, и коваренъ, какъ кошка...

Георгъ Перссонъ. Словомъ: онъ человѣкъ! Входитъ новая толпа народа.

Эрикъ. Добро пожаловать на свадьбу! Садитесь за столъ, господа! Ышите, пейте, веселитесь, а завтра умрете! Георгу Перссону. Странно, за что я всегда любилъ этихъ дрянныхъ людишекъ! А знаешь, по этимъ рожамъ можно узнать правду о людяхъ! Взгляни на этихъ лакеевъ, какъ они задираютъ носы. Ха! ха!

Георгъ Перссонъ. Неужели же правда, ты считаешь, что чернь хуже благородныхъ! А найдется ли среди нихъ такой хамъ, какимъ показалъ себя Сванте Стуре, когда онъ былъ у меня въ домѣ—я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ ничего подобнаго ни на помойкахъ, ни въ кабакахъ!

Эрикъ. Что же такое онъ говорилъ?

Георгъ Перссонъ. Мнѣ стыдно повторять тѣ ругательства, которыми онъ осыпалъ мою мать и ребенка. Недоставало только, чтобы онъ ткнулъ имъ въ горло ножомъ!

Эрикъ лакеямъ, которые неохотно прислуживаютъ. Будьте вѣжливы съ моими гостями, не то я прикажу всѣхъ васъ высѣчь. Георгу Перссону. О чемъ задумался?

Георгъ Перссонъ. О тебѣ и о себѣ!—Хоть я и

пересталъ что-либо понимать, но думаю, что наша сила идетъ къ концу. Въ душномъ воздухѣ носится многое! Однимъ ухомъ я слышу топотъ коней, а другимъ бой барабана и звуки шпицрутеновъ!—Ты не замѣтилъ, что моя мать была здѣсь?

Эрикъ. Да, она сейчасъ только была, приходила взглянуть на новобрачную!

Георгъ Перссонъ. Не понимаю, что меня влечетъ всегда къ старикамъ. Кажется она только и говорила, что о деньгахъ, но все-таки въ ея словахъ бывало много правды...

Эрикъ. Георгъ, ты не въ претензіи на меня за то, что я просилъ тебя не присутствовать при свадебномъ обрядѣ. Вѣдь это все по милости герцоговъ...

Георгъ Перссонъ. А ты думаешь, я этого не понималъ; значить, ты считаешь меня мелочнымъ? Объ одномъ только я прошу тебя!

Эрикъ. Ну, говори!

Георгъ Перссонъ. Не думай, что я былъ въ связи съ Агдой—любовницей жида Якова,—это неправда, а то, что я подалъ ей руку помощи, было не что иное, какъ.. гм!.. какъ игра въ благородство... остатки прежняго величія!

Эрикъ. А вѣдь ты дѣйствительно порядочный человекъ, Георгъ...

Георгъ Перссонъ. Замолчи!.. Извини, но я не выношу, когда меня хвалятъ—это неправда, и ко мнѣ это не идетъ! Словомъ, въ такихъ случаяхъ мнѣ становится невыносимо тяжело!

Эрикъ. Шш... шш... шш...

Георгъ Перссонъ. Знаешь, что означаетъ отсутствіе герцоговъ?

Эрикъ. То, что они свиньи!

Георгъ Перссонъ. Что мы приговорены! Просто и ясно?

Эрикъ. Приговорены? Да, пожалуй! Ты правъ! А въ чемъ, по-твоему, былъ мой главный промахъ?

Георгъ Перссонъ. Не знаю, теперь я ровно ничего не знаю и не понимаю — я кончился. Было время, когда я воображалъ себя государственнымъ дѣятелемъ, считалъ себя призваннымъ укрѣпить за тобой корону, переданную тебѣ твоимъ дѣдомъ и народомъ, — не дворянствомъ, а народомъ, и помогъ тебѣ благополучно и съ достоинствомъ царствовать. Но это оказалось заблужденіемъ!

Эрикъ. А тебѣ не приходило въ голову, Георгъ, что существуетъ многое, чего мы не понимаемъ и не поймемъ никогда!

Георгъ Перссонъ. Еще бы! А не чувствовалъ ли ты за послѣднее время, что часто поступаешь лучше многихъ?

Эрикъ. Еще бы! А ты?

Георгъ Перссонъ. Я всегда стремился быть справедливымъ!

Эрикъ. Вотъ и я также! Да должно быть и всѣ такъ. Кто же неправъ?

Георгъ Перссонъ. Да, вотъ и рѣши! Какъ мало мы знаемъ! Молчаніе.

Эрикъ. Георгъ, не пойти ли намъ къ Каринь?

Георгъ Перссонъ. Пойдемъ; а ты ее простишь?

Эрикъ. Въ чемъ? Ахъ, да, что она послала предосте-

реженіе герцогама? Конечно, это было съ ея стороны нехорошо, но, можетъ-быть, она боялась, чтобы кровь ихъ не пала на головы дѣтей и мою!

Георгъ Перссонъ. Она оставила бочку съ порохомъ, потому что слишкомъ хорошо знала своего Эрика! Прости ее!

Эрикъ. Я и простилъ уже. — Взгляни-ка на этихъ! Они начинаютъ насыщаться и весело болтаютъ. — Георгъ, въ жизни, право, больше смѣшного, чѣмъ печальнаго!

Георгъ Перссонъ. И того и другого вдоволь! Для меня лично — все сплошная нелѣпость, но, быть-можетъ, во всемъ существуетъ какой-нибудь скрытый смыслъ. — Тебѣ грустно, Эрикъ?

Эрикъ. Да, въ моей душѣ снова поднимается смутная тревога. О чемъ? О комъ? — Не знаю. Пойдемъ со мной; я хочу видѣть Каринъ и дѣтей. Вотъ объясни мнѣ это: я вѣдь знаю, что она сама не лучше меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея присутствіи я чувствую себя покойнѣе и дѣлаюсь добрѣе!

Георгъ Перссонъ. Ничего я не могу объяснить!

Эрикъ. То мнѣ кажется, что я ея ребенокъ, то, что она — мой! Молчаніе.

Георгъ Перссонъ прислушивается. Тише! Слышишь шумъ на лѣстницѣ и въ коридорахъ; крадутся къ дверямъ, отворяютъ окна...

Эрикъ. Правда?

Входитъ Нильсъ Гиленшёрнъ.

Эрикъ. Смотри-ка! Нильсъ Гиленшёрнъ — и нашимъ и вашимъ! Ха! ха!

Нильсъ Гиленшёрнъ. Ваше величество! Гарнизонъ замка и страны подкуплены! Герцоги гораздо ближе, чѣмъ мы думали!

Эрикъ. Ну, и отправляйся къ герцогамъ.

Нильсъ Гиленшёрнъ. До этого я еще не дошелъ!

Эрикъ. Какія же доказательства твоего подозрѣнія?

Нильсъ Гиленшёрнъ, показывая серебряную монету. Народу раздаются сребренники Иуды. Это цѣна крови — они вычеканены изъ серебра, пожертвованнаго вами, въ память казненныхъ Стуре!

Эрикъ Георгу. Что же это? Казнятъ измѣнниковъ; я хочу вознаградить за казни деньгами, а на эти деньги покупаютъ мою голову! Развѣ жизнь не безуміе? Пойдемъ со мной къ Каринь!

Георгъ Перссонъ. Я пойду съ тобою всегда и всюду!

Эрикъ. Ступай, Гиленшёрнъ, и спасай свою жизнь. Спасибо тебѣ за все хорошее, остальное мы вычеркнемъ! Пусть народъ повеселится всласть! Это дѣти, ихъ не надо обижать!

Нильсъ Гиленшёрнъ падаетъ на колѣни передъ Эрикомъ.

Нильсъ Гиленшёрнъ. Боже, помилуй и спаси короля Эрика — друга народа, любимца народа!

Эрикъ. Развѣ? Развѣ меня любятъ?

Нильсъ Гиленшёрнъ. Да; въ день св. Эрика, когда начинается наливаться колось и появляется на небѣ звѣзда св. Эрика — крестьянинъ молится: Боже, спаси короля Эрика.

Эрикъ. Молчи! Одинъ изъ насъ безумецъ, другой — негодай; мы съ нимъ не вѣримъ больше въ Бога...

Георгъ Перссонъ. Да, ни въ Бога, ни въ чорта!

Георгъ Перссонъ и Эрикъ идутъ направо, Нильсъ Гиленшёрнъ налѣво.
Молчаніе.

Монсъ совершенно протрезвившійся, но нѣсколько растерянный, поднимаетъ бокаль. Дорогие товарищи, насъ угощаютъ — угощаютъ на славу... Не стѣсняйтесь...

Марія громко и внятно. Я хочу, мама...

Агда. Ангелъ мой, тише!

Монсъ. Хоть хозяинъ здѣсь не я — и даже, по правдѣ, довольно странно такое сопо... сопоставленіе! Мы бы хотѣли, конечно, видѣть за столомъ молодыхъ...

Марія. Я хочу, мама!

Монсъ. Подожди немножко, дѣтка, да не пей столько.

Марія. Я хочу п... мама...

Монсъ. Сводила бы ребенка-то, чтобъ тебя...

Агда поднимается съ Маріей. Пойдемъ, мой ангелъ!

1-й мужской голосъ. Точно дома не могла, чортъ возьми! Лакей! Ну-ка, дай сюда еще гуся-то!

1-й женскій голосъ. Я прежде просила!

2-й мужской голосъ. Тащи сюда семгу-то. Эй, ты!

Лакей. Не забывайся, смотри, гдѣ ты сидишь-то!

2-й мужской голосъ. Небось, у себя сажу, холопы!

И обѣдъ ѣдимъ свой, мы за него заплатили!

2-й женскій голосъ. Распусти ремень-то, Монсъ!

Монсъ. Ишь попрекаетъ, — ужъ будто я такъ много съѣлъ!

2-й женскій голосъ. Ну, вотъ, я вѣдь пошутила, Монсъ!

3-й мужской голосъ. Лакей! Что это трубятъ! Право трубятъ!

Монсѣ. Никто не трубить!

3-й мужской голосъ. А гдѣ же пируютъ знатные господа! Должно быть, имъ съ нами низко!

1-й мужской голосъ. Король? Да вѣдь онъ сошелъ съ ума, — это всѣмъ извѣстно!

2-й женскій голосъ. Навѣрно сошелъ съ ума, а то развѣ бы мы сидѣли здѣсь!

Монсѣ. Я бы попросилъ... Шумъ. Я бы попросилъ слова, — да! Позвольте вамъ сказать! Всѣмъ, кто здѣсь сидитъ, стыдно бы такъ говорить про короля. Правда, онъ человѣкъ странный, необыкновенный человѣкъ, но онъ лучше многихъ, — онъ возстановилъ честь бѣдной дѣвушки; онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ нищихъ, да, потому что мы нищіе, значить онъ, такъ сказать, не пренебрегаетъ низкимъ происхожденіемъ своей невѣсты! По разнымъ направленіямъ раздаются сигналы. Дорогіе товарищи! Эти сигналы у насъ, военныхъ, означаютъ, что обѣдъ или собраніе окончены! Поблагодаримъ же Бога!

Старуха Перссонъ входитъ. Что это за пирь?

Монсѣ. Да, мамаша, жилъ однажды король, справлялъ онъ свою свадьбу и послалъ своихъ слугъ звать избранныхъ къ себѣ на свадьбу, но тѣ не захотѣли притти. Тогда сказалъ онъ своимъ слугамъ: ступайте на большую дорогу и всѣхъ, кого тамъ встрѣтите, зовите ко мнѣ на свадьбу. Слуги пошли и звали всѣхъ встрѣчныхъ и добрыхъ и злыхъ, и всѣ мѣста за столами оказались занятыми...

Мать Перссона. Гдѣ мой сынъ Георгъ?

Монсѣ. Тамъ съ королемъ!

Мать Перссона, показывая направо. Тамъ что ли?
Монсъ. Тамъ!

Старуха Перссонъ уходитъ направо.

Монсъ. Дорогие товарищи! Какъ только выйдетъ король, вы всѣ вмѣстѣ со мною должны кричать: Вивать, Эрикъ четырнадцатый! Поняли? Вивать! Вивать!

Всѣ. Вивать!

* * *

Педеръ Веламсонъ входитъ въ волненіи. Король здѣсь?

Монсъ. Нѣтъ! Что случилось?

Педеръ Веламсонъ. Замокъ осажденъ; герцоги рядомъ въ комнатѣ!

Монсъ встаетъ. Боже! Что же съ нами будетъ?

Всѣ поднимаются изъ-за стола.

Педеръ Веламсонъ. Съ вами-то что! Вотъ, что со мной? Небось на висѣлицу!

Монсъ. Ничто такъ не измѣнчиво, какъ счастье; только человѣку почувствовать себя счастливымъ, а горе уже ждетъ его у порога. Что же намъ теперь сказать? Что дѣлать?

Педеръ Веламсонъ наливаетъ полный кубокъ вина и выпиваетъ его залпомъ. Только бы не пытки; герцогъ — самъ дьяволъ!

Мать Перссона вбѣгаетъ. Исусе! Короля взяли въ плѣнъ! Георгъ, сынъ мой!

Монсъ. Каринь! Дочь моя!

Мать Перссона. Зови, зови! Такъ она и пошла за тобой!

Монсъ. А то нѣтъ?

Мать Перссона. Конечно нѣтъ, она ушла съ своимъ мужемъ!

Монсъ. Ну, значить, оба сумасшедшіе!

* * *

Двери въ глубинѣ сцены открываются, и появляется Нильсъ Гиленшёрнь.

Нильсъ Гиленшёрнь. Король идетъ!

Всѣ пятятся назадъ.

Монсъ. Но вѣдь король въ плѣну!

Нильсъ Гиленшёрнь. Прежній, да! Это же—настоящій! Берегитесь, дѣло идетъ о жизни и смерти!

Герцоги Иоганнь и Карль со свитой.

Всѣ. Ура, Иоганнь Третій!

Герцогъ Иоганнь. Благородно! Нильсу. Это что за сборище?

Нильсъ Гиленшёрнь. Это придворные Эрика!

Герцогъ Иоганнь. Я плохо вижу, но мнѣ кажется, что эти придворные больше похожи на оборванцевъ!

Герцогъ Карль. Да, нашъ братъ не любилъ церковь, но любилъ людишекъ.

Герцогъ Иоганнь. Правда, это была его слабость..

Герцогъ Карль тихо Иоганну. А можетъ быть и сила! А вотъ у тебя, кажется, есть слабость не держать слова!

Герцогъ Иоганнь. Какого слова?

Герцогъ Карль. Что престолъ будетъ принадлежать намъ обоимъ!

Герцогъ Іоганнъ. Въ первый разъ слышу!

Герцогъ Карлъ. Мерзавецъ!

Герцогъ Іоганнъ. Берегись, въ Грингсгольмскомъ замкѣ мѣста много!

Герцогъ Карлъ. По опыту знаешь!

Герцогъ Іоганнъ. Итакъ, братская война окончена, спокойствіе восстановлено, идемте же навстрѣчу будущему полные надежды на миръ...

Герцогъ Карлъ дѣлаетъ знакъ своей свитѣ и направляется къ выходу.

Герцогъ Іоганнъ. Куда же, братъ мой?

Герцогъ Карлъ. Пойду своей дорогой, съ этой минуты наши пути расходятся!

Нильсъ Гиленшёрнъ. О, Боже! Все начинается снова!

Герцогъ Іоганнъ. Должно быть, весь міръ сошелъ съ ума!

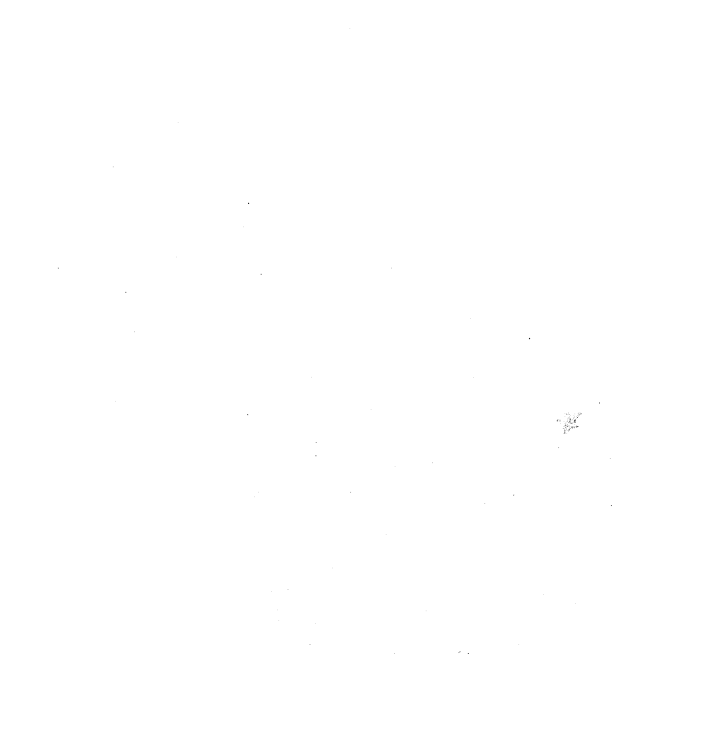
Герцогъ Карлъ. Такъ думалъ и Эрикъ! Можетъ быть, онъ былъ и правъ! Какъ знать!

Марія. Скоро ли все это кончится, мама?

Герцогъ Карлъ. Нѣтъ, дитя мое, жизненная борьба безконечна!

З а н а в ѣ с ѣ .

ОСЛОЖКА И ТИТУЛЬ ПЕЧАТАНЫ ВЪ ТИПОГРАФІИ Саолина, въ Москвѣ.

Текстъ печатанъ въ типографіи «Энергія». Спб., Загородный 17.